

А.Ф.Вельтман

ПРЕДКИ КАЛИМЕРОСА. АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ.

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ФАНТАСТИКА

XXVII

Leo
2017

А.Ф. Вельтман

ПРЕДКИ КАЛИМЕРОСА

Фантастический роман

Предки Калимероса.
Александр Филиппович Македонский

И СНОВА В ПУТЬ.
IV. Ч. СТРАННИКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Хоть вы златницами меня обсыпьте и обвесте,
Как Идолу молитесь мне,
Но с тем, чтоб я сидел на месте,
И видел Божий мир лишь в книгах да во сне...
Не соглашусь!
Но если человек самой Судьбою скован,
И счастье не везёт. душа его на дне,
И он—как говорят по-Польски— замурован,
Но видит Божий мир и в книгах и во сне, ...
Чтож делать!

Таким образом пробирался я однажды из древней Истории на свет Божий. Вправо от меня носились Мифы, как инфузории в капле воды; влево, по горам, тянулся *Гуристан* Азов, Финикиан, Скифов, Цельтов, Киммериан, Хазар, Печенегов....

Посматривая на обе стороны, я подгонял своего Гиппогрифа, рассуждая о Гипúzemодах, Гиппомолгах, Гиппокентаврах, Гиппокрене, и обо всех Греческих *ιππος* и Готских *Hoppa***.**

Гиппогриф мой взвевал пыль на пути преданий; не останавливаясь проехал я Хиера-Залу * Белистана**; взглянул

*   Iorsala land — Земля Божья — Иерусалимская.
** Палестина. — Персидское слово *Стан* от thione — земля.

на бюст Александра Великого... необыкновенное сходство с Наполеоном!

В Тире осмотрел, укрепления и огнестрельные орудия, которыми Тор поражал врагов своих; но в *Сифтуне* * где был женский храм… я невольно остановился. Там Дэма — Сифия считалась мудрейшею любимицею богов; красота её и прорицания влекли туда народ со всех сторон. Продравшись сквозь толпу к престолу Гульпиги** Астаргидии, т. е. божества любви, я положил на блюдо золотую монету. *Блотада,* заметив большое приношение, спросила меня: не угодно ли вопросить, о чем-нибудь Сифию?

—Что мне делать —произнёс я по-Русски.

Тоненький голосок раздался:

Hver's du leitar?
Hvat villtu vita?

Я не понял этих слов; но понимал, что они были произнесены вопросительным тоном; к счастию, старая Блотгидия заметив, вероятно, что я иноземец, повторила мне слова Сифии по-Русски:

Кто ты вопрошающий?
Что хочешь ты знать?

— Я философ и поэт, —отвечал я — хочу знать, что мне делать

—Fiol-sifr ok Skaldr! —повторила вслух Блотгидия.... —Чтож тут

* *Сидон.*

** *Гульпига* (Gulpiga) значит *златая дева;* Греки преобразовали ее в *Венеру Кальпигу, —Venus au belles fesses.*

спрашивать, —продолжала она, —Для чего беспокоить *премудрость* разумеется: писать.

— О, я пишу из доброй воли,
Писать легко, читать легко-ли?

— Ты хочешь, чтоб тебя читали? это дело другое — молись, повторяй за мной:

Augna himins,
Augna hamans,
Gulna ok Gloa!
Gefr mer mannvitt
Ok brag Skaldum!

И она перевела мне, покуда Сифия сбиралась отвечать; вот что значила молитва:

Око небесное,
Око любви,
Златая, всесветлая!
Подай мне всезнание
И песнь благозвучную.

Едва я кончил мою мольбу, вдруг занавес исчезла...

Я увидел лик пифии... Под белой, пеленой; молча, сладостно она взглянула на меня....

И, снова занавес—и нет Пифии!

Читали ль вы ответ пророчицы в газах?
Все нервы в вас, как струны загрохочут,
Когда светильники любви, не в небесах,
А на земле блаженство вам пророчут!
О, звездный свет от голубых очей!
О, кудри, свитые из утренних лучей!
И бурею любви колеблемое лоно,

И эти лебеди Меандра—рамена! ...
Тс! Пифия нисходит уже с трона,
В объятья… да!.. в объятья сна!

мне стало грустно... нет! думал я, Пифия не могла смотреть на меня; у нее на очах повязка; она не могла видеть вопрошающих; для нее все должны быть равны… да! для четырнадцатилетней девушки-пророчицы эта предосторожность необходима.

ГЛАВА II.

Но я влюблен, влюблён я страстно;
А страсть есть тоже, что и власть:
Ей все возможно, все подвластно,
Страсть может Пифию украсть.

Я этак и сделал. — Отшибаются Историки, которые похищение юной Пифии приписывают Фессалийцу Ификрату. Последние звуки колокола отозвались в ущельях Ливана. Народ уже выбрался из храма; светильники гасли, а я, задумчивый, стоял в глубине колоннад. Только перед престолом Рока на треножниках пылал еще огонь, — меня не заметили, — мне хотелось взглянуть на юную пророчицу. Я видел, как хорицы святилища, называемые Музами, толпились уже около неё, сводили, со, ступеней горнего. трона; одна из них, Каллиопа, повествующая, о Ристаниях Олимпийских, сбросив с себя покрывало, и преклонив колено пред Пифией, приняла от нее жертвенную белую тогу и пояс с изображением созвездий, и венец, и, повязку с очей; другая, Талия, исцеляющая имена и подвиги божества, поднесла на золотом блюде простой полотняный, снежный покров.

В это мгновение я успел взглянуть еще раз на Пифию; но

Она пошла, а что со мной,
А что со мной, о други, сталось!
Она пошла, и подо мной
Пшла земля, мне показалось!

Мог ли я стоять на месте? Смотрю, лежит перед троном Астаргидии покрывало Каллиопы. Счастливая, смелая мысль

мелькнула в голове моей как молния, осветила мрачные своды храма, тихий гром прокатился в отдалении… добрый знак! Пифия моя!

Накинув на себя покрывало, я скорыми шагами догнал толпу Муз, взялся также за шлейф Пифии… и, мы вышли из внутренних дверей на обширный двор, осенённый столетними… что я говорю, тысячелетними священными древами. Впереди шла старая Блотгидия, в чёрной одежде, и несла жезл пророчицы.

За рощей открылись колоны здания, которое как будто вросло в гору, или было вырублено в скале, Пройдя колоннады и своды, освещенные фонарями, мы подошли к лестнице, от которой вправо и влево тянулись новые переходы и ряды дверей.

Поднимаясь на лестницу, я загляделся на ножки Пифии.... Бог знает, что за обувь… от самой подошвы, лента вилась, вилась… и я оступился… все Музы ахнули от испуга... что, если б я покатился сверху лестницы вниз… помогло ли бы мне покрывало Каллиопы! —Кровь во мне застыла от страха....

Подошли к дверям. Пифия остановилась. — Покуда Блотгидия отворяла двери, она что-то спросила....

Ей показали на меня. — «Ну, думал я, пропал! верно заметили, что вместо Девяти явилось десять Муз!» Но, как велико было мое удивление и радость, когда я заметил, что Каллиопы не было между нами: она воротилась в храм искать своего покрывала.

Пифия вступила в покои, я за ней. Блотгидия, и все Музы поклонились ей и вышли; я остался один с Пифией, я продолжал нести её шлейф.

Пройдя покой, уставленный жертвенными сосудами и шкапами, в

которых лежали свитки письмен, мы вошли в другой покой, — Пифия заперла за собою двери....

Этот покой был опочивальня Пифии.

Ложе под голубым балдахином; стол, посреди которого стояло золотое изображение *совы...* премудрости Адона; перед совою маленький золотой треножник, на котором раскидывалось голубое пламя; по сторонам свитки и *грифель*; но я ничего не видел, кроме Пифии....

Она сбросила с себя покрывало…

И… очи, очи голубые!
И кудри, кудри золотые!
И перси..., о Хафис Массуд,
Как по персидски их зовут?..

Но вот она подозвала меня, отцепить крючки пояса… у меня дрожат руки, я вес дрожу, ноги подкосились, я припал на колени… я утомил Пифию, долго расстегивая крючки; она на меня сердится.

Пурпуровая *ментель* сброшена, а я стою на коленях.

Только белая *Нат* осталась на ней; Она мне велят сброшенную одежду уложить в *hamod;* а я стою на коленях.... На ней только осталась одна *Нат,* прозрачная как ключь Кастальский! Она села, протянула ко мне ножку... я понял, схватил эту ножку, развязываю ленты... но ленты перепутаны, как мысли мои.

Она сердится, стукает об пол другой ножкой.... Но чтож мне делать, узел затянулся на глухо; ... я развязываю узел зубами.

Вот, это: узел, это узел,
Не развязать и не рассечь!

Он Александра бы сконфузил,
И сын Аммона, бросив меч,
Решился на-пол бы прилечь,
И грызть зубами этот узел!

Но этого мало, вместо того, чтоб развязывать узел, он бы забылся, прикоснулся бы устами… что со мною и случилось; — покрывало мешало мне; забывшись я сбросил его с головы… о, это ужасно! ... Пифия вскрикнула, хотела бежать от меня; но я крепко держал ее, потому что узел не был еще развязан; я уже и не развязывал его, а только *лобызал панские ножки!* потому что Пифия действительно была для меня *пан* в Греческом смысле.

Скоро страх её казалось миновался, она окинула меня любопытными взорами, голубыми очами.

Вообразите себе, что юная Пифия в первый раз видит мужчину; мужчина для неё новость.... Долго смотрела она на меня как на чудовище, но, как на чудовище не опасное, ласковое, которое стоит перед ней на коленях, *лобызает панские ручки,* смотрит ей пламенно в очи....

И бросилась она в постель,
Еще исполненная страхом,
А я, как член Арабский. *Ель,*
Стоял пред ней, как перед *Лахом*.

ГЛАВА III.

Читателям конечно любопытно знать, каким образом похитил я *Пифию*?

Очень обыкновенным образом. — Когда я объяснил ей истинное предназначение прекрасной женщины в жизни, она тотчас постигла, что была жертвой, на которой основывался обман *Блаутгодаров.* Она рассказала мне все тайны *Мифов* * но я, как Геродот скромен, и молчу о том, чего не должны все знать. Когда рассказал я ей про Божий свет....

— О, я не могу быть Софией** вскричала она—не хочу быть *Совой,* от которой скрывают Божий день; выведи меня на Божий день!

Я бы готов был схватить ее на руки и бежать с ней из-под мрачных сводов храма; но эта Пифия, эта дивная прорицательница, любимца Фреи-Астардии, была заключена как невольница под замками дряхлых Блаутгидий; их глаз стерёг; ее как птицу она пела чудные песни в клетке — а народ дивился.

* *Мифы,* говорила она, значит maette или mafe — messe—обряды совершения тайн жрических, во время которых совершалась и трапеза богов. А происходить это слово от Midtag — полдень — полдник, обед—обедня;

**София или Пифия—все равно.

Трудно было придумать средство вырваться: из западни; я обвел стены комнаты очами окон нет....

Но я: придумал, средство,

— Для народа воля твоя священна—сказал я ей, — воспользуйся же этой волей во время *святого полдника.*

И мы общими силами составили план исхода: из *Сифтуны*: план надежный… я в восторге хотел поцеловать Пифию в плечо… вдруг колокол....

Идут! вскричала она и… представьте: себе, она забывает; кто я вскакивает с постели; я забываю кто она, одеваю ее.... В каких странных положениях, бывает человек! как обстоятельства изменяют: все отношения! как от страха тупеют чувства! Глаз не видит, ухо не слышит, о памяти и говорить нечего.... Память способность самого низкого происхождения: ни что не изменяет нам так как память; ни что не наушничает нам так как память; никто не ластится, не ласкается. так как память; никто не забывает нас и так как память; никто не вздорит, не сердит людей более памяти ни что не томит души, более: памяти ничто не заставляет так, страдать женщин как память... Подумайте сами: когда человек „спокоен, и спокойно спит? — когда засыпает его память....

О эта жена, эта Юнона Разума. эта память, хитрое несносное существо!

И если б знали вы, что значит память,
С каким трудом я рифму к ней прибрал:
Сам Зевс никак не мог ее
И часто не себе лучи с досады рвал.

Я не знаю, что теперь любопытнее знать ли рифму к памяти,

или знать каким образом я похитил Пифию? В ожидании решения, я отправляюсь далее, но уже с Пифией. В мраке времен она видит все, рассказывает мне про все*;* а на свет, Божий трудно ее вывести…

ГЛАВА IV.

Я уже говорил вам, что день был скрыт от нее с младенчества, в храме на глазах её была всегда повязка... и от того-то образ Пифии, образ судьбы, живописцы и скульпторы представляли всегда с повязкой на глазах.

С сопутницей моей ходил я по первобытному слою земли, в котором Кювье не нашёл ничего, кроме окаменелых остовов допотопных пресмыкающихся.

Ходил и по слою, бывшему некогда подножием морей. Это слой археологический, весь изрыт; из него добывается книжная руда.

Приближаясь к границам чернозема, я оставил мою Пифию у Пеласгов, которые жили при разделении путей: одна дорога вела их в Латыны, другая в Словены.

Перебравшись чрез хребет Карпатский, я очутился в садах Одубешти. Какое вино! как слезы Изиды по Озирисе, или, говоря простым языком, истины по боге.

— Евоэ! —вскричал я по-Гречески, то есть *увы* по-Русски, —за чем нельзя перенести этот виноградник на берет Смородиновки! Сколько Иванов прославили бы своего патрона *Эвана!*

Вино подкрепило силы мои после путешествия в областях Ереба*;* но не на долго стряхнул я с себя древнюю пыль.

Желая скорее возвратиться на родину, намереваясь взять почтовых лошадей, я отправился прямо на станцию. *Ди Грабе Кай!* вскричал я по-Молдавански.

—Пожалуйте подорожную, —отвечал мне *Капитан де Почт* по-Русски, тогда как нос его, глаза, усы, одежда, трубка в зубах, доказывали, что он или Молдаван, или Грек, или по крайней мере Римлянин. Вспыльчив от природы, я одним размахом руки сбил с головы его тканую *на* вате *скуфию*.

—Вот, тебе и подорожная!

—Как вы смеете драться! вскричал он, потеряв равновесие и папуши. Я благородный! я Калимерос!

— Будь ты хоть *Кали-еспера-сас,* мне все равно!

— Нет, я не *Кали-имера-сас,* а Калимерос! Вот извольте посмотреть сами.

И Капитан де-Почт достал из кованого сундука почтовый лист бумаги, на котором было написано:

«Cet enfant est ne d'une des plus illustres tiges; gu'il soid nomme Alexandre Kalimeros.»

— Что это значит? — думал я, рассматривая черты Капитана-де-Почт; как он похож на бюст Александра Великого, который я видел в Сирийском храме, а бюст Александра великого похож… о, это должно исследовать!

— Не нужно лошадей! вскричал я. —Я отправляюсь в глубокую древность, исследовать действительно ли ты Калимерос!

— Заплатите прежде за бесчестье! вскричал Капитан-де-Почт, догоняя меня.... Но я уже был за тридевять земель в тридесятом царстве.

— И это потомок великого человека! думал я, пробираясь в Македонию; — о! справедлива немецкая пословица, что счастье

глюк, а несчастье *унглюк!*

Боже мой! в пустынях Гетов, Готов, Квадов, Каттов, почти на том же месте, где *Филипп кривой* хотел поставить болвана в честь Геркулесу; почти на том же самом месте, где Александр *двурогий* приносил жертву Тирасу....

Потомок мирно под дерновой кровлей,
Живёт да хлеб жует,
И тешится лишь зайчьей ловлей,
Да залпом пьет,
Да ямщиков бранит и бьёт!

И История потеряла из вида ветвь благородного древа! —чтож смотрели Трог-Помпей, Юстин, Арриан, Плутарх, Квинт-Курций, Египетский Фараон Птоломей, и Аристовул, и Диодор Сицилийский, и Данишменд Фирдевси, и Магомет Эмир Коандшах, попросту Мирконд, и Хамдаллах сын Абубекров, и Низами Хатези, и Ахмед, и Дахелуй, и Абдалрахман сын Ахмедов, и Абдульфараг, и Саид сын Батриков, и Еврей Юзэх-Зон, и все, все, которых знаем и которых не ведаем?

Хотя у Александра не было 115 сынов побочных и трех законных, как у Артаксеркса; но у него были дети Александр и Геркулес— законные, и еще один сын… которого утаила История; но Софокл сказал: «Не скрывай ничего, ибо, всевидящее и всевнемлющее время все откроет.» Да, прибавлю я «одно время ткет завесу тайны, а другое тлит ее,» и как ни одевай *Истину*, но ей должно же по крайней мере на ночь раздеваться, или хоть раз в век переменить белье.»

Таким образом, прошли ***22*** столетия, во время которых исчезла ветвь Македонского древа. О, это стоит исследовать… лечу!

ГЛАВА V.

Торопливость никуда не годится: вместо того чтоб размерять полет—и прибыть в древнюю Историю не прежде сражения при Херронее, я занесся ошибкой к осаде крепости Медона. Едва только я приблизился к палатке Филиппа, как услышал его голос, немного охриплый: —Ура! смелым Бог владеет!

Я вмешался в толпу его свиты, последовал за ним к крепости. Одушевлённое войско, как наводнение, готово было хлынуть на стены.... Филипп продолжал кричать: —Ура! смелым Бог владеет! — бубны гремели, трубы ревели… вдруг Филипп вскрикнул отчаянным голосом:

—Ах, ты Пан Боже! проклятый *Эллин,* сделал меня на век кривым!

И действительно.... Вообразите, себе ужас всех окружающих Филиппа: стрела неприятельская попала ему не в бровь, а прямо в глаз— в правый глаз.

Не смотря на жесточайшую боль, Филипп сам дошел до своей палатки, —придерживая, как говорит История, обеими руками враждебную стрелу.

Явился врач Критовул.

— Ничего, Государь, ничего, —говорил он, вынимая стрелу из глаза — не бойтесь!

— Как ничего! —вскричал с сердцем Филипп—ничего! остаться с одним глазом во лбу!

— Ничего! продолжал хладнокровно Критовул, —потому что

для зрения необходим только один глаз; другой же глаз дан от природы на всякий случай, на пример на подобный случай. В доказательство же я могу представить, Государь, то, что когда стрелок хочет вернее наметить в цель, то один глаз он уничтожает прищуриванием, —и, следовательно, один глаз у человека лишний. Вселенная также имеет одно око; да и целый народ Аримаспы одарены от природы только одним глазом.

— Но вероятно по средине лба? — сказал Филипп.

— Не думаю, отвечал Критовул; сердце одно у человека, но оно с левой стороны; следовательно, и глаз должен быть с левой, как теперь у вашей Светлости.

— Но это безобразит лицо, братец! вскричал Филипп с сердцем.

— Стоит только накатить локоны на всю правую сторону лица, отвечал Критовул.

— Мы все, Государь, в подражание вам, закроем локонами правый глаз, прибавил Клидим, один из придворных.

И наклейте пластырь? — спросил Филипп, устремив левый глаз на придворного.

— И.... пластырь… наклеим....

— Следовательно, и глаз выколете, для единообразия со мною?

— Если, вашей.... Светлости угодно… струсив отвечал придворный.

— Очень рад, очень рад, покажите же пример собою.... Господин Критовул, выколите ему глаз!

Придворный побледнел, бросился в ноги Филиппу.

— Государь, вскричал он, — помилуй! я готов лишиться

глаза… но выкалывать… я не перенесу боли.

— Пустяки, любезный друг, что делается добровольно, то не производит ни малейшей боли. Ну! чтож ты? я не люблю, кто отказывается от своего слова! Господин Критовул, принимайтесь за дело.

Филипп мигнул левым глазом.

Не смотря на мольбу придворного, ему скрутили руки, усадили в стул.

Он стиснул глаза и.... страшно заревел, когда Критовул щёлкнул над правым его глазом инструментом.

Филипп захохотал и все засмеялись; нельзя не потешиться над малодушием; —придворный, которому выпустили руки, схватился за глаз, не смел его открыть, воображал выколотым.

Это шутка мне очень понравилась, — не льсти!

— О, напрасно, думал я, сомневаются в том, что Филипп отец Александра.

После взятия, 20 Лаума, или Июля, Афинского города Фетидии, и по получения того же числа известия от Пермениона о победах в Иллирии, отправился и Филипп в Иллирию; но на пути, в городе *Криницах,* получил Филипп новое радостное -известие: 20-го же Лаума, на Олимпийских скачках, он объявлен победителем: кони его выиграли 1-и приз, златую чашу во сто ведер; в след за этим известием третье: 20 Лаума, Олимпии Бог даровал близнецов, сына и дочь.

— Слава Богу! думал я—наконец дождался Александра Великого!

И так, 20 Июля, око Филиппа, как солнце, заблистало радостию; он

дал огромный пир войску и народу, и в воспоминание выбил из золота рудокопей гор Беловых (Orbelos), называемых ныне Балканом, золотую монету. На одной стороне, в первый раз изобразил он себя в профиле; на другой стороне было изображено око. —В память события город Криницу назвал он Филипповым. Но этим не кончились добрые предзнаменования на счет рождения Филиппова сына. Еще пир продолжался и вино *Кумирос* лилось за здравие новорожденного, вдруг вошел *волхв,* одетый как две капли воды *дервиш***,** в белом суконном хитоне, в шапке воронкой; только через плечо у него надет был широкий зодиак, похожий на портупею Швейцара.

— Здравие Филиппу. —вскричал волхв, —слава рожденному в 20 день Лаума, в первый день священного Египетского года, в час восхода блистательного Сириуса! *Фоф* покровитель новорожденному! Храм Ефесский загорелся в честь ему яркой свечею; два орла, с двух сторон Света, слетелись на дворце Пеллы, принесли в дань ему восток и запад! Здравие Филиппу, слава новорожденному!

Филипп несколько смутился; он был завистлив к славе; мне казалось, что в это мгновение он подумал: —Посмотрим, на каком поле пожнет сын славу, если отец оставит в наследство ему только покорные головы и притупленные мечи!

Но я совсем другое думал; странно, думал я—Олимпия родила 20 Лаума близнецов, сына и дочь, от чего же Волхв и Историки приписали великую будущность, ознаменованную чудесами, только сыну?

Да, только сыну!
Как будто рок,

Забвению обрёк
Его близняшку Фессалину!

Я заметил это Филиппу, и он так был доволен замечанием, что со смеха чуть-чуть не покатился на пол.

Может быть читатели спросят меня, на каком языке разговаривал я с Филиппом? может быть я удивлю их, если скажу: на Пеласгическом, древнеСлавянском.

Да, Филипп был истый и чистый Славянин и прозывался Добромиров; соседи же Греки прозвали его по-своему *Килимеросом***.**

—Да, мы происходим от того племени, которое жило в Мидии, и известно было под именем *Магов,* а Магами назывались они потому, что покланялись Бахусу, под изображением Луны, которая по Фарсийски называется *Маг;* сами же себя называли они *великими Панами.* При Царе Мане был великий голод в Мидии, и все Панство отправилось на кораблях искать другой земли, приплыло к вершине Адриатического моря, заселило всю Фракию. Все пространство, нынешней Македонии, назвали они Загорией, или Панией; а Эллины, соседи их, прозвали Пеонией; а Северные соседи, Готы, прозвали Магатун, или Матионе, т. е. земля *Магов;* — иные называли *Эмадия***,** е-мидия, Мизия; иные называли жителей Магнатами; иные Пеласгами, от Пелас-геа — земля черных.

Так рассказывал мне придворный Историк Филиппа; хотя в его словах и было какое-то подобие с преданиями Трот-Помпея; однакож я сомневался до тех пор, покуда не узнал из Геродота, что

по Мидски собака называлась, *спака,* а вода— *воза.*

Кончив семидневный пир в Криницах в честь рождения сына, Филипп отправился далее: в горы. Кто тел ему на встречу с дарами, тот был друг; кто с мечем, тот враг. В одном городе он был званым гостем, в другом незваным; но во всяком случае требовал угощения, и особенно любил пир после битвы; можно было подумать, что Филипп воевал для моциона. Ему и войску его весело было ходить из места в место. Кончив победное торжество в каком-нибудь городе, он сзывал старейшин войсковых и советовался, куда идти?

— Да теперь не худо бы за большую реку Дунай. Право, эти собаки Готы думают, что на них и плети нет! они еще не видали верно грозы над собою! ... пойдем Филипп Аминтович на них!

— Да, —отвечал Филипп, —Дари Гюштасп, поднял было голову выше леса, да ноги подкосились.

— Эх, Филипп Аминтович, нашей кожи не обдерут на бубен, пойдем! — а что за лагодное вино, говорят, за Дунаем, под горами!

— А что вы думаете?

— Право! сберемся как облака в тучу, да и хлынем.

И Филипп решился воевать на Готтов, ибо решительности и мужеству учился он вместе с Эпаминондом; притом же он уже вверился в свое счастье; оно покорило ему задорных, но обессиленных Дарием Греков; оно прозвало его *Василевсом* всей Греции, стило ему красный кафтан, женило на дочери Неоптолема, и даровало ему вдруг, неожиданно, сына и дочь. После этого можно было идти за Дунай, а потом восстать и на Персию.

Однакож, подумав немного, Филипп сказал: нет, господа, прежде надо справиться с Грецией, напугать берега Черного моря, послать

предтечей страх к Готтам, а потом уже двинуться самим за тридевять земель; при том же у меня на душе лежит Византия....

Таким образом, отложив поход за Дунай, Филипп двинул свои полки, *фаланги***,** которые заключали в себе по шестнадцати тысячь копейщиков, в три сажени копье, —=двинул было по пути к Византии; но, против ожидания, дела в Греции затянулись.

Желая поспешнее наложить на нее твердые оковы, он перессорил между собою все республики и наименовал себя Главою Дельфийских Амфиктионов — Судей Греции. Это было страшное отступление от законов; ибо никто, кроме Грека, не мог заседать в собрании Амфиктионов. Суд и расправа его не нравились Грекам, и они, прозвав его *кривым Судьей,* начали было бушевать… но, мечта!

Филипп уже был силен, он уже сидел как *хохол* на возу, в котором были заярмованы попарно все греческие республики. Длинным хлыстом подгонял он их, покрикивая: Цобэ! Цобэ!

Греки бы и распорядились как-нибудь общими силами вырваться из ярма и забодать Филиппа, но случилась новая, великая беда.

Общественная казна всей Греции, хранившаяся в сокровищницах Дельфийских, внезапно похищена; а без денег, что за война!

Когда вопросили оракула: кто похитил казну, и где искать вора? Оракул отвечал: «для чего стараетесь вы узнать то, что вам знать бесполезно.»

Таким образом со дня рождения Александра прошло около 7 лет, покуда тянулась священная война. После Троянского похода, боги не метались уже в военные дела, — Филиппу было раздолье.

Кончив расправу на суше, он составил флот из 160 кораблей и сбирался в Архипелаг, чинить расправу над островами.

Филипп был веселого нрава, у него на каждой неделе было по семи праздников, и потому, не удивительно, что я, забыв цель своего путешествия, готов уже был пуститься в Евбею; как вдруг Олимпия прислала к Филиппу гонца, с письмом, в котором она уведомляла его, что хотя Леонид, троюродный её брат, и Лисимах, Акарнанец, и учат Александра Филипповича азбуке и Египетским цифрам; но что ему, как сыну Царскому, следует учиться всем высоким наукам, называемым Акроматическими, или Акроатическими; — почему и просила нанять для обучения его какого нибудь Философа.

— Уж эти науки! ... вскричал Филипп—большая в них польза! Я желал бы знать, помогли ли они мне покорить Грецию? ...

— Нет, Филипп Аминтович, несправедливо изволишь говорить, — сказал Арруб, двоюродный брат Олимпии, — Науки юношу питают, отраду в старости дают....

— Ну, ну, ну, хорошо! да когож из философов нанять в учители?

— Не худо бы самого Платона, сказал Арруб.

— Нет, этот стар, глуп и дорог; притом же я не хочу поручить сына Греку, который воспитает его в Еллинских правилах; я хочу, чтоб учитель моего сына был непременно Македонец.

— Но почему знать, есть ли в Афинах философ из Македонцев?

— Как не быть, возразил Филипп. Узнай у кого-нибудь, кто бывал в Афинах.

Арруб потел справиться; и наконец узнал, что сын Никомаха, из Стогор, один из лучших учеников Платона.

— Пиши к нему! сказал Филипп.

И вот, написали:

«Филипп, Никомаховичу, здравия желает. Боги мне сына даровали;
не толико за сына их благодарю, колико что ему при жизни твоей приключилось родиться, от коего наставлен в правилах и обучен быть может, дабы по нас к уряду толь великого Царства способным и достойным учинился. Бо, лепнее без детей быть, неже иметь в таком научении, чтоб они предкам своим в пороки, а себе в пагубу были.»

Свернув написанное письмо в трубочку, обвязав лентою и приложив восковую печать с словами: *печать Филиппова***,** отправили письмо с гонцом прямо в Афины.

ГЛАВА VI.

Постой, братец, сказал я гонцу; я еду с тобой!

— Куда? вскричал Филипп.

— Извините, Филипп Аминтович, мне нужно отправиться в Афины.

— Э, полно, братец, поедем со мною в Скифию?

— Нет, теперь никак не могу; если изволите, в другой раз.

Я к приглашению чувствителен весьма,
Но я уж насиделся дома,
И мне давно и Скифская зима,
И скука Скифская знакома.

— Покорнейше благодарю за угощенье!

— Ну, Бог с тобой! сказал Филипп, —поедет чрез Белой, заезжай к жене; вот и письмо к ней.

И я, сопровождаемый гонцом, отправился в путь; но Пеллу проехал мимо; любопытство влекло меня в Афины; я боялся, чтоб Олимпия не задержала меня; и потому решился заехать на обратном пути.

Со мной был маршрут, составленный по всем картам, изображающим Orbis vetus; но я удивлялся искаженным названиям мест.

— Вот он, Олимп! вскричал я, приближаясь по реке Кара-Су, к подошве Священной горы....

— По-нашему называют эту гору Волуча—сказал мой спутник, —тут в старину стоял на горе медный вол, Волошский бог; Греки прозвали Олимвус, т. е. бычий холм.

— А где же храм его?

А вот за озером на горе; тут прежде прорицала Пифия; но с тех пор, как ее забодал священный бык, то она уже не пророчит; а пророчит Аполлон, что прежде был запальщиком Муз; ныне вместо 9 дев поют 9-ть юношей, которые и ходят носить дары к *Пенному* потоку, где во время обмыванья забодал ее бык, или Юпитер, все равно.

— Ээ! так теперь уж нет Муз и в Дельфах?

— И в Дельфах ни одной.

— Как жаль! А как эта мрачная долина называется? Не это ли Долина Темпейская?

Может быть по-вашему, а по-нашему, она просто называется *темная*; в этой-то долине и теперь поток Пенный?

— Как? Пеней — пенный? —Темпей — темный?

—А как же?

Может быть… сколько помнится, описание Овидия согласно с этими названиями.

Est nemus Haemoniae, praerupla quod indiqen claudit
Sylva: vocant *Tempe,* per quae *Penëus?* Ab imo
Effurus Pindo, spimosis volvitur undis:
Deiectuque gravi tenues agitantia fumos

Nubila conducit, summasque aspergine silvas
Jampluid; et sonitu plus quam vicina fatigat.

Может быть… удивятся, что я, проезжая мимо Дельфийского храма, не заехал осмотреть его, как ученый путешественник; я-бы и должен был это сделать, чтоб составить подробное описание замечательному зданию, должен был бы даже составить топографические планы Олимпа и Пинда, Оссы, Парнасса и Геликона, с окрестностями; но как для этого я должен был испросить разрешения у самого Юпитера, то и отложил мое намерение. Притом же я не люблю Оракулов, хотя они и математически определяли будущность, хотя **x** разрешалось общей формулой

$\underline{(a+b}.)^{(n-1)^{(n-2)^{(n-3)}}}$ …; вывод был верен, но всё *разделенное на 2*, мне не нравится; ибо оно значит, что *бабушка* на двое сказала:* либо будет, либо нет. Что пользы знать, *то что будет,* если нельзя ни придвинуть, ни отодвинуть, ни переменить *того, что будет.* По Русским сказкам жизнь разделяется на три пути: на одном, потерять голову, на другом, лишиться коня, на третьем, голодать; — кто еще не избрал, по которому лучше следовать, тот может вопросить Оракула: далеко ли уйдёт без головы и без чести?

* После похищения юной Пифии, узаконено было, чтоб в Пифии выбирались девы не моложе 50-ти лет.

Таким образом, проехав Фессалию, или вернее Феосзалу, где жил некогда Азтиод или Фтатиод; проехав берегом Зейтуна, мимо могилы 300 отчаянных Спартанцев**;** проехав Илизию....

— Это что за гора? вскричал я.

— Это Пирнэс **—***огненный мыс,* который, говорят, в старину, вдавался в море… это еще было в те времена, когда здесь жил народ божий....

— Так это Парнас! это *Парнас гора высокая и дорога к ней негладкая?*

— Напротив, очень гладкая, даже скользкая.

— Так здесь то Дельфийский храм, и храм Муз....

— Вот еще! Музы калугерцы живут — вон, на лево, на *белой горе,* а место называется Загорье; там и обитель у них, по-ихнему *Хели-Конар.*

И вот, благополучно, питаясь Божьей росой, приближаюсь я к Афинам. У гонца Филиппова расковался конь, и он принужден был остановиться у табора Цыганского. Я, в ожидании его, смотрел на этих верных сопутников Бахуса, которых называли, то *Sinkan* ***** т. е. поющие, то *Segenan,* то есть клейменые, или выставляющие над шатрами своими шест с *знаком* ремесла своего: полукружие — подкова — кузнец; обруч — бочар; перевязанная на крест дудка — музыкант; иные называли их *богеменами***,** людьми Бахусовыми**;** ибо ни одно торжество не обходилось без этих путешествующих музыкантов и певцов. — Один из них старик рассказал мне следующее:

—На левом берегу реки Хинду, под навесами вековых дерев, жили многочисленные семьи народа веселого от природы, счастливого; ни в чем не нуждаясь, они не знали ни зависти, ни распрей; у тысячеголосной птицы учились они песням, у журавля—пляске. Однажды, с ужасом увидели они, что вверх по реке, против воды, плывет какое-то огромное, сторукое чудовище. Это были *Ваны*, на стовесельном *Орке*** Бриарее. Дикари хотели бежать от чудовища, но услышав, что оно человеческим голосом говорило им, чтоб не уходили, чтоб не боялись богов, которые приехали к ним в гости, —они остановились и с удивлением увидели, как огромная златочетуйчатая рыба с человечьей головой, и человечьими ногами вышла из воды; а за ней множество рыб с красными жабрами. Заметив, что боги ласковы, дикари обступили их, начали разглядывать их, рассматривать, запели, заплясали вокруг них, — и, Ваны прозвали новый народ Людинами, от слова *лиод* — песнь и *лидин* — поющий. Но с приезда Ванов поселились беды между Людинами: Ваны упоили их медом, обольстили их цветной одеждой; они сбросили с себя пальмовые листы, прозвали Ванов Панами, и стали работниками их в добывании золотого песку, плодов и сахарного тростника. Прежде покланялись они просто во время дня солнцу, а во время ночи луне, жене солнца; а Ваны велели им кланяться золотому истукану *Бильду,* или

* Зиг-зык — звук.

** Корабль с палубой, или со сводом. — У Финикиан Gaulos (галера) назывались торговые суда, Argos — военные.

Белету ***,** который они называли ликом солнцевым; научили их строить из *Деру,* или дерев—деревни; а где был храм *Торов***,** Ваны называли *зала;* залы людины прозвали селами. Много терпели они от Панов своих; но более всего обидно им было то, что Ваны полюбили их жен, и прозвали за красоту *девами,* т. е. божествами, и брали всех красавиц себе в храм служить Тору. Возненавидели Людины Тора, и называли его *чортом,* злым духом. Одно только мирило их с Ванами: *Биор***,** который прозвали они *пивом,* и на который могли менять что хотели у Ванов; да *мед,* которым угощали их на праздниках Зейдманы; да *Святой ручей,* который Ваны называли *Бах,* и из которого Зейдманы давали пить только посещавшим храм. Во время упоения, Людины вспоминали свои песни, забывая горе; но песни их стали заунывны, печальны, как участь их. С тех пор они тогда только пели, когда пили, и *петь* и *пить* значило одно и тоже. Этот ручей, бил струей в храмах Ванов, и назывался *зин,* т. е. ручей *жизни,* тем из Людинов позволяли они испивать из *Баклажки* ****,** которые усердно поклонились Тору; им давали они и *Глыбу Бака* *****,** т. е. печенья.

Навсегда остались бы они рабами Ванов, если б к счастию их, не родился у одного пастуха сын, мальчик необыкновенной красоты и ума. Когда ему наступило 15 лет, сами Ваны удивлялись ему, и особенно чудному его голосу; его прозвали *Лин.*

* *Belaete* — образ, подобие.
** Bagal, baculus, бакал, баклага.
*** Paques.

Годары, или жрецы Торовы, взяли его воспитывать к себе, учили играть на арфе, и посвятили в число *Мензингеров* *, т. е. поющих во время обрядов. Скоро превзошёл он учителей своих, которые и назвали его *Арфей.* Жрецы полюбили его, научили языку своему и письменам; и вверившись в Лина, не скрывали даже от него некоторых тайн обрядных; но не позволяли ему входить в огражденное медными стенами капище, откуда истекал источник *живой воды* однако же любопытство превозмогло в нем страх. Однажды, после *метты,* он притаился в углу за столбом, и когда жрецы удалились из храма, он отпер капище и увидел, что под спудом стоит огромная бочка, из которой проведена трубочка к подножию Тора, откуда вино и капало *в жертвенное море.* Рассмотрев таинственный источник, Лин испил из него, еще испил, и еще… сладостное упоение усыпило его. Сонного нашли его во храме, и подозревая, что Лин видел все тайны храма, велел ему отрезать язык. К счастию жрец, которому поручено было исполнить наказание, любил Лина, любил песни его и ему жаль стало лишить его голоса. Скажи мне—спросил он его—когда тебя заперли в храме, верно ты приближался к подножию Тора, и за это тебя Тор наказывает?

* Или: *Мисзинг*—Муза; — *maette*—Messe — Mittag— обед; по Готтски Messe—священнодействие— Mestur—священнодействующий, главный жрец, глава священнодействия — Mess-Cap ; отсюда Meffen—мерить и Meffer—нож.

Лин поклялся ему светом солнца, что он шагу не сделал к подножию Тора; а только испил из священного моря и заснул....

Жрец вверился в слова его и сказал:

— Послушай, Лин, я пощажу тебя, и вместо языка отрежу тебе ухо; но дай мне клятву молчать целый месяц; а потом бежать далеко в горы.

Лин снова поклялся светом солнца, и жрец, отрезав ему конец уха, и окровавив его уста, велел кричать и болтать языком; а сам отрезанный конец уха, воткнув на нож, понес к Местару, во удостоверение, что язык отрезан.

Лин, притворяясь больным, не выходил из своей кельи, и продолжал охать и болтать языком до тех пор, покуда добрый жрец не помог ему бежать из оград храма в горы. Там рассказал Лин сородичам своим все случившееся с ним, и в первый раз услышал он жалобы на угнетение Ванов; и он стал думать: как бы отмстить им за родину и освободить землю от чужеземцев, — и придумал. Собрав надёжных сообщников, он объявил им намерение свое, и велел распространять в народе слухи, что, когда жертва заговорит человеческим языком, тогда их Паны погибнут и будет у них один Пан-бог.

Настал праздник *Эвана* *****, или *Овна* златого, праздник, который обыкновенно совершался ночью, в воспоминание следующего события в природе: *упфир*, или пламень небесный, которого называют, не ведающие священного языка, *Уси-ра,* убитый *духом тьмы,* Тифоном, был разорван им на части и разбросан по небу; каждая часть его обратилась в звезду. Печальная жена Упфира —

М-изис, или М-истин, ходила повсюду бледная, печальная, и собирала рассеянные члены Упфира; только одного не нашла она, —породившего *Прометея.* В воспоминание его, она сделала ложный член, и повелела жрецам своим хранить его в тайне, и возжечь пред ним вечный огонь. С тех пор этот огонь назван огнем Изиды, Истии, Истины. Для хранения этого огня приставлена была дева. *Зена***.** Однажды она заснула; Прометей, заметив это, похитил и небесный огонь, и сонную деву, но, видя за собою погоню, он спрятал огнь в недра девы и бежал на Кавказ.

Вот что говорит наше предание. В тот праздник поклонники Тора торжествовали в Вангарде. Все селения Людинов обязаны были пригонять в жертву Тору стадо овнов. Велев обшить себя и несколько человек в козлиную кожу и вести в Вангард.... Лин....

* Evig — вечный; произносится на одном наречии *эвиг,* на другом *эвич. Eivin* — Eiving, также вечный, или вечность — Ей-вигн, или Ей-вичн. Е — есть член; и потому из означенного слова родились слова вечный и Вишну.

ГЛАВАVII.

Рассказ Цыгана был слишком скучен.... Подражая читателям, незаметным образом заснул я, и мне казалось и слышалось следующее:

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ШКОЛА, В ПАРИЖЕ.

1785 года.

(ученик ходит с книгой в руках.)

Отечество! но где отечество мое? Я Грек… я и Валах… и Галл я!

Еще какой же крови не достаёт во мне?

Был Хаос в веществе, был и во времени… но все пришло в порядок...,

Теперь один остался Хаос—в понятиях людей....

Различие народов и наречий — также Хаос;

Но все впадет в один и тот же Океан;

Из вод восстанет Атлантида! ...

БАТАРЕЯ ПЕРЕД ТУЛОНОМ.

(Артиллерийский поручик стоит, сложив руки на груди, и смотрит на осажденный город).

Они глупцы, обманщики! а Франция им верит… надеется от них и славы и побед!

О время б е д н о е ! . . в ходу жетоны!

Хотят взять славу даром... не только жизнь, им дорог день презренного существованья! ...

Менялы! ... а я… я что? ... с окованным рассудком... языком и

волей! ...

(Проходит Генерал)

—Я здесь зачем поставлен, Генерал?

— Что за вопрос, сударь, вы верно новичок?

—Я новичок, но мне ничто не ново! Я был в походах Греции и Рима, я побеждал с Тюренем и Конде... возил орудия чрез снеги Альпов... я рушил Вобана системы....

— На бумаге.

—Да, на бумаге. Вот, в двух тысячах туазах… валяется чертеж Тулона — дайте волю, я разорву и этот лист бумаги!

—Вы рассуждаете о высших взглядах, не ваше дело рассуждать... В мишень смотреть, сударь, вот ваше дело!

—Артиллеристу цель нужна, ... здесь цели нет! ... а кланяться Тулону, салютовать ему и сыпать золотые ядра, почтительно перед подножьем стен — не буду! ...

КОМНАТА. 1794 ГОДА.

(Входит молодой Генерал и с сердцем бросает меч свой в угол).

Мой кончен путь на поприще военном! ... мне говорят, я молод! ...

На поле битв не долго до седин!

Все покорить возможно; но покорить глупцов нет средств!

Оружье, ум, душа, любовь, все перед глупостью ничто—она одна могуща!

Нет! полно сниться мне Общественное благо!

Лежи мой меч и ржавей!

(Смотрит на полку с книгами).

Вот истинная жизнь, вот где бессмертие!

(Схватывает книгу).

Оно покрыто пылью! страницу дивных дел червь точит! ...

(Бросает книгу).

Одна лишь память… память лишь бессмертная бессмертного хранитель!

(Берет снова книгу).

Пристрастные слова! ... где ж истина? ... за гробом? ... а жизни цель? ...

Не грязным ли путем, вслед за толпой, пройти до вечности? ...

Солон, мудрец… и должен претворяться… играть роль дурака середи толпы невежд!

Лежи мой меч и ржавей! Пусть ржавчина пожрет твой блеск, то зеркало… в котором отразились твердыни гордые Тулона! ...

КОМНАТА БОГАРНЕ.

Кто оценил меня и хочет дать мне власть... сама ли Франция? ... нет — женщина! ... о Боже,
Боже! и так судьбы моей прозванье— Жозефина!

ЕГИПЕТ.

Вот и в архиве каменных письмен!

Священная земля, я на тебя вступаю как изгнанник;

Враги определили, поставить на моей могиле Сфинкса;

Но Измаилу Бог послал Зем-зен.

Глупцы! как будто я не понял, что здесь мой главный неприятель флаг Георга.

О, оградите Африку от моря, и Сезострис воскреснет.

Освободите мне другую руку, и я с Тифоном слажу.

НОЧЬ.

1799.

(Корабль, отплывающий от берегов Египта).

Прощай Египет мой! на берегах твоих… меня… не поняла судьба!

Останься же жилищем мумий!

Прощай мой Юг! ... что моря глубина и горечь… смотри на эти слезы и печаль… вот глубина и горечь!

Зовет меня мой жребий… на западе мне славу предлагает....

Колосс восстал, от Севера идет....

Мильоны одного зовут на помощь!

Кто ж тот, кого они зовут?

Царь или раб?

(Певец на корме):

Плыви Царица ночи звёздной,
Катись в бездонных небесах!
И ты, как наша жизнь над бездной,
На всех несется парусах.

Скажи нам, есть там непогоды,
Есть берег у надзвездных стран?
Иль в голубые неба своды
Безбрежный плещет Океан?

ТЮЛЬЕРИЙСКИЙ ДВОРЕЦ.

(Мужчина среднего роста, нос орлиный, взор проницательный, идет в короне и

порфире, сопровождаемый Перами и первыми чинами Франции; в тронной остановив взором свиту, входит один в отдельный покой, сбрасывает корону, бросается на диван, закрывает лицо руками…)

Я Царь! ...

Где ж Граф Прованский? Где ищет прав своих?

В Венеции на карнавалах, на торжищах кокетки Вены, в пустынях Севера....

И изгнанный отвсюду, вступает в подданство Георга... бедный Лилль!

Но эту тяжбу... решил не я, а век!

КАБИНЕТ В ТЮЛЬЕРИ.

(Мужчина в сером сюртуке сидит подле стола).

(Мария-Луиза входит с царем Рима на руках; на шее младенца цепь всех Австрийских орденов).

—Суров, задумчив ты; нет ласки даже к сыну, наследнику любви твоей ко мне.

—Наследнику? и в сердце есть престол; но не наследственный.

—Ты Император, твое сердце, одно для всех… как солнце… как солнце благотворно… но… к нему опасно приближаться… оно сожжет....

—Народ и женщина—два равных существа! кто угодит на них, тот…

— Полно... Прости меня, мои слова не ропот…но так… я нездорова… во мне мечтательность родной земли осталась.... Не дочь я Франции во мне нет жизни яркой, нет пламени…

(уходит).

Хотел бы я простым быть семьянином… владеть одной женой… но женщина—Хаос; а я не Бог, чтобы единым словом мог отделить в ней твердь от моря и свет от тьмы! ...

Люблю ли я? могу ли знать любовь? — умею ли любить? ...
О, дайте Эвву мне, когда она еще в одежде не нуждалась! когда она не ведала стыда!.. и та мне будет петь слова чужие, и будет ей владеть не я, а змей, которому нужна моя погибель!

(Приложив руку к сердцу)

Но тут… есть что-то… здесь отшельник, нашедший в мире пустоту, и мир в самом себе. Здесь воин… он бьется за других! ... Здесь человечество, здесь мир всеобщий, здесь слово дивное: «да будет!» но кто поймёт благоусгтройный голос?

В природе день от ночи отделён; за чем же в людях мрак со светом смешан? ... кто повелит им разделиться?

(Солнце ударяет в окно):

Иду, покуда светит!

О слабый светоч! в пучине времени горишь; но не поможет осветить душевной тайны! ...
Светило разума затмит тебя!

Ты, солнце неба, пред ним пятно на ризе голубой!

КРЕМЛЬ.
1812 года.

(Дворец освещен, внутри слышна музыка и пение. На балконе кто-то стоит, склонясь на периллы, озаряемый пожаром Замоскворечья).

Горит гнездо двуглавого орла, ... а он парит под облаками! он невредим, не опален пожаром… я обманут! ... он смотрит на меня как на свою растерзанную жертву!

О Юпитер! когда в когтях твоих сберутся громы... я пропал!

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЕЙПЦИГЕ.

18 и 19 октября 1815.

Ты изменяешь мне! и все мне изменяет!
Народы роют мне могилу!

Союзники Саксонцы, Виртембергцы! браво!, и вы во след Баварцам! из-под знамен, в ярмо!

Бертье! узнай еще… здесь нет ли Королей, которые желают отпускной....

Эльстер, Эльстер! ... что не течешь назад? что не изменишь Эльбе, которая несет тебя на Север? Что не торопишься упасть в Дунай, иль в море Юга?

ФОНТЕНЕБЛО.

(Маленький Капрал подходит к шкатулке, открывает ее и вынимает Корону Франции).

Прощай же… шапка!

О, посмотрел бы я, кому-то ты придешь по голове.

ОСТРОВ ЭЛЬБА.

Здесь и низверженный Уран жил некогда в оковах!

ОСТРОВ ЕЛЕНА.

Подайте синий плащ Маренго! Пусть будет он мне гробовым покровом.... Пусть он со мной истлеет....

О, это первая была порфира моей ничтожной власти на земле! ...

Я пыль хотел стереть с земного шара, я отряхнуть хотел с людей насевший прах!

Не хотели… люби! ...

ГЛАВА VIII.

Не знаю, что такое сон… об этом должно спросить у Овидия. Овидий хорошо понял его.

Сон есть… но и *есть* также сон…
Чтож такое сон? ...

Однажды я уснул и что же снилось мне!
О, я радёхонек, - Бог видит!
Чтобы она меня любила хоть во сне,
За то, что на яву так явно ненавидит!

И я задумался; а старый Цыган продолжал рассказывать:

«Овладев храмом, Лин выпытал у Зейдманов, как делается пиво и мед, и вино, которое так понравилось ему, и которое так сладостно усыпило его в храме. Выкатив из погребов несколько бочек пива и меду, он поил народ. Упоенные люди провозгласили его своим *Паном*.

В воспоминание события, Лин снял череп с козла и надев вместо шапки, накинул пурпуровую мантию Ванского Местара через плечо, взял в одну руку жезл, сделанный из виноградника — так; называли Людины кусты, коими усеяны были холмы внутри оград Вангарда, —в другую руку взял арфу.

Знамением своим избрал Лин новорожденное светило ночи, и назвал его Линой—люди прозвали Луной.

Подняв весь народ, мужчин и жен, на ноги, он велел обвесить острые рогатины виноградными кистями, и пошел вдоль по Инду,

из села в село. С плясками и песнями шли толпы народа за ним.

На огромной колеснице, перед которою следовали на шестах изображение *Луны* и *Овна,* стояла бочка; на этой бочке сидел Лин, которого и прозвали *бочкой.* Из этой бочки давал он *живой воды* только недужным; и много чудес делала эта вода. Со всех сторон стали стекаться к Лину, все шло к нему на встречу и просило исцеления:

Почти без сопротивления, прошел он Индию и намерен был покорить Эфиопов, называвших себя *земными богами;* но ему должно было проходить за хребет Ливийский, мимо Цыган,* наших предков, которые назывались в старину *Блеманами*, т. е. черными Эфиопами.

В этом, несчастном племени царствовала страшная болезнь, которую Азы называли *Цинге*, т. е. зубною; сперва от нее гнили десны, потом весь человек покрывался струпами, и мясо отпадало от костей; эта болезнь рождалась в болотистых местах. Дельты, от наводнений и гниения в Ниле. Узнав о шествии Лина врачующего, они толпами шли: к нему навстречу, и он велел им развести у себя как можно больше ***коз;*** и велел им варить горький корень и пить **, и целый день петь и плясать.

* По-Персидски (Зенги) Египтяне, Эфиопы, Негры.
** Zingiber—Инбирь.

Для предостережения же себя впредь от болезни, держать в роту, или иссушив, глотать дым, другого растения, которое прозвали они *Вакховым.* Чрез несколько недель весь этот зараженный болезнию народ выздоровел, и стал верным поклонником Лина; Азы, узнав о приближении Лина с огромным войском *Монадов*—так прозвали они Людинов, поклонников Луны, — заперли все проходы. в Эфиопию. Лин, на кораблях, которые устроили ему: Цыганы, отправился с ними и совсем народом своим в *Ению.* Эллины и колонии Ванов, жившие там, с ужасом внимали о приближении *Сильванов,* или лесных людей (так прозвали они Людинов); и покорялись им без сопротивления. — Это Пеласги! — кричали они. —Черная порода; это, Бошиманы, говорили другие; это Латыны, говорили третьи; это Волохи, говорили четвертые, и не удивительно, что Людины показались народам, жившим в Енее, или Еребии, в царстве Эреба, или в Европе *, за чудовищ: износив, во время перехода от берегов, Инда через Африку, прекрасную одежду из пальмовых листьев и перьев тукана и райской птицы, они облачились в баранью кожу на выворот, хвостом назад; вопервых, эта одежда была по климату; во-вторых, страшна для всех встречных. Босиком также неудобно было путешествовать, и потому они изобрели обувь также из кожи, на высоких каблуках, которую Эллины прозвали *сапези*, т. е. наножники.

Одежду назвали кожухом, а иные власяницей**.

* Arafa.

** Pelisse. заменив p. посред. v. Velisse, Pelq.

В ужас пришли все народы, населявшие *Эребию*. Тогда, на западе, около Адриатического моря, жили *Альваны,* за ними в *Эй-дале* * жили просто *Ваны,* за ними в земле *Кона-дала* жили *Гебры,* выше их за горами жили Галлы — петухи, охотники до пенья, —их называли также Скальдарами, или Скельтами; их называли также на другом наречии *Пиктами* — *пискунами.* Все эти народы жили даже до пустопорожней земли *Кроновой.* По берегам Холодного моря, во всей стране, которую называли Азы *Сифиар*, в честь *Сифии* премудрости, жили Киммеры, также древнее племя Ванов Гомеритов.»

— Постой, постой, вскричал я, откуда ты почерпнул эту историческую дребедень?

— О! я ужасный охотник до Истории, отвечал Цыган.

Помилуй, братец, да где ж ты видел такую Историю? ты, мне кажется, подкапываешься под первородный слой земли. В каком таборе ты наслышался про такия чудеса?

Старый Цыган улыбнулся и шепнул мне на ухо несколько слов....

— А, это дело другое, теперь я верю всему! ...

«За Кимврами, или Гомерами, жили Хуны, Вапского племени, обитавшего близь Красного моря, там, где был построен Бабель.»

— Да там было Халдейское царство.

* Островская земля.

«Там не было ни Халдейского царства, ни Халдейского народа; а было вот-что: Когда Азы основали на этом месте свою колонию, то есть, когда одна часть их, или одно колено, поселилось близь *Красного моря*, они нашли там красных людей, совершенно женообразных, не способных к войне, и назвали их *Конами* т. е. жёнами; построив храм, основали они между ними школу, где учили петь священные гимны и премудростям Оденовым. Школа по Азски—Скула, или Шуль; а учение называлось Скульд, или Шульд. Школьников называли Скальдами, а по другому наречию *Хульдами;* от этого-то слова и произошло *Халдей;* иные называли их *Хейдами,* иные Зейдами, иные Сеидами.»

— Ты мне надоел своими толкованиями; расскажи коротко да ясно, что сталось с Лином и Сильванами?

— Лин обошёл почти всю набережную Европы, и наконец поселился во Фракии....

— Ну?

— Тут поставил он лик Агнца перед храмом: это boran, это живый, это вечный! говорил он.

— Ну?

— «It is Boran**,** Bur, or Fyr; it is chaf-bock; it is watch, or ewein, or giwe, —говорили Скифы.

— То Брама, то Шиве, то Вишну, то Дивель, —говорили Гиндуи.

То Перун, то живый, то вечный, —говорили Сильваны.

То Уран, то Зиа, то Вотир.

То Сатурн, то Деос, то Pater, то wachter.

То Фрея, то Оден, то Пастырь, то As-tor, то Jao-piter....
То утро, то день, то вечер ...

То Утроба, то Свиет....

Жена, дитя, Хранитель, Хронос...»
Надоело мне слушать Цыгана! Прощай! —сказал я.

На эти басни свет—Фома,
А я их слушать не оброчник.

Чтож делать? — отвечал Цыган. —

Ученье свет, ученье тьма,
И лжи, и истины источник.

Не дожидаясь спутника моего, которому еще не подковали коня, потому что Цыган-кузнец, не имея у себя готового железа, отправился на близь, лежащую Собку, за рудой, — пустился я в Афины, один. Проехав Платею, проехав мимо храма Элевсинского, —о таинствах которого так много писали, и никто не объяснил, что вся тайна Кирии Элевсинской состояла в том, чтоб усовершенствовать человеческий род, как в нравственном, так и физическом отношении, —поднялся я на гору, и вижу: между Изой и Цефизой, по скату горы, весь в садах, лежит чудный град *Азины,* дщери многоженного Фиоргина, светлой Фреи и Коны Одена, многогрудой Астаргидии, покровительницы *Азов* и *Ванов.*

ГЛАВА IX.

— Послушай, мой друг, не знает ли, в которой части и в каком квартале Афин, живет Философ Аристотель? — спросил я, догнав одного пешехода, в красных туфлях, в льняном хитоне, перепоясанном ремнем, и в зеленом Паллиуме, перекинутом через плечо.

— Вы, Господин мой, верно родом из Скифии? спросил он меня вместо ответа.

— Может быть.

— Я заметил это из неправильного произношения сигмы и зельты.

— А вы, Господин мой, верно Философ?

— Почему, вы, Господин мой, отгадали?

— По походке....

— Неужели? Всемогущий Зевс! Но скажете пожалуйте, вы это узнали по врожденной способности, или по науке?

— Разумеется, по науке.

Ну, так! ... я всегда говорил, что если человек может постигать науку, то наука также может постигать человека. Но неужели, Господин мой, в Скифии наука дошла до такого совершенства? .

— До высочайшего, до границ совершенства. Ум и познание сделались так обыкновенны, что их не ставят уже ни в шелег *. В доказательство я вам, Господин мой, приведу пословицу, которая говорит: «По платью встречают, а по деньгам провожают.»

* Шелег—Sialeskot—плата за душу.

— Всемогущий Зевс! какое просвещение!

— Но, Господин мой, не можете ли вы мне сказать что-нибудь об Аристотеле?

— Об Аристотеле? о! я некогда был с ним большой приятель; но вот уже около года различие мнений разделило нас. Вообразите: очень ясно, что *добро* есть все то, что нам кажется добром, а он говорит утвердительно: нет, *добро* есть то, что имеет следствием своим добро. Признаюсь, вам, с человеком ложных правил, я не могу быть другом; и иду к нему обедать единственно потому, что он, как я слышал, делает обед для известнейших Философов Аттики. В подобном случае можно забыть на время распрю; при том же, я уверен, что он переменил уже свое мнение; а если не так, то он меня не подкупит траста шестидесятью пятью обедами в год! ... Я не обязан следовать мнению других, и тем более мнению Аристотеля, который порядочно не знает грамматики. Про Философию и говорить нечего: он слепой последователь Платона, в нем ни на медный обол нет своей собственной Философии; да и что за страм, повторять чужие определения, как бы они ни были хороши!

Таким образом, разглагольствовал встречный Философ, шествуя шаг за шагом, и на каждом шагу останавливаясь, как Гиерофант, во время торжественного шествия Кирии Элевсинской.

— Нет, Господин мой, —думал я, — с тобой не скоро дойдёшь до Афин! ты весь *священный путь* забросал словами; а до города еще около двух тысячь *оргий*, или аршин.

Увидя вдали, на пригорке, человека, я пришпорил лошадь, и оставил Философа в пылу восстания на Аристотеля.

Подъезжая к пригорку, я заметил, что сидящий на нем человек, в изношенной одежде, что-то читает,

— Господин мой, —сказал я, —не можете ли вы мне сказать, где мне найти Аристотеля? в городе или в загородных садах?

— Ах, Господин мой почтеннейший! ... вы едете учиться в Афины, или путешественник?

— Путешественник.

О, благословляю встречу с вами! вы верно проезжали чрез театр военных действий. Как приятно будет Афинянам услышать из уст моих горячую новость! Вы устали с дороги, присядьте пожалуйте. Какое наслаждение беседовать с учёным путешественником! Вы откуда изволили приехать?

— Из Москвы.

— Не припомню названия этого города; вероятно он лежит в Гиперборее.... Позвольте мне объявить о вашем прибытии на площади Афинской?

— Как вам угодно! ... Ну, думал я, попал в руки к журналисту!

— И так, Господин мой, вы верно проезжали мимо Дельфов? Что Ареопаг? Удивляюсь терпению Греков! Признаюсь, вам, что во вчерашнем листке, я читал на площади возмутительную вещь против Филиппа; я просто назвал его мужиком. Позвольте же мне узнать....

— Господин мой почтеннейший, я расскажу все, что вам угодно, только в другой раз; теперь я устал с дороги, и тороплюсь к Аристотелю. Мне желательно знать, где я могу его найти?

— О, позвольте вас проводить к нему; это человек с хорошим

дарованием; его последнюю *Акроатическую статейку* я расхвалил на площади, и надеюсь, что он будет мне обязан славой. Теперь сочиняю я его Генеалогию, для составления которой. он сам сообщил мне некоторые сведения.

— Очень любопытно бы мне было узнать кое-что из его жизни.

— Я в коротких словах расскажу вам. Вот видите: Родился он в *Стогорах*, в Македонии, от некоего Никомаха. Лишившись в младенчестве отца и матери, воспитывался он у Проксена; но Проксен, как необразованный человек, ничему его не учил, да и сам он не имел особенной охоты к учению; только женщины и Поэзия были его страстью; а это, должно вам сказать, есть признак человека с пылкою душою.

Прогуляв отцовское наследие, он совершенно предался Поэзии; особенно когда и любовница его Элифия, сказала ему на отрез, что она заимодавцем не была и не будет. Как страстный любитель Гомера, Аристотель хотел пожать часть славы его, и сочинил огромнейшую поэму, на смерть всех погибших при осаде Трои. В этой поэме исчислены были имена всех воинов, и как, где и в какое место, каждый из них получил рану. Это удивительное создание! но публика не поняла его; ей лучше нравилась Евбеева пародия на Гомера; да и может ли толпа понять достоинство сочинения без рекомендации публициста? ... Меня еще не было тогда на площади.... .

Впрочем, и не удивительно, что не обратили внимания на это сочинение по новейшим исследованиям, уже накинута не тень, но туча сомнения, не только на существование Гомера, но даже на существование Трои; и говорят, что вся Илиада есть ничто иное, как *Метаморфия,* искаженный и переделанный на Греческие нравы

перевод с Эфиопского языка, книги, под заглавием: *война Титанов.* Но обратимся к Аристотелю. Обиженный невниманием Публики ко второму своему сочинению о *Поэзии,* в котором предлагалось Грекам писать стихи с рифмами, он проклял страсть свою к восторгам души, и вступил в военную службу. Так как все, лучшей породы люди, служат не иначе, как во всадниках; то и Аристотель, происходя по прямой линии от Эскулапа, вздумал служить на коне; но и простой конь, подражая Пегасу, сбил его с себя и принудил выдти со стыдом в отставку.

Не зная, что ему делать, он отправился в Дельфы, и вопросил Пифию: где ему искать счастья? — «Там, где больше глупцов» — отвечала ему Пифия.

Никто не мог растолковать этого ответа.

— Не растолкует ли Еврейский Раввин, приехавший из Египта, — сказали ему.

И вот, он отправился к Раввину. Раввин сидел за книгой.

— Скажи, друг, где более глупцов? —спросил он его.

— Там, где более мудрецов, — отвечал Раввин, продолжая читать книгу.

— Стало быть в Афинах?

Раввин не отвечал ни слова.

И вот Аристотель отправился в Афины, прямо в Академию, слушать мудрейшего из мудрейших, нашего широкоплечего Аристокла, лебедя Академии, Аписа Афинского, словом, Платона. Прилежно трудился Аристотель; спал мало, и ел мало; в продолжении дня изучал таинственные числа, *которые связывают пирамиду огня с землею,* а ночью плел корзины, для пропитания и

для заплаты Платону за ученье.

Платон называл его *наследным принципом* философии, а товарищи прозвали *душой Академии;* ибо, действительно, он тощ, как душа.

В надежде наследовать кафедру Платона, протекло около пятнадцати лет, и вдруг—надежда его потухла. Платон, заболев, поручил на время болезни кафедру свою не наследному принцепу, а племяннику своему Спевзиппу.

Проклиная и Платона, и судьбу, понес Аристотель корзины свои на торг.

—*Нет счастья на земле, оно на небесах!* — произнес он с отчаянием, и бросил корзины об землю.

—Что возьмешь за пару? раздался подле него голос.

—Давай хоть по оболу! отвечал Аристотель.

— Ой, ой! дорого! — возьми за пару обол.

— Ах, ты Жид проклятый! вскричал Аристотель.

— А кто ж меня проклинал? спросил покупщик.

— Я! отвечал Аристотель, взглянув на него. Это был тот самый Раввин, который в Дельфах растолковал ему слова Оракула.

— А за чтож ты меня проклинает? продолжал Еврей. — Попросил бы ты два злотых, я бы тебе дал один.

— Проклял я тебя за то, что ты посоветовал мне идти в Афины.

— А кто ж тебе виноват? за чем ты просил совета, коли сам ученый?

— Да! теперь стал ученый, как научили!

— Славно корзины плетешь! ... а у кого учился?

— В Академии, у старой собаки Платона!

— Славный мастер! А почем он платит тебе с корзины?

— Почем? ты спроси: Сколько я сплел корзин, чтоб заплатить ему за посещение Академии в продолжении 15-ти лет.

— А кто ж тебе велел учиться у такого учителя, который берет деньги с учеников, а не сам платит им деньги за то, что у него учатся?

— Покажи мне такого учителя; я откажусь не только от Платона, но и от учения его.

— Да вот я плачу тем, которые ходят в шкалу ко мне.

— Всемогущие небеса! —вскричал Аристотель—не знаю, которое из двенадцати божеств мне покровительствует! Да я готов идти к тебе в ученье хоть за пищу и одежду.

— Невозможно, —сказал Раввин— пища и одежда сама по себе.

— О, с меня довольно *ста* драхм * в год.

— Ой, ой! не могу! дешево! у нас по закону определено: тому, кто принимает ученье только для себя, один *талант* серебряный; кто же учится с тем, чтоб быть самому учителем, тому два таланта золотых в год, *сиглами* **.

—В год? два таланта золотых! 24 тысячи драхм! 192 тысячи оболов! ... о да за это можно умереть 192 тысячи раз! ... пойдем! ... услышали меня боги!

* Драхма аттическая стоила 8 оболов; на ней изображена была горящая лампа. Драхма Еврейская была с изображением: с одной стороны, арфа, с другой, виноградная кисть.

***Сикл,* древнейшая монета Еврейская, времен Авраама, с изображением.Sigil, значит образ или лик; эти монеты и назывались ликами (Laic) от слова lik-подобие.

Песто, песто то копели

Екаме тин хриан кэ фэли!

Так воскликнул Аристотель стихами с рифмой, и пошел к Раввину, и Раввин учил его Философии по какой-то древней Иерозальской книге, называемой Таламет, т. е, толмачь, или толковник священнодействия.

Но этого никто не знал, все удивлялись: каким образом Аристотель разбогател?

— Как вы думаете, отец Платон — спрашивали ученики лебедя Академии — не открыл ли Аристотель тайны делать золото? не ужели *Хризопея* ***** существует?

—Глас народа, глас истины! **—** отвечал Платон. **—**Золото есть ничто иное, как скипение некоторых элементов; и потому, может быть, Химия и овладеет когда-нибудь этой тайной; однако же для этого нужно**,** *чтоб пирамида огня была помножена на число, составляющее сложность всех способностей человека.*

Все ученики задумались, удовольствовались этим мудрым решением Платона....

— Позвольте, Господин мой, почтеннейший, куда же это мы своротили от города?

—К урочищу ***«Эванова Криница,»*** где Аристотель нанимает теперь загородный дом и сад. Вы, господин мой почтеннейший, очень кстати приехали; сего дня дает он обед всем Философам Афин.

* Наука делать золото.

Пройдя Оливковую рощу, по правому. берегу. Цефиры, мы

приблизились к ограде сада; дорога разделялась на двое: одна шла мимо, по долине, другая в право, к воротам загородного дома.

— Это что за улица? — вскричал я, увидев, в лево на лугу, выглядывающего человека из бочки.

— Это один из Киносаргов секты нищих, это Диоген Пафлагонец, у которого вырваны ноздри за делание Фальшивой монеты. Изгнанный из отечества, он пришёл в Афины и пристал к главе бродяг, который прозвал себя анти-стеном, т. е. врагом истины. Отверженные, презренные обществом, они основали учение, упрекающее судьбу за бедствия людей; эту лающую породу мы прозвали *собаками.*

— Сделайте одолжение, только не на лево, не ко мне! — раздался голос из бочки. — Идите на право, там ожидает вас и жареный, и печеный и настоянный еловыми шишками Бахус; а я обедов не даю, я не обязан начинять чужих желудков, ни говядиной, ни свининой с перцем и фисташками!

Не обращая внимания на пресмыкающегося Философа, мы прошли ворота, и платановой аллеей поднялись на возвышенность к дому. На обширном крыльце с навесом и лавками, мы застали уже толпу ученых; хозяин, заметив нас, не двигаясь с места, очень равнодушно произнес: Зулосас!

— Кали-имера! Пос эхетэ! произнёс мой товарищ, и заговорился в толпе, окружившей его и расспрашивающей про новости политические и литературные,

— Что же это? — думал я —Аристотель принял меня верно за какого-нибудь безбородого Академика! ибо я заметил, что вся ученая знать гладила с важностью длинную бороду. Однако же я был доволен, что на меня не обратили внимания: это доставляло мне

возможность быть спокойным наблюдателем обычаев и нравов Афинских ученых.

Я подсел к одному *молчальнику,* и рассматривал город, который расстилался за рекой по скату берет, как наброшенный на полотно, над ним ясное небо, за ним гора *Гимет***,** увенчанная садами, усеянная храмами....

— Как прекрасны Афины! сказал я, взглянув на соседа.

— Может быть—отвечал он— я здешний....

— Но идея об изящном… начал я.

— Но сравнение, — отвечал он.

— Это какой-нибудь Лаконик — думал я, и продолжал:

— Кто эти господа с бритыми бородами?

— Учащиеся.

— А с бородами?

— Говорят, что Философы.

— Позвольте вас спросить, кто здесь теперь из Философов Афинских?

— Кроме Платона — все.

— Как жаль; мне хотелось видеть Платона.

—Он уехал в Сиракузы.

— Кто же заменил его?

А вот этот Господин в зеленом паллиуме с широкими рукавами, у которого за поясом чернильница, в душе честолюбие, а в голове потёмки.

— А это кто такой?

— Филимон, драматический писатель, комик; только его остроты тупее его носа.

— А это кто?

— Это Эвбей Фаросский, сочинитель *Ватрахомиомахии*.

— А этот молодой человек?

— Это Аристипп, внук Аристиппа, ученика Сократова. Он здесь умнее всех; по его мнению, «душа есть средне пропорциональное число между горем и радостью» и, следовательно, душа возвышается во квадрат, когда радость будет во столько раз увеличена, сколько единиц заключает в себе горе.

— Это что за растрёпанное создание, в изодранной тривунии и в бахилах? продолжал я.

— Это та дубина, из которой сделана Диогенова бочка.

— Понимаю, — это Антисфен. — Но это что за бочка?

— Это Фагон, председатель всех пиров, последователь Фалеса, полагавшего началом всему воду. Фагон, однако же, усовершенствовал эту систему: он соглашается, что начало всего есть жидкость, но не вода, а вино; ибо вино, по его словам, заключает в себе оба начальные элемента: огонь и воду; вино мирит двух врагов: душу и тело.

— Это что за молчаливый, но внимательный слушатель многословия прочих?

— Этот господин родом из Эфиопии, не знаю имени; но сколько я понял, учение его имеет основанием мысль, что «человечество есть проявление тайны создания вселенной.» Он большой друг вот с этим господином, который торговал некогда Финикийским красным сукном, но занесенный бурею в Афины, променял золото

на философию. Это Зенон, утверждающий, что в природе все *стоит* на своем месте, и что вселенная без него не могла обойтись.

Любопытство мое еще не было вполне удовлетворено, — как вдруг раздалась музыка, и на подносах вынесли бокалы, наполненные вином, смешанным с сосновым соком. — Это необходимо было ~~вьпить~~ выпить перед обедом, для энергии стомахической.

Аристотель обратился, к собранию с вопросом: кого оно избирает царем пира?

— Фагона, неизменного Фагона! вскричали все. Фагон прохохотал от удовольствия; эхо, с испугом пробудилось в ущелье горы. Он надел на себя поднесенный на блюде миртовый венок и пурпуровую тривуну, и все двинулись за ним в Триклиниум, где около трех стен тянулся широкий *диван.* Фагон взлез на него, и заняв место по средине, важно прислонился к мягкой подушке; все гости последовали его примеру, разлеглись по обе стороны.

Посреди комнаты стоял жаровник, в котором курился *ливан.*

Резкий звук кимвала и тимпана, сопровождаемый голосами нескольких песельников, раздался. Когда они пропели гимн в честь градоблюстительницы Афины: Παλλας μουνογενης!.. рабы внесли маленькие столики, с первым блюдом, и поставили на диване перед каждым гостем. Это первое блюдо было *мима*, в роде винегрета из всевозможных мяс, искрошенных мелко на мелко, с прибавлением внутренностей, крови и уксусу, разваренного сыра и петрушки, тмина и маку, печёного в золе луку и сушеного винограда, мёду и гранатовых зерен....

Перед Фагоном поставлена была тройная порция....

— *Кало-ине!* вскричал он, доканчивая мим.

— *Кало-ине!* повторили все прочие, торопясь окончить.

— Это чудо, —сказал мне сосед мой — Фагон Афинский не уступает предку своему, который съедал, за спором, одного вепря, одного ягненка, сто хлебцев, и впивал духом одну *орку* вина.

Второе блюдо было, Белорские улитки в пшене; потом фазаны и куропатки; потом мясо оленье, потом стерлядь, потопленная в Атосском масле, потом жирные плачинды с мясом и с миндалём… потом подали *тразимата,* т. е. десерт: плоды сушеные, Афинские сахарные оливы, финики и проч.

За каждым блюдом следовал поднос с вином; так как Греки не любили метать одного сорта с другим, то на этот раз было выбрано вино Кипрское *ку-мирос.*

Кало-ине! повторял Фагон.

Частный разговор вскоре превратился в шутки; и остроты посыпались на тучного Фагона, который быстро пожирал все подносимое ему, пыхтел, багровел, и пища погружалась в чрево его как на дно морское.

— Это слитком жирно, нездорово, сказал Люциний — отказываясь от подносимой плачинды.

— «*Что слитком жирно*, *то нездорово*, сказал ты» подхватил подслеповатый Антисфен, набивая нос каким-то врачующим глаза зельем, вывезенным им из Египта, и поставив тавлинку подле себя. «*Но, так как Фагон также слишком жирен,* продолжал он, *следовательно — Фагон нездоров.»*

Все захохотали; шутка Киника задела Фагона за живое.

Довольный, своим силлогизмом Антисфен хотел еще раз понюхать зелья, но — тавлинка, его исчезла.

— Господа, прошу отдать мою тавлинку! сказал он с сердцем.

— Господа мои, отдайте Антисфену тавлинку; вы лишили его нос пропитания — подхватил забавник Евбей.

— А так как, *все то, что лишено пропитания,* произнес торжественно Фагон, *должно умереть с голода, следовательно, и нос Антисфена должен умереть с голода!*

— Браво, браво, браво, Фагон! — раздалось по всему триклинию; хохот общий. прокатился громом. —У У У У! закричали все, уставив палец на Антисфена.

Он побледнел, в душе его собиралась мстительная гроза, губы задрожали.

Вдруг вошел раб и сказал что-то на ухо Аристотелю. Аристотель заметно удивился, вскочил с дивана и, извиняясь перед гостями, вышел.

Хохот; прервался.

—Что это значит? —спрашивали все друг у друга; но только я один понимал в чем состояло дело.

— Странная вещь, —думал я—не ужели Антисфен нюхает табак?

Кажется, древние об нем и понятие не имели?

— Скажите, Господин мой, —спросил я своего соседа, —как называется это зелье, которое нюхает Антисфен?

— ***То βχχο?*** Вакхово, отвечал он мне по-Гречески.

— Ту-Вакху! табак! думал я: — так-это-то самое то зелье, о котором мне говорил Цыган: зелье, предохраняющее от цынготы.

— Не называют ли его петюн или тютюн?

— Может быть ***πετενον***—летучий, или *тифос* — вонючий.

— Что за чудо: petum, fetens, theffin... puant и pe… понимаю! ...

— Не называлось ли оно никотиана?

— Это, я думаю, все равно, что и никеротиана *.

— А! так вот он, Г. Нико, посланник Французский в Португалии, *который* прислал Екатерине Медицс маленькую провизию табаку в подарок, *которой* очень понравился табак, *который* и стал называться с тех пор *королевин порошок*... понимаю!

Г. Нико, следовательно, изобрел Амазонский табак… на табачном острове Табого. Теперь стоит только исследовать, не от табаку ли произошел *Табагистан* в Анатолии, и самое слово *кабак***,** здание, в коем древние ели кебаб и курили табак...

Да и слово tabeo и *tabes*, и tabesco— гнить, портиться, и tabeda pestis—цинга, да и слово taberna, cabaret...

Вдавшись в исследования о табаке, я вспомнил и прекрасную *оду о табаке,* соч. *Ильи Ларина.* Эта ода начиналась: *«на толь чтобы в печали,»* и кончилась:

Все так, все так, все так!
А нам остается понюхивать табак!

Вдруг Аристотель вошел с радостным лицом; в руках его был свиток бумаги.

* *Nicerotianum.* Parfum invente par un parfumeur nomme Niceros.

— Господа мои, сказал он, Филипп приглашает меня

воспитывать своего сына! —и прочел в слух письмо Филиппа.

Все бросились поздравлять Аристотеля с будущими почестями.

—И так, ты оставляешь мирную жизнь Афин, Аристотель! — вскричал Фагон. Дайте же прощальный кубок!

— Очень хорошо делает —возразил Триэфон, достойный последователь Гераклита, жалкое, тощее существо, на которого никто не обращал внимания.

—Жизнь есть вещь продажная, от чего же не отрезать от нее куска и не променять его на золото и почести.

— Злую собаку выпустил ты на меня, Триэфон! — отвечал Аристотель.

—Знания наши есть товар, который требует сбыта, —сказал Зенон. — В Афинах этот товар очень дешев: кто пойдёт за плодами на торг, когда есть свой собственный сад! ...

— Правда—перервал едкий Триэфон, —здешние умственные товары слишком залежались, стали рухлядью. Прощай, Господин мой, *желаю тебе пить куриное молоко* у Филиппа.

С этими словами Триэфон вышел.

Его проводил общий хохот.

Странно, Господа мои, сказал Евбей, какое противоречие между ФИлософией и природой вещей! —Фалес и последователи его, полагавшие началом всего воду, были и есть люди совершенно огненные, что заметно и по Фагону, который весь горит; Гераклит же и последователи системы, производящей все от огня, были и продолжают быть, люди холодные, как на пример плакун Триэфон, который постоянно точит слезы. Разрешите мне эту проблему?

Проблема заставила всех задуматься.

— Не трудно разрешить, сказал Аристипп: чья природа огненна, для того прохлада воды есть идея наслаждения; чья природа водяниста, холодна, тот дорожит теплотою, происходящей от огня....

— А так как теплота дает ему жизнь, —перервал вдруг наследник Платона, — следовательно он по себе заключает, что огонь дает жизнь всему и есть всего начало. — Это мое всегдашнее мнение.

— Браво, браво, Ираклит! Платон не отшибся в тебе: допивай всегда чужие стаканы; ибо мудрость и истина на самом дне.

— Прощай, Аристотель, прощай! повторили все.

Я хотел удалиться вместе с прочими… но, подумал, и остался.

ГЛАВА X.

— Господин мой, сказал я Аристотелю—вы изволите ехать в Пеллу; я также туда намерен ехать, и потому, мы можем ехать вместе.

— Очень рад спутнику, сказал Аристотель; но я не поеду верхом, я найму четырёхколёсную каруцу * с запряжкой мулов; ибо уверен, что Филипп заплатит мне путевые издержки.

— Это для меня все равно, сказал я, наймемте по полам.

— Очень рад, но только должно нанять каруцу обитую медью и с приличной резьбой… сказал Аристотель.

— Разумеется! сказал я; —я сам не привык ездить на воловой каруце.

Таким образом, условившись, в тот же день послали мы нанять каруцу обитую медью и украшенную резьбой.

Нам наняли до *Волочи,* ибо по Македонии устроены были везде ямы.

Сборы Аристотеля были не велики: узел с платьем, несколько свитков сочинений; за поясом *калям* и *каламаре,* бочонок с вином, настоянным еловыми шишками — вот все.

На облучок сел слуга Никомаховича, Немирко; он плакал от радости, что едет на родину.

И мы пустились в путь; каруца заскрипела, медные бляхи задребезжали—это был признак, что едут люди высокой породы.

* *Carruca— (см.* Плиния). По Молд. также каруца, от Car, char.

Скрылись от взоров роскошные берега заливов Сароникского и

Саламина, и разостланная Мегара по цветущей долине, и крутизны горы *лесной*, или *деревной,* и, превращенная в, остров Нимфа Эгина.

— Узнаешь возможно ли: в вас спутником кого имею я? спросил меня Никомахович.

— Я странствующий певец, —отвечал я, и думал: какая учтивость! местоимение Я стоит в конце речи.

— Певец, по внутреннему, или по наружному побуждению?

— Господин мой! отвечал я, где солнце не греет, там по неволе довольствуются только внутренней теплотой.

— А! сказал Никомахович, и умолк, и молчал во все время переезда; а я, проезжая Евбею, Фессалию и приближаясь к Македонии, думал о сонме богов и Дротте или Друиде Скифе, о Кире-Еллине, о Пане и Доминусе Пеласге, о Господине Славене, и прочих высоких особах Мифологии и Истории.

О! сказал я сам себе: до которых пор в Мифологии множественное будет приниматься за множественное, а в Истории единственное за единственное? до которых пор в аллегории жена будет женой, сын сыном, дочь дочерью?

Я не в состоянии описывать всего, что я думал. В голове есть свое небо, которое иногда заволакивают тучи-мысли, и дождят слезами; иногда и на этом небе сверкают молнии, отсвечиваясь во взорах; гремят громы, отдаваясь в устах.

Я не буду описывать подробностей пути, по которому шло и ехало человечество на поклонение жизни; по которому пойдет и поедет оно на поклонение злату. Но я не проехал мило Дельфов, чтоб не взглянуть на праздник Доды. О! что я видел, читатель! ... *Принцеп Философии* спал в продолжение всей дороги; перебравшись чрез

Олимп, в границы Македонии, на первом *поставе,* или почте, запрягли нам в *каруцу* тройку лихих коней. *Каруцарь* гикнул, хлопнул по воздуху *аравийским* кнутом и запел:

Ах, вы кони, мои кони!
Вы не белые кони божьи,
Вы не Царские вороные!
Вы—серко, гнедко и бурко!
Не подкованы вы кони красным златом,
Не лежали вы на шелковых подстилках;
А как дам вам, мои кони, доброй воли,
Не угонятся за вами в поле ветры!
Хи!!

Двинулись горы с места, пошла земля, стали воды, потекли берет!

Какие дивные рессоры—быстрота! не тряхнет!

Летит тройка, как метеор.

Вот катимся мы уже с горы к Пелле, вот несемся городом, вот примчались ко двору Панскому, Господскому; дубовые ворота распахнулись. Шагом по зеленому лугу подъехали мы к крыльцу.

Я заметил, с каким удивлением и неудовольствием Аристотель взглянул на старый тесовый дом с светлицами и выходцами, и на дворовые избы, окружающие его. После Афинских зданий, простота ему не нравилась.

Несколько дворовых холопей выбежали на встречу Аристотелю; я хотел было идти в город; но он меня уговорил пробыть несколько времени с ним.

— Останься со мной, господин, говорил он; я чувствую, что умру здесь со скуки, покуда привыкну. Я тебя представлю Василиссе, как друга своего.

Я согласился, и нас повели длинными сенями в отдаленные

покои, потом в баню.

Как изнеженный Афинянин, Никомахович потребовал благовонного масла, для мощения тела; но о подобной роскоши в Пелле не ведали.

После бани подали Аристотелю царскую одежду: кафтан домашней ткани из сученой шерсти, чёботы кожаные выше колена, и охабень * строченый красною белью.

Аристотель, хотя с неудовольствием, однако же принял небогатую одежду; но почти в слух говорил, что он привык к одежде шелковой, или Финикийского пурпура, а не к простой шерстяной.

Выходя из бани, спросил он вина, настоянного еловыми шишками; но ему принесли меду и гречишной браги.

—Это ужас! —вскричал Аристотель —здесь на медный обол нет пышности царской! Это палата! Да тут надо быть жирным Фагоном, чтоб сидеть мягко на деревянных скамьях!

После бани, Аристотеля повели к Олимпии; я последовал за ним. Она приняла нас добродушно и вместе важно, прилично царскому сану; протянула: для поцелуя свою руку. Я бы даже не ожидал этого от дочери Молосского Царя. На ней было парчовое платье, с двумя рядами застежек; перетянутое широким поясом, составленным из золотых блях; сверх этого платья лежала на плечах аксамитная *ферезея,* или *фирузе***,** т. е. *блистающая,* с длинными рукавами, до полу; на голове, того же цвета шапка, вроде скуфейки, шитой золотом; на ногах того же цвета туфли, или *папуши***,** на каблуках.

* Occabum.

После приветствия Аристотелю, и расспросов про меня, она

посадила нас, и приказала привести своих детей.

У меня затрепетало сердце от ожидания видеть юного Александра.

И вот—выбежали двое детей, мальчик и девочка; за ними толпа мамок и нянек. Мальчик, увидев незнакомых ему людей, остановился и смотрел на нас из подлобья; а девочка—это была Фессалина! —подбежала к матери, прижалась к ней, приклонила голову к груди её, и также устремила на нас свои огненные глазки.

— Саша, подойди к своему учителю, Никомаховичу, — сказала Олимпия, указывая на Аристотеля.

И Саша подошёл к нему, продолжая смотреть на него из подлобья; еще шаг, — снова взглянул на него; и вдруг, подпрыгнул, полез к нему на колени; ухватился сперва за рукав, потом за грудь, потом за волосы, и—стащил Мидийский парик *, прикрывавший безволосую голову Аристотеля.

Аристотель, торопливо поправив парик, покраснел с досады; но желал скрыть неудовольствие:

—Какой милый, живой ребенок, Василисса! — сказал он — особенно Глаза! глаза есть зеркало души.

Василисса Олимпия, в свою очередь смутились от замечания; ибо у её сына глаза были разные: один серый, другой черный.

* Парик был принадлежностью мистерий и празднеств Вакховых, потом Греческого театра, а наконец вошел в употребление у Царей и знатных лиц.

Во все это время я сидел отуманенный мыслию: это будущий

Александр!

Александр Филиппович, или вернее, говоря языком Ликийским, Александр Олимпиевич, казалось, был обыкновенный ребенок, плакал и кричал, как и все другие дети, сосал соску и Фиалковый корень, не искуснее прочих; но, с рождением его, родилось общее мнение, что он будет непременно *великий*, непременно покорит целый свет… и этого достаточно было, чтоб предсказание исполнилось. Сверх того, в день рождения его, Филипп видел предвещательный сон, который рассказать нельзя; а Сивилла, в рубище, с распущенными волосами, бегала, из края в край, и вопила:

—Радуйся Македония, радуйся дева изшедшая из *Арго!* народилось у тебя детище с тройным талантом! После подобных предвещаний, по мнению некоторых Философов, не нужно бы было Александру ни учителей, ни воспитателей: он *должен был быть* без всякой человеческой помощи чем-нибудь сверхъестественным. Олимпия также была этого мнения; но бывший при дворе её, инкогнито, Египетский Фираун *, халдей и волхв Нектабан или Нектанет, сказал ей: «помилуйте, госпожа моя, не родится граненый алмаз, не родится и низаный жемчуг; а алмаз есть ум, а низаный жемчуг добродетели.»

И Олимпия решилась воспитывать сына.

Так рассказывал мне *дворовый Тивун,* покуда Олимпия рассуждала с Аристотелем о методе преподавания наук.

* *Фирауан,* древнее название первосвященника поклонников солнцу. — Это слово Греки обратили в последствии в *тиран;* и оно же *Фараон*.

Когда они кончили разговор, я сел опять на свое место.

Юный Александр стоял подле своего будущего учителя, а Фессалина подле матери.

Долго смотрела она на меня, вдруг спросила у матери:

— Маменька, а это мой учитель?

— Твой, дудука! сказала, засмеявшись Олимпия.

— Мой? вскричала Фессалина, бросаясь от матери ко мне, и обняв меня.

— О, признаюсь....

Духовным пылом возгоря,
Я думал: по восьмому году,
Она как Майская заря,
Воспламенила всю природу!
Чтож будет далее… когда
Придут законные лета?
Беда!

Представьте же себе мое удивление, когда Олимпия в самом деле предложила мне быть воспитателем Фессалины.

Я согласился; но чему же, думал я, буду учить ее? Для женщин одна в жизни акроматическая наука, разделяющаяся на три периода, на любить, любить и любить… буду учить ее правописанию.

И стал учить ее правописанию… и я уверен, что она не написала бы:

«Мой друх я бес тебя сашла
Сума, горит сердешный пламен.»
Нет! строгий выдержать могла,
В правописании экзамен.

Но обратимся к делу.

Чрез несколько дней после нашего приезда, настал господский праздник *Коляды,* или праздник Хронов; этот день назначен был и *красным днем***,** или днем именин сына Олимпии.

Перед полуднем она одела Александра в хитончик своей работы, и, сопровождаемая всем двором своим, пошла в *хоромы* Святого Витязя Якова. Весь путь от дворца до горы, находившейся посреди рощи, усыпан был цветами; весь храм, построенный по образцу храма *Афины*, Греческими зодчими, был также увешан венками, уставлен ветвями дерев. Сквозь толпу народа я едва продрался в медное капище, где стоял древний истукан, дубовый обрубок, топорной работы, на коротеньких ножках, туловище в роде бочки, голова огромная, с витыми около ушей бараньими рогами. Но по сторонам между колоннами стояли 1*2* истуканов дивной работы; каждый из них был увешан рукодельными: ширинками, шитьём в узор, цветными лентами и бусами.

Папа, в белом балахоне, с бородой по колено, совершил излияние, начадил ливаном, окропил всех кровью; и потом поставив сына Олимпии перед *горой,* или Жертвенником, на котором жарилась баранина, осыпал его новыми золотницами, — присланными Филиппом из *Криниц,* в дар новорожденному, — и сказал: «Ну, будь же ты отныне Олексом, да живи во благо!» Потом, отрезав ножом кусочек баранины, дал ему съесть, поднес ему к устам жертвенной крови, и продолжал:

«Ну, ступай, и все идите гулять во славу Святого Витязя Якова; а за утро богатые сотворите пир бедным, а бояре рабам; а не исполните закона, то да не убелит, а очернит вас баня; а воссевшим вам обедать, да опрокинут слуги на вас курильницу с горячими

угольями, а повара да пережарят любимую похлебку вашу, и да переварят жареное, и да приправят все кушанье не медом, а рыбьей желчью; и да вбегут собаки на поварню и да пожрут пироги; а вепри, ягнята и поросята—откормленные молоком, да испустят во время жаренья визг, крик и рев, подобно быкам, приносимым в жертву, и соскочут с вертела и покатятся по земле, или убегут в горы и унесут с собою рожны; а жирные куры и куропатки, ощипанные, выпотрошенные и готовые к жаренью, да вспорхнут из рук поваров и разлетятся по хижинам бедных, дабы не одни богатые вкушали их. Мало того, —неимущим нужно и подаяние; не подадите сами, муравы откопают сокровища ваши и разнесут по бедным; мало того, —неимущих накормите, наделите и прикройте полой своей нищую голь, а не прикроете, — одежду вашу поест моль, и крысы разнесут по лоскуту на починку рубища. Мало того, —омойте бедных и соскребите грязь с тела их; а не исполните, то да оплешивеют сыны ваши, а румяные лики дщерей да обрастут густыми бородами как лес, и будут похожи они на Эллинских комедиянтов Сфенопогонов.

Исполните же закон Туров, настанет снова золотой век, когда сам хлеб ходил за чревом и превращался в золото; когда реки млека текли по сытой земле, а облака разносили хмельный мед и вино; а кожухи, шапки и сапоги сами росли на теле. Таков был век, дудки сами играли, а всё приплясывало!»

О, думал я, верно память о золотом веке оставила нам и песню:

Танцевала рыба с раком,
А капуста с пустарнаком.

Такова была речь жреца, я дивился: как, с лишком в 5000 лет,

человечество не сделало шагу от животных понятий!

Но слова его имели свое действие:

Все богачи, перепуганные заклинаниями, стояли бледны, и, казалось уже трепетали, чтоб муравы не откопали их сокровищ и не разнесли по хижинам бедных; но за то у нищих и неимущих лицо пылало радостию и ожиданием, что жареная куропатка влетит им прямо в рот.

Из храма все отправились по домам, сквозь ряды нищих и неимущих, которые, обступая имущих, словом «подай!» требовали дани. — Но этот день был канун настоящего праздника Сатурналий, * или господства рабов. С вечера, они уже готовились к *Саббату* или шабашу; ибо на утро всех, кто носил имя *пан,* или *сударь,* ожидало рабство, служба и лакейство, если он не откупался положенной суммой и не, получал знака *увольнения*, —который состоял в красном знамени над домом, и в красной шапке на улице. К счастию, случайно нашёл я у себя в кармане древнюю золотую монету, и запасся шапкой. Аристотель об этом не позаботился; не ведая обычая, преспокойно бы спал он до полудня, если б верный Немирко не позаботился его разбудить.

— Ей! —вскричал он грозно, входя в комнату и едва держась на ногах, — Никомахович! чтож ты это, братец, спишь без просыпу! ...

Никомахович вздрогнул, очнулся, уставил сонные глаза на верного раба своего.

**** Turnauspiel*—**турниры, есть остатки его.

***** Lackey*—**гонец, или рассыльный, пеший от древнего lackeu.

— Вставай… говорю! ... ах… ты!! видишь, я из бани пришёл… ну!!...

— Что ты это, бездельник! вскричал Аристотель! пошёл вон!

— Что? пошёл вон? ... Э!! да ты не проспался! ... постой!

И с этим словом Немирко, сбросив одеяло с Господина своего, схватил его за ворот, потащил с постели.

Испуганный Аристотель заревел как бык, которого тянут за рот под жертвенный молот.

На его крик сбежалось несколько дворовых слуг, не уступавших в трезвости Немирке.

Что за шум? вскричали они.

— Да вот, господа мои, — отвечал Немирко, —спит! ... знать ничего не хочет! ... помогите стащить его с постели... да! ... знать не хочет, что я пришёл из бани! ... занял мое господское место! ... а я прав своих не продаю… не продам, ни за что не продам! ... кто ж мне слуга? ...

Возьмите этого мошенника! вопил Аристотель, задыхаясь от гнева.

— Меня? ... взять? ... видел это? ...

— Э, да кто он таков? ... что за Пан? спросили у Немирки товарищи его.

— Кто? да просто Никомахович, дядька, учитель господской… отвечал Немирко.

— Эх, да оставь его! ведь он наш брат, пусть его погуляет. Да не мастер ли ты на эфиопской дудке играть? Ведь ты из Цыган Никомахович?

Аристотель, как полоумный, накинул на себя одежду.

— Где Василисса? вскричал он исступленным голосом.

— Э, не бойся! —отвечала ему толпа, —она откупилась, сидит в заперти... воля наша!

Аристотель, как полоумный, вырвался из толпы пьяных, выбегает вон из дома....

— Куда ж ты, куда Никомахович? — кричит толпа слуг. Преследуемый, он выбегает на улицу. Там новые толпы гуляющего народа; везде музыка, везде шум... пьют, пляшут… повсюду неистовые объятие любви и дружбы.

— Хэ! куда бежишь! стой, брат! кричит первая встречная толпа. — Стой! коли наш, выплясывай!

Аристотель бросается как полоумный в сторону; но плясун в машкаре обхватил его....

— Стой! говорят тебе! наш или нет? ...

— Ваш! ... отвечает он трепещущим голосом.

— Что ж ты без личины, в холопской одежде и без шапки, как нищий?

— Хэ! у нас нет полосатого шута — в шуты его!

— Где-ж ему быть шутом, у него кислая рожа!

— Ну, будь он знаменной втулкой! Подавайте знамя!

И вот два молодца в пестрой одежде, принесли на плечах остроконечную шапку, оргии в три вышины; на вершине её, как на башне, развевалось полосатое знамя. Нахлобучив шапку на голову Аристотеля, знаменщики повели его под руки....

— Хайд! вскричал предводитель толпы; и она двинулась, приплясывая, вслед за бубнами и сопелками, на гору к костру.

Около костра, увешанного плодами и осыпанного еловыми шишками для скорого возжжения, стояли уже украшенные венками, под белыми покровами, взнузданные быки с золочеными рогами; подле них, обнаженные до пояса, повязанные белыми фартуками, слуги храмовые с молотами * и секирами ** в руках; подле костра *гора* или жертвенник, увешенный цветами и уставленный курильницами, и свечами в треножниках. Подле оного жрец, в белом балахоне, с венком на голове; по одну сторону его стоял *малец с святой сечей* ***, или огромным ножом, разлагающим жертву на части; по другую сторону, другой малец держал кованый ларец с ливаном; еще двое держали рукомойню, блюдо и утиральник. Хор певцов, гусляры, дудари **** и сопцы, стояли также по сторонам; за ними девы *хорицы* и *игрицы,* в красных сарафанах, под покрывалами…

Я, пользуясь правом красной шапки, стал поближе к этим белицам; мне нужно было их рассмотреть подробным образом — того требовала наука о изящном; притом же, покрывало....

О покрывало, покрывало!
Но воля Бостанжи-Баши,
Чтоб покрывало покрывало,
Все тайны сердца и души.

* Mallevs—maillet — молот жертвенный.
** Securis — секира жертвенная, медная.
*** Secespita.
**** Дудки священные из ослиной ноги, и серебренные.

Мое все внимание было обращено на покрывало, и я не понимаю, как мог я заметить, что по всему скату горы, начиная от жертвенника, на лотках, на подносах *, на щитах ** и ширинках, лежала пища, ожидающая благословения. Это был пикник: хлебы божьи с кимином ***, пироги, колачи, пряженцы, овсяники, медовики, пампуши ****; бутыли с вином, кадки ***** и горшки с мазулей и брагой, корзины с смоквой, с фигами, василикосами, с оливами, с гранатами....

Я не понимаю, каким образом расслышал я рокот трубы ******, писк священной дудки из ослиной ноги... звук медных кимвалов, и стук бубнов? ...

Я даже не могу отдать отчета: казалось мне, или в самом деле я видел, как главный жрец принял жезл, махнул им—и раздался тихий хор, во время которого жертвы были закланы, а части их дымились кровью на жертвеннике под ножом жреца… как он осыпал их ячменем и солью, обливал багряным вином... и между тем внутренности возложены на костер, костер воспален, ливан брошен в курильницы....

* Patinae — поднос.

** Slata, или Scutum.

*** Bos.

**** Popana.

***** Catina.

****** Tuba.

Все казалось мне сном… я потерял из виду Аристотеля, я шел за юной Хорицей, я видел только ее… она начала плясать! о, Читатель!

Смотри — Дельфийская Харита:
Распущена её коса,
Две ручки голы, грудь открыта,
И ножка чудная боса!
На голове зленый венчик,
Прозрачной тканью стан обвит…
Чу, брякнул, зазвенел бубенчик,
И дева ходит — говорит!

Я так засмотрелся на нее, что не заметил, как она обратилась предо мной в призрак и исчезла. — грустный, пробирался я сквозь шумные толпы народа; почти близь каждого дома, под навесом, стояли бочки с брагой и корзины с плодами; на луговинах плясали голубца, играли в латпу *, в города**

Но улицы, как поле сражения, были усеяны трупами упившихся. *Чара зеленого вина* низложила, вероятно, и Аристотеля; ибо только на другой день возвратился он с праздника, как сонный, с душой жаждущей похмелья.

* Lapitti. — Овидий описывает эту игру: посредством дощечек играющие бросают камни или мячи.

** По-Гречески — полис, или *chora.*

ГЛАВА XI.

Вы не поверите, как трудно учить женщину; женщину, это существо, у которого так много сердца и так мало головы; которое верит в Провидение до тех пор, покуда есть, о чем молиться ему; которое не верит в Провидение до тех пор, покуда гром не грянет; которое не сомневается только, в самом себе...

Пересоздать существо пришедшее в этом виде от берегов Тигра и Евфрата—выкупить из неволи, в которую оно обречено за ропот на судьбу свою посреди Рая — вот труд! вот наслаждение!

О, я не знаю выше блаженства, как преклонить колена и произнести:

Благоуханный цвет существованья,
Звено магнитное души и естества!
Венец, сияющий на лике Мирозданья,
И воплощенная улыбка божества!

О! (имя рек).

Такова женщина перворожденная, и та, которая выкуплена светом разума.

Не будем говорить о сосудах, налитых водою, в которых собран букет цветов. Это существа бальные и гостиные; это цвет без корня; это простые, механические создания, андроиды, изобретенные Прометеем, воссозданные Албертом Гроотом *, и усовершенствованные Видстоном, которые никак не могут произнесть букву Р.

Не будем говорить и о существах, налитых животною жизнью, которые перекидывают ногу чрез конский хребет и ездят верхом без седла.

Но этот фиал, исполненный сверхъестественным блаженством! если он стоит перед тобой, читатель... о! ... ты взглянул на него… взглянул и опьянел… ты уже не в состоянии протянуть руки, поднести его к устам… чувство оставит тебя— оно уже выше неба.

Образовать деву, наполнить фиал блаженством… но представьте себе грусть мою: что, если какой-нибудь профан-идольник осушит его до дна одним залпом, как schanapps, не оставив на языке ни капли, для осязания наслаждения.

Вот разница между образованием Александра и Фессалины: он для всех, она для одного… и если б еще для своего учителя!

Однако же я не завидую чужому счастию, ни чужим деньгам, ни чужой любви; я только не желаю быть пьедесталом — пьедесталом даже вселенной; но Атласом я готов быть: пусть поместится моя вселенная ко мне на рамена.

Девушек приятно учить; они по большой части милы и послушны, и всему верят, что им говорит учитель; но мальчик; ... о, это вопросительный знак: —только шаг из яйца, и уже допрашивает: *как, кто* и *для чего?* Как будто понимает, что эти: *как, что* и *для чего,* есть истинное различие между человеком и тварью.

* Гроот есть фамильное название Алберта, а не значит *великий,* хотя Groot по-Голландски и означает большой, великий.

Эти слова произносит в нем сама природа; ибо он есть отражение всего видимого мира; он солнце той сферы, на которую может изливать теплоту чувств и сыпать лучи разума; он прохладная луна утешительница; он парящий орел в соображениях; он лев в великодушии и среди боя; он тигр в исступлении; он в ухищрениях змея; полип, движущийся на корнях своих; величественная пальма, произраждающая только один цвет, один плод в столетие своей жизни—один плод! —дивный плод—голову! ... яд и животворное вино; он тверд как железо, при свете блестящ как алмаз, непонятен как ночь, завиден как золото, звучен как серебро—о, он весь мир видимый.

Отдайте же это вопрошающее существо в руки существу безответному, учебной книге в образе человека, и вы увидите, что дивные звуки: что, для чего и как, увянут в душе, как отпрыск цветов, для которых нужно питание, и у которых нет питания.

Человек родится и в физическом и в нравственном отношении, или здоровым или болезненным, или уродом. И, следовательно, говоря математическим языком: в человечестве 1/3 добра, 1/3 зла излечимого, и 1/3 чистого зла.

Чтож предстоит воспитанию?

Хранить здоровье Физическое и нравственное, лечить болезнь и употребить зло на службу добра.

О, в природе столько неумышленного зла, что умышленное не нужно для весов судьбы, и каждый человек, если не в глазах других, то по крайней мере в собственных глазах, может быть чист и непорочен!

Между тем как я делал эту математическую выкладку и

незаметным образом перешел от нее к разрешению всех тригонометрических задач посредством простой арифметики, логика Аристотеля тщетно боролась с логикой Александра.

— Страсти враги наши—говорил Аристотель — их должно истреблять, вырывать с корнем… убивать! ...

— У папеньки много врагов—говорил Александр—Греки, Персы, Иллирийцы, Готты… для чего ж он их не истребляет, дядюшка?

— К побежденным должно иметь снисхождение, — отвечал сбитый с пути Аристотель; —и тогда враги обращаются в друзей наших.

— А за чтож, дядюшка, убивать страсти; их жалко совсем убивать, они также враги наши; может быть и они, если к ним будешь милостив, также обратятся в друзей наших.

— Да… но, нет… на пример пьянство, есть страсть опасная… которую должно искоренять....

— А где ж корень у пьянства, дядюшка? ...

— Корень пьянства… бывает часто в обычаях… вот, на пример, если б ты был законодатель, ты верно бы уничтожил злой обычай, по которому слуги имеют право бранить и бить своих господ во время Сатурналий.... Это все равно, что позволить коню оседлать человека.

— Правда, дядюшка; а ты видел у меня деревянного конька, которого называют Пегасом, потому что он пегой.

— Здесь не время рассуждать о конях; изволь, Александр Филиппович, читать Илиаду! ...

— Александр взял указку в руки и начал читать:

Воспой; о богиня, гнев Ахиллеса, Пелеева
сына,
Грозный, который Ахейцам нанес неисчет-
ные бедства...

— Скажи мне, дядюшка, кто ж это просит петь богиню вместо себя?

— Омир, отвечал Аристотель, которого настоящее имя есть Мелезиген, от реки Мелеты, на коей он родился; когда же он ослеп и пошел по миру, тогда его назвали Омиром....

Это чудо—думал я, —что значит Филология! и по сие время люди не хотят понять, что *Мелезиген* есть ничто иное, как испорченное Азское Слово Malsingan, т. е. поющий сказания, и что, следовательно, Илиада есть перевод с Азского языка на Греческий, песни о падении власти Азов в Helion—е, что *Priamus Kongur* var sem adur er sagt kalladur Oden, en drottning hans Frygg, af thui tok Riked sydann naffn oc kallas Phrigia thar sem borgen (Troia) stod.

— Т. е. что Приам Князь (kong—Конеж) был тот самый, как говорят, который назывался *Оденом,* а жена его Фригга; от неё и получило царство прозвание Фригии, где был град оный (Троя).

О вы! все триста Юпитеров, 64 Ахиллеса, 48 Геркулесов и все 30000 богов древнего Азского, или языческого мира! призываю вас в свидетели истины слов моих; но дозвольте мне, для помещения вас в моем тесном угле, разделить на 10.000; это не уменьшит величины вашей; ибо вы явитесь передо мною в настоящем своем виде, в священном числе 3, за которым стоят *ноли* и *метаморфы* древних и новых поэтов!

Эти слова я произнёс почти в слух, так что развлек внимание Александра к урокам Аристотеля, о щедрости, за которую в последствии историки укоряли Александра, говоря ему устами

Филиппа: «глупо, мой друг, думать, что за деньги можно купить верность и любовь. Что за радость, чтоб Македонцы привыкли видеть тебя не Царем своим, а казначеем. Советую тебе быть более щедрым на благость, нежели на золото; потому что только благость есть казна неистощимая.»

Таким образом я часто был слушателем уроков Аристотеля.

Сначала Аристотель был доволен вниманием своего ученика; он надеялся образовать из него мудрого законодателя; но созидаемая надежда, как Вавилонская башня, не достигла цели своей. Откуда ни возьмись в Александре охота к музыке. Он услышал песни Фригийского Бандуриста Тимофея, и так возлюбил их, что Олимпия принуждена была купить сыну маленькую бандурку, и нанять Тимофея учить его игре и пению.

Гений во всем виден, за что ни возьмётся.

«Однажды учитель (говорит вместо Квинта Курция Иван Фрейнсгейм, в переводе) приказал ему ударить в некоторую струну.... (странно, как будто Квинт Курций не знал, что эта струна называется также квинтою...) в некоторую струну, по правилам науки.

— Я и без правил науки ударю в струну! отвечал Александр.

Все удивились остроте ума его; а Аристотель с горестию помыслил: «из Александра выйдет бандурист, и только!»

Аристотель ошибся. Не прошло недели, Александру надоела музыка; в нем открылась новая страсть: бегать в запуски.

О, говорил Крисон Ингеландец, учитель его—Александр Филиппович перегонит со временем на Олимпийских играх не только всех бегунов, но и всех иноходцев!

Покуда отрок Александр бегал, Акроматические науки стояли, а Аристотель с горестию думал: «из него ничего. не выйдет, кроме иноходца!»

Аристотель ошибся: в Александре вскоре родилась страсть к борьбе — наняли атлета Диоксиппа; потом страсть играть в лапту— наняли Аристоника; потом страсть к охоте, потом страсть объезжать коней, потом ездить верхом на своём учителе.

Аристотель долго сердился, терпел. терпение иссякло, и он хотел уехать из Пеллы; но Олимпия уговорила его, а Александр поцеловал его в лоб, и сказал, что не будет вперед шалить.

«Стыдно тебе, Александр Филиппович, говорил ему умилённый Аристотель; родитель твой по прямой линии происходит от Геркулеса, а Василисса Олимпия от Ахиллеса; по священной же науке чисел, *плюс на плюс* дает *плюс;* следовательно, и тебе должна предстоять великая судьба с плюсом; а ты поведением своим и невниманием к наукам хочешь обратись все *в минус* — стыдно Александр Филиппович!»

Хотя Александр плохо знал Арифметику, которая входила в состав курса эзотерических или таинственных наук, коим обучались только царственные особы; но Александр постиг слова учителя своего, как поэт, в котором учёные мужи, вместо ума, рассудка, воображения и познаний, допускают только какой-то угадывающий истину инстинкт, как будто; до истины нельзя достигнуть, не навьючив себя формами познаний. О, бедное, страждущее познание от форм познаний! Скажите, кто прав, кто умнее: тот ли, который несет духовный хлеб в снопах, или тот, который вымолотил его и несет в зернах?

Не обвиняйте же, ученые мужи, поэтов, которые, носясь по

поверхностям, срывают цветы с растений мысленных, цветы, заключающие в себе семена будущности.

Поэт есть зодчий того здания, к которому вы сносите материалы распределяя их на виды и роды. Не ропщите, исполнители его воли, он сам подвластен законам духа, действующего на него внушением.

Александр был поэт, — Азия, была книга, в которую он вписал мечем поэму свою.

Александр понял слова учителя своего, и, с этого времени, Аристотель овладел Александром.

Он открыл ему заблуждения Магов в богопознании, и открыл всю славу быть восстановителем древнего закона, начертанного громовой стрелою на скалах горы Тора.

— О! тебе Александр, — говорил он, — предстоит подвиг возобновить храм *Зальмена* на 7 холмах ***Херзалы.***

Азия ждет тебя, как посланника *Адонаи*, лавры ливана увенчают тебя на царство посреди семи холмов, представителей семи высочайших алтарей земного шара. *

Александр с жаждою внимал учению Аристотеля и алкал уже будущей своей славы. Чтоб сохранить в тайне написанные Аристотелем книги закона, он велел сделать для них золотой ковчежец, и выдавая за поэмы Гомера, держал всегда при себе, а ложась спать, клал под подушку, вместе с кинжалом.

* Вероятно Аристотель подразумевает вершины хребтов.

Посеяв семена учения своего в душе Александра, Аристотель, под предлогом болезни, удалился из Пеллы на остров Лесбос, ближе к берегам Азии; там решился он ожидать *всхода* посева, или необходимости бежать в Азию, от преследований, если бы цели его открылись прежде времени.

По отъезде Аристотеля, взялся, по просьбе Олимпии, окончить образование Александра, Нектанет. —Он стал ему рассказывать Египетские сказания: как до создания мира по всюду было *ничто,* и как Бел посредством острого слова *ум!* разрубил *ничто* на двое, и составилось из одной половины *не,* а из другой *что;* как одно животное с человеческой головой и с рыбьим хвостом вышло из моря и научало диких людей, — которые росли прежде как полипы на древнем папоротнике,—сочетаться браком; как произошедшие от сочетания извели древний папоротник, на котором росли люди; как они размножились и разделили между собою землю и первоначальный язык, состоявший из 777 букв; и как каждому племени досталось от 16-ти до 56-ти букв, из которых каждое племя и составило свои слоги и свои слова.

— О, Александр, —говорил между прочим Нектанет, —по течению звезд вижу я, что ты низложишь власть Персов и возвратишь законному владетелю престол Египта.

— Но где же законный Царь Египта? спросил Александр.

— Где Царь Египта? ... произнес смутясь мнимый Волхв; — он скрылся от преследований Оха в Эфиопии.

— Если б он не бежал, его бы не преследовали, сказал Александр.

— Он оставил Египет по воле Аммона; ибо оракул изрек:

«Избирай любое: преследование Рока, или преследование Оха.» И он избрал последнее, ибо от проследования Рока нет убежища.

Он не понял слов оракула; оракул предоставлял ему не волю преследовать Рок или Персов, ибо если б он мужественно боролся с ними, то и злой Рок и Артаксеркс-Ох, бежали бы от него.

— О, Аммон! вскричал Нектанет, правда твоя.

— Что с тобой сделалось? спросил удивленный Александр.

— Ничего, ничего… так, святая мысль пробежала в голове моей:

«В великом храме ожидает тебя Аммон-ра; Маут родила тебя, Замун покорится тебе, ты новый *сын Аммона,* ты новый *Харрк!* ...

Клянись мне, Александр, идти на поклонение к Аммону.»

— Это я сделаю и без клятвы, отвечал Александр.

— Ум Александра поразил Нектанета.

— Послушай, госпожа моя душевная, —сказал он Олимпии, —Александра учить более нечему, Аммон-ра вложил в него много воли своей, чело его возвышенно, и очи близки друг к другу, пора опоясать его мечем.

* Эти слова не понятны; но если я догадываюсь, они значат следующее: *Аммон-ра* — название Бога на священном языке, или языке Азов; Маут—мать (святая), другое название Маут есть Thamoun — Дэма, похоже что жена Аммона, femme-и Дэма—в другом смысле *земе*—земля—семя. *Сын Аммона*—Атепозт, или Аменофис. — Харрк — Hertel — Геркулес.

И по совету Нектанета Олимпия написала к Филиппу письмо, в коем изъяснила, что Александру наступило уже 16 лет, что он уже полон, и ума, и разума, и что в отсутствии отца он может править Государством.

«Посмотрим.» сказал Филипп, получив письмо. И дал Указ сыну прибыть к Византии, со всем войском, которое оставалось в Македонии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

Жалко, жалко было мне расстаться с Фессалиной! но я должен был отправиться в след за Александром. Фессалина... это такое было существо! ... моя воспитанница! ... Смотрите на нее... что вам более нравится в ней: блистающие ли глаза её, как стрелы божьи, или взор, падающий на вас лучом утра? ... нежность ли лица её, или улыбка внимания? ... рассыпанные по плечам локоны, или вздох волнующий грудь её? ... стан, очерченный блестящим шелком и охраняемый от взоров Финикийским пурпуром, или вся она, вся! ... весь этот призрак, этот метеор, посланный небом осветить вату грустную жизнь верой в красоту существ будущей жизни?

Радуйся всякий, кто видит ее! Владеть ею будет только один… владеть ею—быть мучеником мысли: вот, вот рушится счастье!

Но не думайте, что это существо — просто Ангел, существо святое, безгрешное, перед которым вам не оставалось бы ничего больше делать, кроме преклонений…
нет, она женщина, она своенравна, она вспыльчива, она иногда даже мстительна; её своенравию вы радуетесь, её вспыльчивость оживляет ваши чувства; а мстит она за несправедливость двумя крупными слезниками — только двумя! но кто допустит, чтоб эти две слезинки упали на землю?
Прощай же мой ласковый призрак! будь тебе небо вечным

подножием! Конь брата твоего стоит уже у крыльца, бьет золотыми подковами по шелковому ковру, грызет серебряную узду, вскидывает гриву, озирается грозно. Александр прощается с матерью, — три полка Македонской дружины, развернув знамена, двинулись уже за город, толпы народа идут за ними. —Песельники поют войсковую песню, звук серебряных рогов отзывается в окрестностях; но голос разлуки слышнее песен и рогов, сердце стучит громче бубна.

ГЛАВА II.

Не желая быть свидетелем горестных прощаний, и, чтоб рассеять грусть свою, я отправился в храм Аммона. Храм был заперт, но я объявил, что мне нужно видеть Аммона. Жрецы не внимали словам моим.

— Слово и дело! — вскричал я.

Это подействовало; медные врата отперли, я вошел.

— Аммон-ра, скажи мне, пожалуй, какая разница между древним человеком и новым?

— Право не знаю, отвечал Аммон; и что тебе за охота делать такие глупые вопросы, как будто не о чем более гадать!

— Да о чем же гадать?

— Как о чем? спроси: любит ли тебя та, которую ты любить?

— Мне кажется вернее будет, если я спрошу у неё самой.

— Конечно… да… правда! ... ну спроси: где искать тебе счастия?

— Вот прекрасный вопрос! это все равно, что спросить: где искать мне свои мечты!

— Как будто счастие есть мечта?

— Исполнение желаний не мечта, а счастие мечта.

— Который тебе год?

— Если из золотого круга жизни вычесть 4745/75, то узнаешь число лет моих.

— Задача! Не хочешь ли ко мне в жрецы?

—Нельзя мне, я служу у Феба,
—А сколько жалованья в год?
—Без жалованья. —
— Вот расчет,
—Служить из славы!
— Вот расчет,
Служить и век служить из хлеба! —

— Однакож мне время отправиться; прощай Аммон-ра!

— Постои! посмотри, каков мой цирк?

— Славный, богатый, золота не оберешься, истуканам нет счету!

— Взойди на эту лесенку; на полатях есть штучка!

— Э! да это Орган?

— Да Хорган *.

— Можно пустить?

— Пожалуй, только не пускай роковой трубы.

— От чего-же?

— Я ее иногда надуваю, и то легонько, когда мне нужно посердиться на кого-нибудь; а пустить как должно—беда! ураганом прокатится голос её, потрясутся стены, падут своды.

—Однако же, прощай, Аммон-ра!

— Ну, до свидания — отвечал Аммон-ра, не двигаясь с места.

* Вероятно от Horg — храм — хорам оттуда— хор, хоры.

Не обращая внимания на поклоны жрецов, которые стояли у входа храма, я прокатился шаром по степи, валом по морю, и догнал Александра у села *Кринцы Филипповы*, на берегу Эгейского моря, против острова Фаза.

Я не считаю за нужное описывать наружность Александра; но кто не читал Европейских писателей, которые говорят, что он был возраста среднего, статен, плотен, силен, румян, белокур, курчав, нос имел орлиный, один глаз черный, другой серый....

И кто не читал восточных писателей, которые говорят, что он были возраста среднего, худощав, имел уши большие, один глаз черный, другой голубой....

Для тех я могу повторить справедливость этих показаний. Александр в Европе действительно был плотен, а в Азии. похудел; однако же нельзя не заметить, что Европейцы слишком изогнули его нос, чтоб сделать орлиным, а Азиатцы чересчур вытянули ему уши, чтоб удобнее вывести его происхождение из Азин.

Александр молодцем ехал перед полками своими; стальной шлем его как зеркало отражал свет дня; сверх перепоясанного кафтана, надета была кольчуг. Все вооружение его состояло в мече; «копье и стрелы, оружие простого воина,» говорил он.

На него нельзя было не любоваться; нельзя было не любоваться и на три полка всадников, следовавших за ним и составлявших около 10 тысячь человек. Полк Бессов, из Загорья, весь как будто шерстью оброс, весь в овчине: — издали можно было подумать, что стадо козлов едет на табуне ослов. Полк из Белогорья, перенявший рыцарскую одежду у соседей своих Дарданов, нарядился в деревянные шишаки, украшенные петушьими перьями, и в кожаные

латы, с нашивной чешуёй из конских копыт; у каждого пика чуть-чуть не, до, неба, а в левой руке щит как бубен. Долгополый Влашский полк, в серых армяках, с высокими стоячими черными мерлушковыми шапками.

Не доставало только Мазурского полка из-под *Белых гор;* он должен был присоединиться в Криницах.

Прибыв в Кринцы, Александр был уведомлен, что Мазуры взбунтовались и не хотят давать полка. Он не долго рассуждал, что ему предпринять: как туча хлынул ливнем на Мазуров, разгромил их без пощады, и принудил бежать в горы. Станицу их назвал Александрией, населил Македонцами и отправился к Византии.

Но Филиппу не нужна была Византия; ему только хотелось, чтоб корабли его прошли чрез Босфор в Черное море, ему нужно было добраться до Торова острова, который славился богатством Азского города Херрона, куда стекались купцы со всех частей света, менять золото на роскошные меха Севера.

Этот остров иначе не назывался, как Божьим. Херран-ей, Азар-ей, Торр-ей,

«Город Херран лежал на Южном мысе при заливе *Годалимен,* или *Годан***,** где при устье был храм *Тора. Херрон* назвался также *Актором.*

Ниже города был затвор, который называли, Кимволон, потому что там на башне был огромный Кимвал, т.е. колокол, сзывавший народ на печальное поклонение гробу Адона. На оконечности мыса стоял высокий столб с медным изображением овна, лика Торова.

Это был *Маяк***,** —по Азски *Фир,* по Греческий *Фарос,* это был

знак торгового места, и изобретен *Фанами,* или Финикиянами. Куда ни приезжали они с товарами, всегда во время дня, выставляли красный флаг, а ночью *Фарос,* который и прозвали также Фанар, как означавший присутствие Фанов.

За этим островом есть еще море, которое называют Азы *Фемарад* или Дэмаринда, т. е. (море) пристань Богини; Сирийские народы называют *За-Бахр,* или Аза-Бахр, что значит также море Азов или Божье; а Пеласги. называли *Аза-Ваджж* или Сив-Важ—вода божья.

Пролив из Азовского моря в Черное называли Торовым, а потом Эвановым.»

Все это рассказывал мне один из находившихся при Александре, родом из Фанов.

Таким образом, Филипп, желая овладеть Херсоном, не мог достигнуть до него иначе, как на кораблях; ибо поход чрез степи Скифии был не по деньгам; но и на кораблях предстояло огромное затруднение. Византийцы, желая одни пользоваться торговлей со Скифами, пропускали чрез Босфор Фракийский только купеческие корабли, и то за огромную плату; да еще с каждого корабля должно было платить в храм *Naff-thun* который был на левом берегу Босфора, в самом устье Черного моря. Чрез Босфор протянуты были железные цепи.

Филипп, осадив Византию; со стороны земли и моря, требовал, чтоб пропустили корабли его в Черное море, и грозил в противном случае сдвинуть весь город, со всем, что в нем есть, в море.

Византийцы не убоялись угроз и осады; но флот Филиппов прервал совершенно торговлю и сношение Архипелага с Черным морем. Нарушаемые выгоды принудили, ли бы их согласиться на

требование Филиппа; но, к неудовольствию Филиппа, Афиняне прислали на помощь Византийцам 120 кораблей—и сверх того, со стороны Азии, угрожали ему Персы.

Филипп потребовал помощи у Атея, Царя Скифского, предлагая ему в замен искреннюю дружбу; но Атей был настоящий Атей—ничему не верил, не хотел знать Филиппа.

Вспылил Филипп, разгорелся от досады, двинулся черной тучею к Дунаю, понес грозу на Атея.

Но в степях Скифских лежал огромный камень преткновения для всемирных победителей:

Дарий Гюштасп ходил, ходил, кружил, кружил, по степям, чуть-чуть не утонул в мраке Киммерийском; Филипп ходил, ходил, кружил, кружил, по малой Скифии, напал на какую-то *Одаю,* в которой жили Чабаны, забрал стадо овец, и, воротился, охромев от раны, полученной при возвратном переходе чрез *Гемос.*

Александр также пустился было, за Дунай, но успел только разорить *Кишло*, в котором ничего не нашёл, кроме *кочковалу*, *мамалыги* да *брынзы*—далее не желал он пытать счастие—воротился.

Предав все походы в Скифию забвению, отправился я за Филиппом в Грецию, наказать Афинян за присланную помощь Византии.

Между тем как Филипп бушевал близь Дуная, Демосфен длинными речами взбунтовал против него всю Грецию, и только что не вложил меч в руки колыбельных младенцев.

Филипп прошел уже Фессалию и землю Локрийскую, спускался к потоку Цефизе, вдруг Греки внезапно грянули на него с

противного берега. Погибла бы его слава и честь при Херронее, если б Александр не успел прибыть на помощь к отцу, с своим арьергардом. — Священный Фивский полк, носивший на шлемах и на щитах лик Юпитера, с надписью *Jao,* не ущитился; Греция снова сложила оружие; Демосфен, бывший также в рядах за свободу отчизны, не шел, а летел с поля битвы.

— Эллада, Эллада! восстань! сыны Эллады, мужайтесь! Слава, совьет вам венок из лучей солнечных! — взывал он, останавливаясь, чтоб вздохнуть от усталости.

Но сыны Эллады бегут в след за ним, не останавливаясь.

Идёт Демосфен с досады взывать к морю.

— О, море, море! шумное море! Я покрыл громовым голосом ревучий говор волн, твоих; но не, успел перекричать безумной толпы, устрашенной криком младенца!

— Шшш, бррррр! отвечало море, и, девятый вал сбил с ног дерзкого Демосфена, осмелившегося слишком близко подойти к подножию его.

Между тем Филипп облобызал сына за победу при Херронее, и сказал ему:

— Послушай, Александр, теперь мы соберём Сейм из Архонтов и Амфиктионов всей Греции. Все города подтвердят меня Василевсом; но этого мне мало; надо чтоб меня избрали Архистратигом всей Греции, а для этого достоинства необходимо должно быть соединенным кровными узами с Грецией… и потому… я хочу заключить политический брак... хочу жениться на Гречанке....

— Ну-с....

— Только… как ты. думаешь? ... Я уверен, что мои политические меры не рассердят ни Олимпию, ни тебя.... Олимпия останется всегда Василиссой по праву первенства, а Гречанка будет моею походной женой...

— Это очень хорошо обдумано вами; но не совсем.

— Как?

— Вы хотите жениться на Греции; но чтоб жениться, на Греции, должно жениться на всех её Республиках, —из каждого города взять по жене; ибо Афинянка родит вам наследника только для Афин....

— Ты сердишься, Александр, и воображаешь, что моя женитьба лишит тебя наследия Греции? ...

— Ни мало. Вам по наследству досталась Греция?

— Нет, я приобрел ее силою оружия.

— И я могу приобрести ее таким же образом.

— О, ты мой, мой кровный сын! Мой Александр, и по душе и по сердцу! —вскричал Филипп с восторгом.

— Очень благодарен за подтверждение меня в этом звании, однако же вы позволяете сомневаться в этом некоторым из приближенных к вам.

— Как! кто: бы, осмелился!..

— Время откроет. Позвольте мне удалиться теперь к матери моей.

— Поезжай, Александр, к Олимпии, объяви ей намерение мое; но приезжай ко мне на свадьбу в Могиляны ***;** туда приеду

* В последствии Греки прозвали этот город Эгасом и Эдессой, В нем погребались Македонские Цари.

я после Сейма в Коринфе.

Александр поклонился и вышел из шатра Филиппова; он, вероятно, не знал, что отец его не в первый уже раз совершает политические браки, только не торжественно и не гласно: в Иллирии он женился, на Иллирианке, в нижней Сакии, на Дарданянке; во Фракии, на прекрасной Иоанице. Деньги, союзы брачные и железо, были тремя орудиями его побед.

ГЛАВА III.

После совещания, Александр отправился в Пеллу, Филипп в Коринф, и я также — мне хотелось взглянуть на этот город, основанный *Азами;* по дороге, я заехал в Фивы; сопутствовавший мне Антикварий, из свиты Филиппа, рассказывал чудеса про первые исторические времена; мы подъехали к наружному валу города… и меня поразила *Кадмея,* или крепость на горе, вокруг которой расстилались по скату Фивы; ряды стрельниц возвышались над крутизной; с левой стороны воздымался *фанар* с развевающимся знаменем.

—Вот, — говорил мой спутник, когда мы| проезжали первую ограду, — на лево храм *Гиммала***,** ныне *Зиоса,* против него храм *Афины*…. Посреди крепости… видишь медную кровлю и две башни по сторонам? это храм Аммона... Когда Годамены пришли сюда, из Египта, они, построили этот храм, в честь Аммона Азарикского, и самый город Фивы: назвали в честь Фив, Азтиода. Можно вообразить себе, как я, дивился словам Антиквария; он рассказывал мне вещи совершенно не согласные с Историей; я однако же молчал и слушал внимательно.

— Для чего же мы не едем через крепость? спросил я.

— Нельзя; только по праздникам отворяются для всех врата её; мы поедем теперь на торговую площадь, где и остановимся в гостинце Огизийской; содержатель мне знаком, и угостит нас прекрасным блюдом: печеным луком, начиненным сушеной рыбой, фисташками и перцем, в меду… бесподобно!

— Нет, не бесподобно, думал я: гораздо бы лучше было выпить с

дороги стакан чаю!

Между толпами народа, который, встретив Филиппа и проводив его, в дом Пиндара, глазел еще на проезжающую свиту, мы пробрались на торговую площадь; посреди площади возвышалась огромная статуя.

— Это чей памятник? — спросил я.

— Меркурия, покровителя торговли, на древнем языке Маркторa, т. е. Тора, бога торгового. Издревле ведется обычай строить на *торжище* храм Тору; покровительствующему торговле, или ставить его лик; да и самое слово *торг*—происходит от Тора.

— Ну, сказал я, господин мой, ты, я вижу, Этимолог, и все твои изыскания основываешь на одной Этимологии!

— Звук и идея звука—вот мой ключь к изысканиям; по наружности преданий не откроешь истины; должно открыть дух преданий, ибо узел тайны есть слово, облеченное мыслию.

Чтоб отделаться от Г. Изыскателя, я задал ему вопрос:

— Скажи мне, господин мой, спали ли первые люди?

— Разумеется, спали, это не стоит исследования.

— А мне кажется, что не спали; ибо сон есть образ смерти, а смерть есть дочь греха; Следовательно, до прегрешения человек не мог спать.

— Ах! вот задача! — вскричал мой Антикварий. —Это должно исследовать.

— Исследуй пожалуйста; а я покуда усну.

Оставив в размышлении моего спутника, я удалился в особый покой; вместо чая, я велел подать себе *фиников* и вина *ку-мирос*... винные ягоды с вином — прекрасно!

Поел, лег спать, вдруг....

Как в агнца орел, сон вцепился, взлетел,
И бух меня в чьи-то объятья! ...
Я глядь на себя... я весь вспыхнул, сгорел,
На мне нет... пристойного платья!
Мне стыдно!

Но счастие часто помогает и не в таких затруднительных обстоятельствах:

Я проснулся.

— Послушай! господин мой, сказал я Антикварию, не съездить ли со мной в Элевсинский храм? там, я слышал, много тайн, а, я охотник до них.

— Тебе любопытно осмотреть храм девы, Кирии Елизийской ***.** — Там никаких тайн нет, кроме *града усопших***,** коих души покоятся в недрах блаженства; но если ты хочешь принять закон Эллинский, то святая Пифия, посредством священных звуков Арфийских, приподнимет пред тобою завесу с тайны будущей жизни. Однако же не советую никому заглядывать в пучину будущности… те, которые взглянут на рай и ад—не жильцы на этом свете.

* Дидона — Диза, или ***дева,*** называлась также Елиза — т. е. Елизийская. Слово Елисей — знач. святой, блаженный остров, рай, Eli, или Hel, или Helsa, по Азски—счастливый, блаженный; Helsa-ey — блаженный остров. — Helso-sam — блаженный—рай, от Арай или Харай — Herr-ey. ***прим. Антиквария.***

— О, если так, то благодарен,

> Мне жизнь еще, не надоела!
> Что Пифия ни покажи,
> Я не отдам за тайны Гела,
> Ни аду ледяного тела,
> Ни раю огненной души!

Таким образом, отложив поездку к Элевсинским затворницам до другого времени, я поехал в Коринф. За кедровой рощей открылась священная возвышенность, усеянная храмами: там в честь Юпитера-Сильного, там в честь, Юпитера-Рока, там в честь Юноны-Беллоны, или воинственной, там в честь Юноны-Венеры — т. е. достославной матери красоты и любви, там в честь Юноны-Сифии, Минервы....

Влево виднелись горы Арголиды. За ними, думал я, Аргос и Аргомены, славившиеся во время владычества, Азов своими матросами и строением кораблей с палубами.

Вот на право, *Святое озеро*,* на лево воды *Салема!*

Вот и стены Границы, или Коринфа. Народ стекается из окрестностей, смотреть на своего владыку Филиппа, который окружен уже Амфиктионами, Архонтами и всеми властями городов Греции.

Поверенные их прибыли с дружиной, с венами и дарами.

Воины каждого города стояли около своего знамени; толпы народа окружали их; по улицам суд и ряд, все толкуют о Филиппе. — Там и сям-раздается в роде Польского *непозволям.*

* Альциона.

И языки и мечи у Греков остры; да у двенадцати Драконовых городов двенадцать голов, а у двенадцати голов двенадцать умов.

А что ум, то и разум,
И не срубить этих голов разом!

сказал Оракул. Филипп слышал это, и начал рубить по одиночке, припевая:

Бот вам дракон,
Вот вам закон,
С гражданским правом!
Писан мечем,
Красным письмом,
Большим уставом!

С трудом продравшись сквозь толпу, я заехал в гостиницу под вывеской *баранья нога,* и спросил себе обедать.

—Как прикажете, господин, изготовить барана? целиком, или по частям? —спросил меня хозяин с засученными рукавами до плеч.

— Нет мой благодетель, я удовольствуюсь и ногой бараньей, вроде той, которая висит у тебя на шесте, над домом.

— Для меня все равно: и баран, и баранья нога, в одной цене,

— Как?

— Да так; баран не человек: не отнимешь ноги, не перерезав горла; он не пойдет на деревяшке в стадо, ждать покупщика другой его части.

— О, —думал я, это притеснение! —Что ж мне делать с целым жареным бараном?

— Скушать на здоровье, господин, или угостить прохожих.

— Доброе дело! жарь целого барана!

— А вина какого прикажешь, господин?

— Какое есть, кроме Коринфского.

— В Коринфе, требовать иного вина кроме Коринфского? ... вот странная вещь!

— Чтож тут странного? мне по Истории известно, что Коринфское вино есть самое худшее из всех вин Греции.

— Вот клевета! Ну, знаю я, что эти слухи распустили мошенники винные откупщики, чтоб города, сбираясь в Коринф на сейм, запасались их паленым вином. Ах, они суслики! Нет, господин, доброе вино и без похвалы пьется; а у нас самотёчное, сам отведаешь.

С этими словами хозяин вышел, и чрез несколько минут принес на огромном медном блюде жареного ягненка, и в Этрусском кувшине вина.

— Егэ! какие у вас маленькие бараны! ...

— Такова порода, самая вкусная.

— И без рог, точно ягненок.

— Ягненок! да в Коринфе ягненка за весь талант не сыщешь! Из гор гоняют к нам стада откормленных, взрослых баранов для бойни, а ягненку добежать ли такую даль? ...

— Ээ! думал я, ты, друг, верно происходишь от Гебров! — Ну, дай-ко попробовать вина.

— Кало Краси! славное вино! —повторял хозяин, наливая в **чашу.**

Я отведал — и сморщился как сморчок.

— Кало Краси! Повторял хозяин.

— Пьфу! да это просто кислое вино!

— Кислое? — а какое ж вино бывает иначе? — это кислота природная, а не поддельная, не то что сладость в Кипрском, или в Самарийском с другого берет. Нет, у нас не мешают вина с соком из плодов, и не варят его!

— Хоть бы на рыбью шелуху в нем крепости!

— Крепости? полно, господин! то крепкое вино, которое укрепляет человека, а не то, которое расслабляет его так, что он на ногах стоять не может.

— Ты, я вижу, великий плут, приятель! —сказал я засмеявшись.

— Послушай, господин, ты не шути священным именем! Вот, вздумал меня называть богом Елисейских блаженных полей! Изволь, господин мой, заплатить за барана и за горшок вина, десять Афинских драконикoв.

— Что за драконики я ни понимаю.

— Ну, драхмы, по-вашему. Давай! а не то пойдем в Судейскую!

Чтоб отделаться от этого жида, я достал из кармана бумажник и бросил ему на стол белую ассигнацию.

— Это что за хартия? письмо? от кого?

— Это деньги.

—Деньги я вижу ты издеваешься надо мной! пойдем в Судейскую! пойдем, господин мой. Эй! помогите мне этого человека отвести к судье! Это какой-то неверный, соглядатай!

На крик его вбежала толпа народа; я оторопел. Меня повели на площадь к народной Судье.

Мне стоило бы только помыслить, чтоб вырваться из рук моих

насильников, но я хотел посмотреть, что из этого будет.

— Что сия суть? —спросил Судья, окинув важно толпу, и поправляя на плече свою зеленую тривуну.

— Да вот, — сказал хозяин, — вот человек, который ругается богами, и не плотит за жареного барана и за вино.

— Кто ты есть? —спросил Судья обратясь ко мне.

— Я есмь муж, — отвечал я.

— Имя?

— Скандер.

— Откуда?

— Из Скифии, путешественник.

— Вот, изволь посмотреть, господин Судья, какой папирус дал он мне, вместо денег… какую-то Финикийскую торговую метку.

Судья взял ассигнацию; стал рассматривать.

— Какая Финикийская! ... тут Греческая печать с изображением двуглавого Юпитера! ... только слова непонятны ... Ба, ба, ба! да это священные письмена! тут и священные цифры Египетские! ... и знаки светлые! ... Простите, господин великий, что вас потревожили невежды; позвольте проводить вас в Прорицалище: оно только разрешит недоумение наше, что делать нам с такою огромною особою, как вы?

Судья поклонился мне и почтительно просил следовать вперед. Мы отправились на гору, в храм *Венеры Мелании,* или прощающей. Двери храма были отперты; мы приподняли занавес, находившуюся перед дверьми, и вошли как под покров ночи. Но в глубине мрака раздавались тихие звуки музыки.

— Кто сей пришелец? вопросил Судья.

Из глубины храма пробежал луч, озарил нас. Мы стояли пред священным треножником.

— Приветствую тебя! раздался женский голос; приветствую искателя кладов Полимнии! Ты посетил обители болванов и истуканов, ты знаешь откуда истекают Лета и лета; ты знаешь

Пара, Пера, Пира, Пора и Пура....
Ты знаешь
Сара, Сера, Сира, Сора и Сура....
Ты знаешь
Тара, Тера, Тира, Тора и Тура....

— У тебя в распоряжении семьдесят три прошедших столетия, ты можешь обращать быль в небылицу, и небылицу в быль, можешь создавать и разрушать, можешь и очернить, и осветить память героев, можешь даже навести тень сомнения на девственную чистоту мою! ...

И Пифия горько заплакала. Мне стало жаль Пифии; заметив, что все, по словам её испугались меня, как колдуна Халдея, и выбрались потихоньку из храма, я подошёл к треножнику, обнял деву, обласкал, поцеловал, успокоил ее.

— Не бойся, не бойся Пифия, я не употреблю во зло своей власти!

Новый поцелуй вполне утишил её боязнь, и мы расстались друзьями. Она даже просила меня посетить ее еще раз до отъезда.

ГЛАВА IV.

Между тем Филипп был уже избран в Архистратиги всей Греции; за ним уже несли знамена всех союзных городов, и народ кричал: ура! Городской магистрат хотел от имени всей Греции угостить его; но Филипп, не ожидая пира, отправился; я за ним— и приехали мы в город, где назначена была его свадьба, и которого имени не припомнит и сама История.

Никто еще не знал, кого избирает Филипп в супруги себе, как Архистратигу Греции; но нужно было только взглянуть на праздничное лицо Стратига Аттала, чтоб догадаться, в чем состоит дело. А дело состояло в том, что Клеопатра, низенькое, кругленькое создание, одарено было от природы очами, которые по *Офсальмографии* принадлежали к первому разряду очей, называемому Евреями ganz fein и у которых на каждом шагу есть *Офсальмозулос.* Это-то низенькое создание, которого все части принадлежали не к Планиметрии, а к Сфереометрии, сделало и Филиппа своим Офсальмозулосом. Клеопатра была, по сказанию одних, сестрой Аттала, а по сказанию других, племянницею; которое из этих сказаний вернее, мы не будем исследовать.

Филипп приехал в город, где она обитала, и пиры загорелись.

Не буду описывать Филиппа-жениха; на лице его разлился пурпур от радости, и весь он облекся в пурпур и злато. Он был крив, он был хром, но все недостатки исчезли в блеске.

* *Οφσαλμοδωλος*——Servus qui inspectante hero se gravum praestat.

Обряд был совершён торжественно. А торжество описывать глупо; ибо каждый читатель может представить себе прекрасный день, с горячим солнцем, стадо быков и овнов, увенчанных цветами и ведомых на жертву, толпы народа, блеск одежды, говор и іум, растерянные глаза, вместо шествия— поездку, —ибо Филипп не хотел хромать всенародно, —и наконец все, что только нужно для пышности, для важности, для ослепления, для удивления, словом, для людской причуды; ибо без её ходуль нельзя обойтиться ни уму, ни глупости; на ходулях ум и глупость ходят друг к другу в гости.

Приехал и Александр на свадьбу к отцу; но не много мрачен.

Когда Филипп и Клеопатра, *водимые* возвратились в палаты, горожане поднесли им на подносе, *прянишный город* хитро испеченный, со всеми принадлежностями: в храмине, покрытой сусальным золотом, сидели на престоле молодые; вокруг молодых, весь причет; на дворе колесница четырёхконная, коровы, овцы, павлин, петух и куры, —все так хорошо, что жаль было бы съесть.

Сели за стол. Пир шел добрым порядком, и кончился бы добром; но Аттал, брат и дядя Клеопатры, опьянел от вина и от радости, забылся, поднял чашу на голову и произнёс:

— Да помолятся Македоняне богам, о даровании Филиппу законного наследника от нового брака!

Разнеженный Филипп поцеловал в чело Клеопатру, сидевшую подле него на пуховом постланце; но Александр грозно вскинул очи на Аттала, и—хлоп его золотым стаканом, полным вина, прямо в лицо.

— Пей, собака, за здоровье законного сына! беззаконный тебе подносит! — произнес он, поднявшись с места и выходя вон.

От меткого удара, в Аттале вспенилось все выпитое им вино, и

пена выступила из уст.

Дерзкий Аттал также схватился за стакан; но меч Александра разнес бы Аттала на двое, как в последствии Гордиев узел, метафору Азии, если б его не удержали.

Клеопатра вскрикнула, упала в обморок; Филипп хотел встать на ногу, но и здоровая нога ему изменила: он повалился снопом на Клеопатру. Все пришло в смятение: шум, вопль и брань по всей светлице.

Александр, отбросив от себя всех удерживающих справедливый его гнев, вышел вон истинной грозой мира; ибо в это время потряслась земля и просыпалось несколько звезд с неба.

Чтоб удалить Аттала от мщения Александра, Филипп отправил его Пармениону, начальствовавшему флотом, готовым вызвать на бой Персию.

Но с этого времени началась вражда у Филиппа с Олимпиею, которая уехала с сыном и дочерью из Македонии к брату своему Александру Царю Эпирскому.

Я поехал с ними, и был свидетелем, как хитрая Олимпия, желая овладеть вполне братом своим, для восстановления его против Филиппа, старалась влюбить его в Фессалину, и даже сама предложила ему жениться на ней.

Не любить такое существо, как Фессалина, значило бы, не любить творца в красоте его творения.

Дядя без памяти влюбился в племянницу; но это-то и разрушило замысел Олимпии, ибо Фессалина, ненавидя своего дядю в виде своего обожателя, и не зная, как отделаться от его преследований, воспользовалась Кроновым законом, по которому дочь, без воли

отца и матери, не имела права выходить замуж, —и сказала ему, что без воли Филиппа она его любить не может.

Что было делать Царю Эпирскому? —восстать на Филиппа, по требованию сестры, значило восстать против собственного сердца.... Это невозможно; притом же Фессалина сказала, что она папеньку любит.

Он думал, думал, каким бы образом сделать, чтоб и волк был сыт и овца цела, — и придумал.

— Послушай, сестра моя почтенная, сказал он Олимпии, — чтоб объявить войну Филиппу, мне необходима какая-нибудь причина....

— Так тебе мало причины, что сестра твоя презрена, оклеветана, и твой племянник назван незаконным сыном возразила Олимпия.

— Оно так, но объявить за это войну, значит подвергать тебя и Александра общему позору… хорошо ли это? ... однако же я придумал причину, я вот что сделаю: ты знаешь, что «по голосу узнается песня» —я пошлю к нему посла требовать руки Фессалины; требовать, а не просить… понимаешь? ... Гордость Филиппа не вынесет этого, я получу вернейший отказ, и тогда с Богом, за оружие!

— Не худо придумано — сказала Олимпия; я согласна на это, но с тем, чтоб войска твои между тем собирались и готовились к войне.

Без сомнения, без сомнения! я расположу даже их по границе, чтоб внезапно, неожиданно напасть на Македонию! — сказал Александр Эпирский, выходя от Олимпии.

Немедленно же отправил он посла к Филиппу, испрашивая у него согласия на брак свой с Фессалиною.

Филипп, имевший причину думать, что Олимпия восстановит против него своего брата, опасался войны с Эпиром; война могла расстроить все успехи его, и остановить поход в Персию; он готов уже был искать всех средств к предупреждению этой войны, как вдруг явился посол из Эпира.

— Только счастие творит подобные вещи! вскричал Филипп, прочитав послание своего шурина.

Немедленно же он отвечал ему:

«В Могилянах назначил я собраться властям всей Греции и подвластных мне народов, для совещания о походе в Персию; туда же ожидаю и тебя с невестой, ожидаю Олимпию и Александра.»

Всякий может вообразить, как поражены были этим ответом Олимпия, Фессалина, и даже я; только Александр Эпирский не мог скрыть своей радости.

— Что это значит? —вскричала, Олимпия—ты рад этому? ты рад новым сетям, которые Филипп всем нам расставляет!

— Помилуй, сестра, еще бы я не радовался, что это так кончилось; не сама ли ты видишь из письма Филиппа, что под знамена его со всех сторон стекаются воины; а у нас поход в Персию и в соображение не входил. Филиппу стоит только поворотить все силы на меня; что-ж бы сделала толпа Эпиротов в подобном случае? Предоставь все мне и времени. Когда Филипп, уверенный в безопасности своего царства, отправится за море, в Персию, тогда можно будет предпринять что угодно… а теперь… пусть Филипп даже считает меня правою своей рукой....

— Правою рукой, которою он будет сморкать себе нос! —

вскричала озлобленная Олимпия.

Это не помешало брату её делать сборы к свадьбе, а Фессалине исполнить волю отца.

Олимпия не поехала на свадьбу, я также не поехал: мне горьки были слезы Фессалины; притом же, зная ожидавшую судьбу Филиппа, я не хотел быть свидетелем его конца. Познакомясь короче с волхвом Нектанетом, я хотел воспользоваться его рассказами про древние события.

Он говорил, что Ель-Маг имел трех внуков, что эти три внука были трех различных мнений на счет изображения Творца***:*** *—Шам* говорил, что должно изображать его *Тайной произраждающей; Сем* говорил, что должно изображать подобием человеческим; а Jao говорил, что должно изображать яйцом, или кругом, как изображением произрождения и беспредельности.

Различные мнения разделили сыновей Ель-Мат, и они поселились в разных частях света.

Подобные вещи, извлечённые из книг Трисмегиста, рассказывал мне волхв***;*** эти басни были довольно любопытны, и тем более нравились мне, что в них не было излишней аллегории.

В продолжении двух недель, Нектанет расказал мне тьму вещей, в роде «l'antiquite embrouillee» Монфокона, и прочих ученых толкователей древности.

Как вдруг Олимпия получила страшное известие, что Филипп убит своим пажом Павзанием. Притворно или нет, только она вскрикнула и без памяти покатилась на пол. В кратких словах гонец рассказывал событие:

«Когда обед свадебный уже кончился, и с наступлением ночи повезли торжественно лики богов на сцену Феатра, где Неоптолем, громогласный певец *Трагузии,* или деяний божиих, готов был, между прочем, по наставлению Филиппа, предсказать победы над Персами, сам Филипп, облаченный в сребротканую одежду, шел за гостями своими, сопровождаемый только пажом Павзанием; дорога в Феатр из Двора Царского шла чрез сад.... Еще не успели все подняться на крыльцо, как вдруг раздался назади стон, — Филипп лежал уже на земле, окровавленный, с кинжалом в боку!

Его понесли в палаты, а за Павзанием, который исчез, и на которого падало подозрение, послали погоню. Вскоре его и поймали, но Пердикк, не дав ему произнести слова в оправдание, поразил мечем своим.»

— О, нет, это не Павзаний, не Павзаний убил его! —вскричала Олимпия—Греки.... Аттал.... Клеопатра убили его! —своего щенка Корана хочет она назвать наследником Филиппа? ... нет! ... у него есть наследник Александр! ...

— Мщение! Кровь за кровь...коней! ... в Могиляны! ...

— Гони! повторяла она на каждом шагу *каруцарю* — Гони! покуда враги не провозгласили царем щенка Корана! — и кони, мчавшие колесницу её, перегнали коней Фебовых.

На другой день она была уже в Могилянах.

— Где Александр, Царь Македонии и Греции? вскричала она к толпе народа, подъехав к крыльцу.

Но эти слова были уже опоздавшее провозглашение Александра наследником Филиппа.

Смерть отца, событие возмутившее Пир, готово было возмутить и царство; но Александр собрал войско на площади города, бросил щит свой на землю, встал на него, и произнес громким голосом:

— Филипп умер! но власть его не умерла, покуда в руке его сына железный скипетр с острым лезвием!

— Ура! да здравствует Царь Александр! воскликнуло войско и народ, и подняв его на щите, понесли по городу, провозглашая наследником власти Филипповой.

— Я помяну Филиппа! повторяет Олимпия, сзывая гостей на тризну.

Столы браные поставлены вокруг могилы. Олимпия усаживает гостей; Клеопатру и всю родню Аттала в первые места.... Им первым подносят на золотом блюде мясо, осыпанное пшеном сарацинским.

— Вкусно ли мясо, Клеопатра? говорит Олимпия — и очи её разгораются, щеки пылают. —Вкусно ли мясо? ешь, Клеопатра, помяни Филиппа сладким куском! ...

Клеопатра молчит—но и её очи горят и щеки пылают.

Разносят вино. Клеопатре на особом подносе—золотой бокал. Она берет его.

— Пей, Клеопатра, испей во здравие наследника Филиппова! говорит Олимпия.

Клеопатра, трепеща, подносит бокал к устам и прикасается к нему устами, но не может пить: уста её, как окровавленные, дрожат, ей тошно.

— Тебе не нравится мое угощенье, Клеопатра! —говорит Олимпия страшным голосом. —Ты верно не любить родной крови? ты любишь только чужую кровь! ...

Бокал выпал из рук Клеопатры, румяный пенистый напиток

хлынул на стол, брызги окропили всех....

— Кровь! — вскричали все с ужасом.

— Ты, злодейка, ты пролила кровь своего сына, Клеопатра! Возьмите ее! возьмите и этих великих Киров!

Стража окружила Клеопатру и всю родню Аттала, и увлекла.

— Ты отмщён, Филипп! вскричала Олимпия, поднимая бокал и выпивая его.

Ужас окаменил всех присутствующих. Только Александр взглянув с упреком на мать, вышел из-за стола, и удалился от могилы в ряды воинов; знамена полков преклонились пред ним.

ГЛАВАV.

О, Александр, ты был не человеком,
Ты воплощенной был судьбой!
Чернь, как рабыня шла за веком,
А век, как раб, шел за тобой!

Да, Александр был не человеком: он был *волей,* все остальное было покорностью.

Представьте себе величественного юношу в Албанской одежде, в золотой броне, сверх снежной рубашки, по которой стелются ремни пояса, обложенные золотой чешуёй... накиньте на него Финикийскую багряницу, и увенчайте короной! ... Это будет только очерк пред его изображением.

Греция готова была уже склониться пред ним; и Демосфен, узнав о смерти Филиппа, обратился снова от обыкновенного моря к морю народному, в Фивы; пришел на площадь трибуны, по выражению Эсхина, «теми же самыми ногами, которыми бежал с сражения при Херронее,» забросал всех звучными словами, преисполненными *ситы, сигмы* и *омикрона,* взбурлил умы, и, Греция хотела замахнуться на Александра; но он одним ударом отбил ей руки как истукану. Взглянув с горестию на осколки меча своего и на раздробленный щит близь развалин Фивских, Греция разошлась снова по рынкам, лицеям, академиям и вообще по садам своим, учиться мудрости, сбирать виноград и делать любимое вино *Кумирос.*

Разгромив Фивы, так что на золотых кумирах пот выступил градом

и воды озера *Дирки*. обратились в кровь, упрекнув столетнего дурака Диогена, что он слишком широко живет, и что для помещения его достаточно бы было бочонка, —Александр объявил войну Персии. Это было торжеством для Нектанета и Греков; давно жаждали они мщения за насилие Ххудаманов и Охов; даже Демосфен, выпив вина Ку-мирос из золотой чаши, присланной ему Александром в подарок, запел песню на Македонский лад.

Все народы, подвластные Александру, стеклись к нему под предводительством Царей своих.

Здесь и я, подобно *Мэльзигену,* воскликнул бы:

«Воспой о богиня гнев Александра Филиппова сына!»

Но это не в духе времени. Тридцать пять тысячь войска и штаб, состоящий из Царей и Философов! —какая слава!

Не упоминая о Стратигах Птоломее, Аристовуле, Парменионе, Антипатере и прочих....

Не упоминая о Вельможах Эффестионе, Кратине и Еригии, я опишу главных лиц, составлявших штаб Александра. Начальником Исторического отделения, по части военного журнала, назначен был Евмен Кардийский, имевший способность даже проигранному сражению дать победный вид.

Ксеноклес назначен был начальником Комиссариатской Комиссии.

Бэтон и *Диогнет* — начальниками Типографических отделений, для съемки мест сражений и пути побед.

Онезикрит Егинский, стратегическим Историком военным

Архитектором, *Динократ* известный по своему предположению: иссечь из горы Атта, или Атоса лик Александра.

Пиррон Елийский, назначен был походным стихотворцем, и сверх того тут *Хорил,* говорящий стихами, и получавший жалованье: за остроту в стихах по червонцу, а за плоскость в стихах по оплеухе.

Неократ был при штабе сочинителем бюллетеней и речей.

Апеллес живописцем, *Лизипп* походным Скульптором, а *Пирготель* начальником литейного и монетного походного заведения.

Главным жрецом был *Аристандр;* он знал *Патоскопию,* таинственную науку, как по печенке жертвы предузнавать будущность.

Феатристы, или актеры были *Фессал и Афннодор.*

Всех философов и искусников, бывших при Александре, невозможно перечесть.

Ученые и переводчики, имевшие различные должности: были Ксенократ, Калистен, Анаксарх, Клеон, Гиероним, Динон, Клитарх, Марсий, Эфипп, и, тьма, тьма других, с медной *каламаре* за поясом.

Я забыл сказать, что при Александре телохранителями были кирасиры, вооруженные длинными в 24 фута копьями, называемыми *шереширами;* Греки называли этих кирасир *сариссофорами* т. е. носящими латы и копья.

Перед походом, Александр выписал из Мегары и Аристотеля, который хотя был уже женат, но не мог отказать Александру, ученику своему. Европейские Историки ни слова не говорят о том, чтоб Аристотель был в походе с Александром, но мне поверят читатели: я в свидетели приведу весь Восток, который говорит, что « при Александре *Визирем* был филайсуф *Аристу,*

сын лекаря; что с 7 лет Аристу начал изучать Грамматику, Риторику и Поэзию; что потом учился он философии у *Ифлатуна 20* лет, и удостоился быть в числе Элахиунов, т, е. Филайсуфов Богословов, и что он основал учение, называемое *Машайюн,* и сочинил сто книг о разных предметах, а книгу *Гессал ел галеб ве ель маглуб,* т. е. поведение *победившего и побежденного*— сочинил именно для Александра.

Таким образом, в стан Александра прибыл и Аристотель, и удивил всех Философов новым способом писать гусиным пером с раскепом, а не *калямом*.

Должно упомянуть, что перед начатием войны, Александр собрал военный совет, для совещаний о походе в Персию. Все согласны были с мнением Александра, начать войну без отлагательства стратиги Антипатер и Парменион, советовали Александру прежде жениться и прижить наследника царству, а потом уже начинать столь важное предприятие. Но Александр отвечал им, что он и во время похода может приобрести себе законного наследника, и что для подобной вещи нет большой необходимости сидеть на гнезде.

Кто не знает, что Александр имел долгое время отвращение от женщин? Олимпия, опасаясь, что он одержим наследственно, или от природы, Скифским недугом, тщетно испытывала его по совету Нектанета, соблазнами Каликсены: Александр был лед, но не таял от пламени объятий.

Но это сказка, обратимся к делу:

После огромного жертвенного пира, продолжавшегося 9 дней, Александр, поручив правление Царства Антипатеру, двинулся с

войском к Геллеспонту. Покуда войско садилось на суда, он с 50 ладьями, переплыл *Святой проток,* против Трояды, и первый, вступив на землю Илиона, вонзил копье в тело Азии.

И вот, раскрылась книга Азии
Грядою яхонтовых стен....

О Zevs! вскричал Аристотель.

Я двадцать лет сидел в Гимназии,
Но не видал таких писмен!
Так! это колыбель святая!
В ней возлелеян человек!
Вот долы — грань святого рая,
Вот горы, где пристал ковчег! ...

И Аристотель облобызал землю.

Прибыв к храму Афинеи Троянской, Александр совершил жертвоприношение и поменялся с Минервой оружием: снял с нее панцирь, шишак золотой с изображением *Сифии* премудрости, щит с изображением и описанием дел Ареевых, и, отправился вперед.

Между тем Персы торопились на встречу к нему. Близь города Адраста, они приветствовали его стрелами на которых было написано золотыми буквами: *просите пощады!* — но Александр....

О, он дивный человек! вопреки стратегических правил, он перешел чрез реку *Границу,* и оставил ее у себя в тылу. Он говорил: «когда человек окружен со всех сторон бедою, то ищет спасения только в победе и в славной смерти!»

По давнему Греческому обычаю помножать число

неприятельских войск на 10, и по Персидскому своих собственных чуть-чуть не на целый *Гезар,* — Трог Помпей пишет, что Персов, посланных Дарием на встречу Александру, было 600 тысячь.

Александр не считал их, и разбил в прах 10 тысячь всадников и 100 тысячь пехоты, встретивших его; 12 тысячь положил на месте, *20* тысячь взял в плен; сам же лишился только 9 человек пехоты и 120 всадников. Великий человек, подобный Александру, не может и не должен нести больше этой потери.

Пять сот тысячь устрашённых Персов бежали чрез Лидию и Фригию, преследуемые ужасом и Александром.

Довольный собою и раздольем Азии, Александр ехал вперед да вперед; за ним толпа стратигов и полк, вооруженный шереширами.

Войско шло припеваючи; философов везли в обозе, как умственный провиант; я ехал подле Александра.

— Каково? — спросил он меня после победы пр и Границе.

— Толи еще будет! — отвечал я, зная из Истории все будущие победы Александра.

Более ста золотых венцов принесли к нему уже города Азии, в знак покорности, как вдруг явились послы от Дария.

Важно, на верблюжьих носилках, подъезжали они к стану, сопровождаемые отрядом Кизилбашей.

Остановились, и два толмача объявили, чтоб Александр шел на встречу им принять *письмо милосердия* от повелителя вселенной и земного благополучия, Дария, человека Божия.

— Они могут положить письмо от земного благополучия к ногам моим! велел сказать Александр.

Господин накажет раба своего за ослушание! произнесли Послы; да не жалуется за гибель свою на нас; мы предлагали ему идти принять с покорностию письмо милосердия Падишаха....

Разостлав богатый ковер на землю, послы слезли с верблюдов, облачились в другую богатую одежду, и поставили на ковер золотой ларец, в котором заключалось письмо Дария, и на золотом же блюде ключь от ларца.

Александр велел взять ларец.

Открыли его, развернули свиток, и читали:

«Дари, Бен Дарабу, Ибн Бехман Арджир, Ибн Гюштасп.... Сер * Падишахов всей вселенной, светило земное, освещающее Искендера Хатмана разбойников, посылает ему в дань злато, десятину зерен хлебных, шарик благовоний и добрую плеть.» Действительно, в ларце, кроме письма, лежала золотая мелкая монета, несколько зерен хлебных, шарик благовоний плеть.

Александр велел отвечать следующее:

«Александр воевода Македонии, могучему Падишаху всех Падишахов, Шахов и Шейхов, Дари сыну Дараба, солнцу мира. Я иду очистить землю от поклонения болванам, и научить людей познанию единого Бога; а так как ты болван, присвояя себе величие Божье, то свергнув и тебя с подножия, я употреблю в твою же пользу присланную тобою плетку.»

Ответ положили в ларец, заперли и отнесли к послам.

Послы, воздохнув, сели на верблюжьи носилки, и отравились сопровождаемые Кизилбашами.

* Глава.

В след за послами Дария, явилось посольство от Ады, сестры Мавзолея, покойного Царя Карии, просить у Александра помощи против брата, который лишил ее престола.

Нельзя было отказать в защите обиженной женщине, особенно сестре Мавзолея, того Мавзолея, которому Артемиза построила седьмое чудо света, надгробный памятник: пять Архитекторов строили его; *Скафа* со стороны Востока, *Демозей* со стороны полудня, *Лифгард* со стороны Запада, и *Браза* со стороны Севера; пятый, *Пифий,* устроил на этом здание, как на подножии Пирамид, мраморное изображение светлого Изида, несущегося на четырех пламенных конях.—Этот-то памятник, и все подобные памятники в честь Мавзолея, прозваны *Мавзолеями,* не смотря на то, что *Муфзала,* значит *обитель смерти,* или слово в слово *зала гроба,* т. е. гробница *.

Александр, покорив всю Карию, и прибыв в Галикарнас, утвердил Аду на престоле.

В знак· благодарности, Ада прислала Александру на золотых блюдах, вместо яств, золото и дорогие камни, и обещала поставлять для его войска провиант; но сама не явилась к Александру.

— Александр Филиппович, — сказал я—тебя обманывают, выдавая Аду за Царицу и женщину, а не за племя *Азов,* потомков Лидян и Манов!

* *Мафусала* по-Еврейски значит *обитель мертвых;* на языке Азов—*Sala* значит покой, обитель; а *Миф,* прах, гроб, —от сего слова Мусала — могила.

— Молчи, знаю, да не хочу знать— отвечал Александр. — Пойдем посмотреть здешний храм и *Мавзолей*, построенный в честь Мавзолея.

Если от имени Мавзолея произошло слово Мавзолей, то и мозоль произошла от Мавзолея, и Мусульмане также получили свое название от Мавзолея; точно также как Эллины от Царя Эллина, Египет от Царя Египта.... Я дивлюсь, что по сие время нет народа Александриота! ...

— Молчи, знаю и это, да не хочу знать, —отвечал Александр.

Мы отправились осмотреть Мавзолей, огромное пирамидальное здание, построенное крестом. С Александром я прошел сквозь непроходимые места. В восточном покое, называемом *Скафа,* стояла таинственная гробница Адона, на *полдень* была кафедральная зала, где читались *Демозаги. На Западе*, пространная зала *Лифгард*, со впадинами в стенах, где стояли урны с прахом умерших; в Северном покое совершались жертвоприношения; но храм *Пифии* — предвестницы, был в верхнем этаже.

Рассмотрев все, что было любопытно, мы возвратились во дворец *Хейлигар-нэс* *****, а потом отправились в поход.

Между тем, Дарий Ибн Дараб, сбирал грозную рать под стенами *Бабеля.* О числе воинов страшно и говорить. Казалось, что все дерева древнего Ейрена, обратились в людей и двинулись целыми лесами в Азистан ****** или Хузистан, древний Орантиод.

* *Геликарнас* — Heligar-naes священный мыс, ибо naes, знач: нос, мыс.
** Хусистан.

Гюлан, Мезендеран, Азербиджан Хаверан, Мидия, Аран, Иркиния, горы Дербента, Туран, Хатаи, Саки, Шам и Мизраим, Фанах и Гинду на слонах… стеклись под *Сипагр* Дария. Пространство между Тигром и Евфратом, от стен Бабеля до развалин Азар-ку *, было занято станом, который похож был на базар древней Самарканды **. Блеск оружия, ржание коней, крик ослов, говор людей на *777* наречиях… смешение языков, хуже Вавилонского! ... Дарий, сделав надлежащий смотр войску, был очень доволен им, и даже воскликнул, по сказанию одних *Хуб-ест!* а по сказанию других *Хош-ест!* — хотя, то и другое восклицание — значит *хорошо есть!* но это было причиною величайших споров между учёнейшими Персидскими Историками. Правда, что это вещь маловажная, не стоящая изгрызенного с досады *калама,* но Историк бьется из истины!

«Как можно! — восклицает он в полноте чувств справедливости, — как можно уверять, что Дарий сказал *хош-ест,* когда я имею достоверные сведения, что он сказал *хуб-ест!*»

Но обратимся к Дарию, который в красном, злато-бахромчатом, с раскинутыми полями шатре, сидит на ковре благополучия. Он, в пурпуровом халате, унизанном огромными жемчужинами, опоясан мечем правосудия, у которого ножны также жемчужные; на голове его *кидар,* также весь уложенный жемчугом; только изображение солнца на кидаре, да оплечия, из

* Град, или гора Азов.

** As—markt.

святых камней, алмаза и топаза; перед его палаткой стоят ряды

предводителей войсковых, Сергенги, Хакимы и Данишменды. Дараб дарит им коней, одежды, оружие; раздает драгоценные царские *халаты*, а вместе с халатами и халифатства, или права на обладание городами и областями. Тут же, подле палатки, стоит любимый ученый слон Дараба, к которому никто не обращен спиной; изворачивая хобот во все стороны, слон мотает, мотает головой и — поклонится; и все окружающие палатку отвечают на учтивость слона также поклоном. Все чинно и важно; молчание, и глаза в землю. Только в соседних шатрах Гюльары, жены Дараба, раздаются тихие соловьиные звуки, воспевающие Ширазскую розу.

Но кто опишет величие и роскошь Иранского Царя? На него никто не смеет поднять очей, кроме двух отроков, которые стоят по сторонам с опахалами из перьев *зермург;* вытаращив глаза на Дария, гоняют они мух от блестящей сферы, окружающей его величие.

Но вот, в назначенный день для выступления, едва появилось солнце из-за берегов Тигра, и от лучей его загорелся Сипагр *, возвышавшийся на шесте у ставки Дария, труба военная загремела, отозвалась по всем концам стана. *Хайдем хайдем!* раздалось по всюду, сопровождаемое ржанием коней, топотом, стуком, и— солнце замерцало на светлых копьях, на бронях, на шлемах, на раззолоченной одежде. Слоны горделивее замотали головой, сажают хоботом воинов на укрепленные бойницами хребты свои.... Наконец все двинулось.

* Хрустальный шар, лик солнца.

За Сипагром, на носилках, несли серебряный алтарь, на котором пылал вечный огнь Изида. За ним шли Моллы — молельщики, сопровождаемые *365* юношами в багряной одежде, — составлявшими священный хор; за ними четыре коня, накрытые золотыми полостями, везли колесницу Изида; за колесницей шли конюхи в белой одежде с золотыми лозами в руках— вели белого божьего коня также под золотым покровом, усеянным драгоценными камнями. Потом ехали ряды всадников 12ти областей, составлявшие стражу Божью; за ними следовали, на конях, пятнадцать тысячь Царских родственников, в богатейших длинных одеждах. Потом Девлет и Диван Серы, Эмиры, Киличары, Амбадары, Чадырчи и прочие чиновники его *благополучия.* За ними ехал Есаул-курь и вез властную клюку Царскую, а за ним ехал сам Ххудаменд Дара Ибн Дараб, в громадной колеснице, на которую нельзя было взглянуть без боязни потерять зрение. На ярме дышла, окованного златом и осыпанного светлыми камнями, стояли два болванчика, а над ними парил золотой орел; это, говорят, было изображение двух соединенных царств: Ассирийского и Вавилонского. Дарий сидел как истукан, в блестящем халате, на котором была изображена *Симург* священная птица *; его *кидарь* был обвит синим полотном с белыми полосами; но из-под кидара расстилались по плечам мелкокольчатые полы шлема. За колесницею Дария шли 10 тысячь копейщиков, ратовища серебряные, копьецо золотое, — это были бессмертные Сипаги, стража Царская; по обе стороны колесницы ехали 200 ближайших царских родственников.

* Иначе Анка, изображающая мудрость.

Но позвольте, мои терпеливые читатели, отдохнуть на этом месте, и пожалеть, что прошедшее для вас невозвратимо. Что настоящее наше время? — *Ниц! цемно вшендзе, глухо вшендзе!* говорит очень умно один воспитанник Русского Парнасса. Высота унизилась, величие раздробилось, ум поместился за разумом, так что его совсем не видать, душа ропщет о чем-то, как горлица, мысли рассеялись по бесплодной земле, жизнь охилела, а сердце вянет...

Но то было время, когда в глиняной дудке было тьма ладу, а в глиняных кимвалах тьма звуков, трогающих душу; то было время, когда все, живущее между чревом и гробом, пело себе и плясало, радуясь светлому дню; то было время! Это время, теперь, милые читатели, заключено в архивах, покрыто плесенью и пылью, гибнет под тяжким грузом настоящего, гибнет удрученное хронической болезнию. Но обратимся на место бывшего рая, взберемся на развалины древней Вавилонской Обсерватории, будем смотреть не на небо, а на землю, по которой как змея тянется войско Дария.

Вот, за бессмертными Сипагами, ведут 400 коней Царских, а за ними идут 30 тысячь избранного войска. Но теперь, устремите внимательнее взоры ваши на ряды крытых колесниц... о! дай мне хоть одну из них, Ххудаменд, Дари Ибн Дараб, светило земное, исток Иранского благополучия, любимец Ормузда, титло Изида, окованный утренним златом ларец чистейшего мозга, дай мне хоть одну! но не ту, на которой едет великолепная утроба, производившая тебя, Дари Ибн Дараб, на свет; и не ту, на которой едет Гюльара, украшение роз, светообразная чета твоя.... чета, которой дыхание разливается благовонием по всем долинам, не только Ирана, но даже проницает в Индустан, в степи Кифчака, и за пределы Кеми и Мизраама.... но дай мне ту, в которой сидит Рушенг, родившаяся от

прикосновения твоего величия к украшению всех земных роз , — Рушенг, о которой вздохнул бы глубоко сам Озирис, если б Тифон не обратил его в Евнухи!... Но Дарий Ибн Дараб, не внимает словам моим; едет, гордый! доволен, что двинул весь восток на преступного Искандера. Проехала Рушенг! тянутся по обе стороны *«Придворные Госпожи»* верхами, накрытые белыми покрывалами до земли. И вот, еще 15 крытых колесниц с детьми Царскими и их няньками… и еще 100 колесниц с 360-ю наложницами царскими, в убранстве не уступающем Гюль-аре. Вот и несчетное число колесниц с женами вельмож, — Все прекрасное, блистательное проехало. Теперь тянется, под предводительством Казнадара и охранением Сайдачников, Царская казна на 600 ослах и 300 верблюдах.

Наконец идут ряды и толпы войск.

Персы, гордые Персы, эти Фарси-Иранцы, которых Греки называли Кифинами, которые сами себя величали Артеями, благородной ветвию коренного племени, — они в высоких мерлушковых кидарах, сверх хитонов грудные Египетские чешуйчатые латы, с Скифскими щитами, называвшимися херрами, по изображению на них Хера или Арея, божества войны; за спиной большой лук и колчан с 24-ю камышовыми стрелами, за поясом кинжал, у локтя копье.

За ними ряды Мидов, исторических Ариан, родственных Персам. Они также в кафтанах и вооружены подобно Персам.

За Мидами шли остатки племени Ассура; но уже не с тем величием, не в той роскоши и блеске, которые отличали их до поражения гневом Божьим, от всех народов. На них шишаки медные, вместо брони на плечах белые шерстяные манты, в руках палицы, с железными набалдашниками, на ногах башмаки, а длинные их

волосы лежат по плечам.

У наемных Саков, остроконечные кожаные шапки с гребнями, кроме стрел с медными наконечниками, они вооружены секирами *; грудь коней их обложена медными латами.

Но всего удивительнее Гиндуаны в стрельницах, устроенных на хребтах слонов. Исчислить все войско и обоз Дария невозможно; я еще не говорил о 277 поварах, 17 водолеях, 70 виночерпиях, 40 чиновниках, возжигающих благовоние вокруг Дария, 60 цветошицах, убирающих ежедневно свежими цветами Царскую палатку и подносимые ему блюды; я забыл также упомянуть о маркитантах, которых огромные, бесчисленные Арбы тянулись со скрипом за войском.

И вот извивается чрез горы и долы необъятный змей, шипит на Александра, несет 12 голов своих под меч кладенец, который проник уже в Курдистан и разрубил священный узел гор, где скрывалось таинственное для Истории племя: Посреди неприступных высот, оно жило отшельником в пещерах скал, и отделенное от всех народов, носило в воспоминание падения Царства своих праотцов, черную одежду. В храме Адона, берегло оно первую соху, которая бороздила юную землю Азии, и те медные доски, на коих начертан был закон, данный ему. Покланяясь на вершинах своего Азгарда, древнему Завету, это племя было непримиримым, непобедимым врагом всех окружающих народов. Только им не овладело могущество Мидийских и Фарсийских Царей. В его горах зародилась первая

*σαγαρεις.

тайна распространения духовного могущества, известная в последствии под названием *Асасинов* *, воссозидателей храма древнего Бела. Никто не понимал его цели, кроме *Шомримов* и *Абримов,* расколов Израильских. Враждуя между собою, они общими силами желали извести змею райскую; но усилия были тщетны. Явился Александр в Азию, и Халдеи первые пришли к нему с поклоном.

— Ну, звездочеты, сказал он им, предскажите мне судьбу мою!

— Не скажем мы тебе судьбы твоей; судьба твоя сокрыта от познания смертных; но скажем тебе завет Бога, начертанный в книгах наших: —змей соблазнитель свернулся в узел и лежит посреди высоких гор; кто развяжет этот узел, тот покорит землю. —Вот что говорит завет.

— Где ж этот узел? — Знаете ли вы?

— Мы покажем тебе его, младой Царь наш; ибо на челе твоем воссияла воля совершить святое завещание.

И Александра соблазнили слова Халдеев. Они повели его к узлу Араратскому, в недрах которого обитали Курды, называвшие себя стражами Завета.

С отрядом избранных воинов, тайными путями, Александр, мечом просек себе путь в непроходимые горы и явился на высотах Азгарда.

*Asa-sinir— дети Божьи.

Слова Оракула были решены, узел рассечен мечем Александра, и вся Азия вострепетала. С этого мгновения, он мог вложить меч свой в ножны; ибо молва: «идет Царь земли!» преклоняла пред ним знамена и мечи, и сносила на главу его короны всех Царств Азийских.

ГЛАВАVI.

Между тем Дари Ибн Дараб торопился утопить Александра в силе своей. Они сошлись при Иссе. Но кто против Александра, над которым летал всегда не один орел, а стадо орлов; перед которым неслись все добрые предвещания, и за которым шло 30 тысячь воинов, поседевших в брани, и похожих, как говорит Юстин, на Сенаторов древней Римской республики. Это седое войско надеялось на силу руки своей, а не на легкость ног; и потому удивительно ли, что Александр дал Дарию *шах* и *мат,* забрал его *фезерею* Гюль-ару, его *коней,* его *слонов,* его *пешек*, и даже всю Азию, эту древнюю шахматную доску, на которой проиграно человеческое бессмертие. Дарий бежал, оставив на поле битвы все, чем блистало его благополучие; он отправился в Бабель, собирать новое войско, новых жен, и новых слонов. Вельможи, мозг его двора, говорили ему: «не лучше ли бы было, Шагин-шаг *, если б ты пригласил Искандера к себе, предложил ему сыграть в ***шах*** и ***мат***, на доске, а не в поле; ибо, мудрый и искусный должен обладать царством; а где же познается более мудрость и искусство, как не в этой игре?»

Но Дарий не внимал мозгу двора своего, он говорил: «не будь я Инб Дараб, если не оплюю бороду Александра.»

— Но, великий Шагин шаг, говорят, такой грех! что у Александра даже бороды нет, как у твоего последнего евнуха.

* Шах Шахов.

Это поразило Дария, более нежели сражение при Иссе. «Как! вскричал он, и этого мне никто не сказал! и допустили своего Шаха унизиться до Сегм-гес *, удивительно ли, что нас постигла немилость Изида!

Вельможи опустили очи свои, и молчали; ибо они поняли также, что все несчастие произошло от того, что у Александра не было бороды, которую по Персидскому обычаю, можно бы было оплевать.

* *Сегм-гес* — собачья муха. — Персы называют так людей низкого происхождения — *Сегмгес* как ни оберни все будет *Сегмгес*.

ГЛАВА VII.

Скучно было бы читателям пробегать очами страницы походов Александровых; и потому я не описываю маршрутных подробностей, останавливаюсь только там, где сердце Александра сильнее билось. И так, все безусловно покорялось уже Александру. Один только Тир, столица Фанов, дочь Сидона, рожденная также Азаниордом, не отверзла объятий своих Александру. Поставя свой шатер на холме, где возвышался храм *Астаргуда *,* и расположив войско в оградах древнего *Царя вод* **: он послал в новый Тир два предсказания о падении его, принесенные ему Халдеями Ерусалима.

«Первое: крепок Тир, полон богатства, серебро в Тире обыкновенно как прах, золото в Тире как грязь торжища; но Владыко потопит богатства Тира, опалит Тир пламенем.»

«Второе: раздались грозные слова над градом Эдомлян! Горделивое, вероломное племя! воспари орлом, свей гнездо свое выше звезд, и оттуда рука моя сбросит его в прах!»

Смеются Тиряне над предсказанием, они надеются на свои стены, на каленый песок, на стрелы, на огнеметные орудия, *кидающие в неприятеля великие куски железа,* а более всего надеются на Тора-

* Hercule Astrochiton.

** Palae tur—слово в слово значит рыба-зверь, Balain—кит. По-Скифски *Palug* рыба, от сюда *балык,* белуга.

громовержца. Дройты, или Дроттары * их, собираются в Немрад, судить и рядить о защите града. Блод-годары закалают жертвы божеству войны. Тщетно 150 кораблей, под предводительством Ефестиона, и сам Александр со стороны земли, облегают и насилуют Тир — он неприступен, отделен от суши морем, со стороны моря огражден скалами.

«Бросьте труп древнего Тира в море, и перейдем по хребту его к стенам новой гордыни!» восклицает Александр; и, между тем как строится гать из развалин старого города, он отправляется с частию войска в Иерусалим. Там Бог, которому тайно научен он поклоняться. — Первосвященник Иадда ** Ионазон, отворив все 12 врат Иерусалима, и сопровождаемый 32,000 Левитов и 24 тысячами служителей храма, в белых торжественных одеждах, встречает Александра на горе *Софим,* или Скапа, в *7* стадиях от города, где возвышалась охранная башня, с которой виден был величественный храм и весь Город. *** Иадда облечен был в льняной эфуд, на каждом плече было по 6 застежек, на которых начертаны были имена 12 племен Израильских. На голове его владычняя *тиара,* с изображением имени бога на златой полосе. Б руках Иадды златой ковчег, над которым, по сторонам, несли светильники и златые хоругви 12 племен Израильских; и у всех жрецов, и у всего народа

*Drott, Drottin; по Англо-Саксонски drihten или dryhten, знач.: властитель; в древности, священного сана — жрец; от сего слова произошло и неразгаданное еще, друид, которое производили от trae, trew, dere; древо, дерево, дрова.

** Иуда, сын Ионы—по сказанию Историка Иусуфзона Анании.

***Иосиф Флавий, —Древ. Иуд.

также светильники в руках.

Белизна одежды, блеск золота и серебра, яркое мерцание светильников посреди белого дня, поразили Александра.

«Бог освещает путь твой!» произнес Иадда, и Александр, сняв шлем, повергся на землю, перед святым именем Бога, блистающим на ковчеге и на тиаре первосвященника. «Нет иного Бога, кроме Бога Израильского!» сказал Александр, приподнимаясь с земли, и принимая златой ковчег от Иадды. Никто из приближенных его не знал, что скрыто в ковчеге, только я догадывался.

— Халдеи очаровали Александра! он погиб, и мы погибли! — шептали все, следуя за Александром в город.

О, думал я, кто не видал древнего Иерусалима, тот, ничего не видел. — Я не знал, на чем остановить очи: на венце ли города, роскошном холме, называемом *градом Евусеев,* посреди которого высились чертоги *Давыда?* на резном ли кедровом доме Божием, построенном Соломоном над крутизнами Кедрона, и как будто кованном из блестящего металла? ... или на дворце Соломона... каком-то волшебном здании, все в башнях, ярусов во сто? ... или на черном береге *Геенны*? ... или на виноградниках, окружавших город? ... или на стенах его, или на кедровых рощах за дворцом, или на минаретах, упиравшихся в небо? — Когда мы приблизились к городу… но какое перо опишет древний Иерусалим, столицу Евреев, на которых наложил Бог проклятие за отступничество от даруемой им славы, и рассеял по земле, как нечистое семя, от которого родятся плевела.

Мы приблизились к городу… и мое удивление возросло выше всех земных растений, когда я увидел, как будто знакомые мне толпы народа, когда я услышал, как будто знакомые мне слова, в роде:

«Хаим, Лейбе! зех! зех! дз! ит-ис Алешендер! ух! мелик Алешендер!» Салай мелик! Салай мелик! т. е. слава мелику—слава Царю! раздалось по всюду....

— Так вот те прародительницы красоты Еврейской! —вскричал я, всматриваясь в огнедышащие очи одной *Леи* или *Рифы*—не знаю по имени—что за диво! лучше, в миллион раз, лучше всего, что носит теперь на ланитах своих румянец вокруг двух ямок, на устах кораллы, на груди две морские волны, а в сердце подземную стихию!

В подобных созерцаниях древней, классической красоты, я не заметил, как очутились мы перед храмом Соломоновым. Александр оставил свиту свою при первой ограде; только я следовал за ним, потому, что… кто бы мог воспретить мне идти по воле моей? Поэт и Историк есть Шагин-Шах всего прошедшего.

Представьте себе у второй ограды, над портиком храма, два высочайших столба, на которых, златыми буквами, начертаны были на Ассурском, или священном языке слова, на одном *Боаз,* на другом *Иаохун* *.

Сперва ароматический запах кипариса поразил мое обоняние: это благоухали резные стены храма.

По обе стороны медяных врат светились золотые доски, как развернутые свитки святых письмен закона.

Едва я вступил в храм — и, ослеп от блеска.

* Иосиф Флавий — Asia. — Gottgelobtes Land. 2. 16. Значение надписи в Лукиане; языческие Греки перевели эту надпись по-своему: Бахус, Юнон.

— Теперь знаю, откуда восходит солнце, где обитель его! — думал я, стиснув и закрыв очи обеими руками.

Что за обряд совершался в это время над Александром, я ничего не видел; слышал только вокруг себя страшный шум, кагальный шум, и за спиной, время от времени, слова: ит-ис-ххоггиборим ххэррр Аллешшендер!

Ничего и не удалось бы мне видеть простыми глазами, если-бы не пришло мне в голову воспользоваться зелёными дорожными очками, которые были со мной,

Я надел их, и... что вижу я!

Над вратами Святой Святых висит златая виноградная кисть, как пятидесяти вековой банан, вырванный из земли и прикованный отраслями корня к неизмеримому своду храма; но каждая виноградина этого гроздия — топаз, или карбункул, якут, или фирузэ; и каждый лист этого гроздия—талант золота, заключающий в себе 12 тысячь сиглей; и каждая из 77 ветвей усеяна 77 светочами. Врата *Святой Святых,* — златые скрижали закона. А по сторонам храма 10 тысячь золотых люстр, 10 тысячь столов, покрытых золотыми полостями, 20 тысячь златых кубков, 160 тысячь серебреных; 100 тысячь златых ваз, 200 тысячь серебряных; 80 тысячь златых блюд и 40 тысячь серебряных; 20 тысячь златых больших курильниц и 50 тысячь малых; 1000 риз священных, осыпанных драгоценными камнями; 200 тысячь серебряных рогов и 40 тысячь различных священных инструментов… не верите мне? — поверьте Иосифу Флавию.

— Для чего столько утварей? спросил я у *Гизборина*, или Казнохранителя.

— Для трапезы 62,000 левитов и служителей храма, — отвечал он.

— А что блестит там, за святыми вратами.

— Дз! Эхх! там хранится святой ковчег и стол золотой, великий, великий, и море великое, в 3000 ведер!

Я никогда не был так поражен удивлением, как в эту минуту; — казалось, что слова «и не воссоздастся во веки храм сей!» гремели уже над этой бездной богатства.

Из храма повели Александра в град Давыдов, в *бэф хаггибарим*, — в дом *высокорожденных*, или *Азаборим,* — происходящих от Азов.

Но для описаний богатства, пышности, блистательности, нет слов… золото, драгоценные камни, багр, синета, пурпур, блеск и блеск и блеск, и все умноженное на 77,000 раз слово блеск — мало!

ГЛАВА VIII.

Не смотря на мушки *, эмблему невнимания к речам змея соблазнителя, древние Еврейки были милы, снисходительны, ласковы, предупредительны. Солиманова улица, тянувшаяся вдоль по Кедрону, и составляющая ряд заездных корчем, была населена факторами; а в укромных, грязных переулках жили Рах'ли, Леи, Шизы, Гульды, Эсферки, Гинды, Пейсы, Рифки, Ханки, Сары....

Все они живут очень опрятно, хозяйственно, умеют играть на *кинноре***, на *сантире****, и пляшут с *тафом* или бубнами в руках; а пляски их очень интересны. В нашем веке невозможно уже выплести таких узоров и хитростей ногами; притом же у нас уже нет тех каблуков, которые в старину чудно притопывали в лад. Одежда древних Евреек совершенно похожа на одежду поселянок Швейцарских: такой же корсетик, точно такая же коротенькая юбочка из полосатой синеты, или багряницы. Все это меня дивило: *странная вещь, непонятная вещь!* думал я, отправляясь в след за Александром из Иерусалима. Он ехал в трёхъярусной Иерусалимской короне, на колеснице, запряженной двенадцатью ослами; ибо в Иерусалиме трудолюбивые ослы предпочитались воинственным и гордым коням; притом же это древнейшее ручное животное, возило издавна *Азов,* отчего и получило название Азинус.

**Мушки* — головной убор замужних Евреек, в роде боковых накладок на уши, шитых жемчугом и уложенных коваными золотыми плетешками.

** Киннор в роде гитары.

*** Сантир — гусли.

Близь Софим, Иадда благословил Александра на путь грядущий.

— Какой памятник поставишь ты в честь Александра, на горах Сионар — спросил его Олимпиевич.

Живые памятники передадут твое имя потомству — отвечал Иадда, и, обратясь к народу, произнес:

«Все младенцы Иудеев, родившиеся в сей день благословенного года, и в сей день будущих годов, да нарекаются и нарекутся Александрами!

Александру понравился этот памятник, а Иадда был доволен, что избавился от обязанности поставить истукана в честь Александра; ибо закон Моисеев говорил:

«Не сотвори кумира иного, разве мене.»

Когда мы возвратились к Тиру, гать была уже готова, и Александр намерен был немедленно сделать приступ; но в ночь поднялась ужасная буря… гати как будто не бывало.

—Худое предвещание! — сказал хитрый Первосвященник Александра. — Юпитер Пириген мстит Александру за оказанное им уважение Богу Израиля. Принеси жертву, и очистись от Халдейского обаяния, и тогда воля твоя увенчается волей громовержца.

— Не два Бога, — отвечал Александр, — а одному я уже принёс в жертву сердце мое!

И велел Александр снова приниматься за работу; сам бросил он основный камень в море. Чрез несколько дней гать, в четыре стадии длиною, была готова, и изнуренный долговременною осадой Тир пал. Воины Александра окружили храм Тора, в котором скрывался Тирский Азель-Мике, т. е. Царь Михей, с защитниками града— *властителя вод.*

ГЛАВА IX.

Таким образом роскошный Тир был взят; Тор громовержец не помог Ванам ущититься от Александра. Еще во время осады, золото и жены были тайно вывезены в Сифтун, в Харфагур *, и на остров *Рода,* или прекрасный.

— Там нет дня, который бы не сиял во всем своем блеске! — сказал мне один пленный житель Тира.

— Знаю; по этой-то причине Родос и посвящен Фре (Phre) или солнцу.

— Кто это вам, мин-гер, сказал, — отвечал Финикиец, — эта ложь не кругла, потому что Рода посвящен Фрее, покровительнице девства и любви; там вы можете видеть и храм её, на горе посреди острова; но всего любопытнее видеть там на пристани громадный лик Тора, в 70 локтей вышины, работы Лейзиппа с сыном.

— Колосс Родосский?

— Что это такое значит — Кулас Родос?

— Как что значит? просто значит Колосс, ну, то есть Колосс, просто Колосс.

— Не понимаю; по-нашему Кула, значит высота, холм, башня высокая, *фирос*—или Мааг, т. е. ночной огонь, или знак Ванской пристани. Все наши кулы, ваша братья, с другого берега, называют колониями.

* Карфаген — Харфагур — т. е. прекрасноволосый, подразумевая лик Тора, божества Ванов.

Желание видеть Колосс Родосский превозмогло убеждения Александра ехать с ним в храм Аммона, и я выпросил у него *орку,* или корабль с палубой, и отправился к Родоссу.

По личной просьбе моей, морской владыка Нептун Сатурнович Трезубов *, дал мне в провожатые Норд-Веста, который, менее нежели в сутки, доставил меня в гавань Эдесскую. На всех парусах пролетел я между скалами, над которыми стоял — кто бы вы думали? —медный лик Александра. Это Александр в образе Тора! вскричал я, выходя на набережную.

— Как? вскричал народ — кто это говорит?

— Я вам говорю: как две капли воды, Александр!

Ужас обуял всех, ибо Оракул сказал: «чей лик изольете вы из меди, покоряйтесь тому.»

—Так вот тот город, —думал я—который лежит на северной стороне острова Родосса, на холмистых скатах долины, в апельсинных и гранатных садах! ... тот город, в котором сохранялись древние законы мореплавания, та цветущая обитель, откуда выплывала на поверхность волн Океанида Родия! — Какие странности! —говорил я сам себе, проходя по Торовой площади, посреди которой возвышалась здание, в роде Еврейской синагоги. Какие странности творятся между небом и землей! — Если б перенести сюда всех читателей во время сна, и когда они проснутся, спросить их: где вы? — им бы и в голову не пришло сказать, что они в одном из давно прошедших столетий. Они бы увидели знакомое

* Tritan — по-ученому Тритон; tan, по Вански значит зуб.

им небо, знакомое синее море, увидели бы лес мачт в пристани, кипы и груды товаров на берегу, матросов в куртках, народ в Азиатской и Европейской одежде, увидели бы черноглазых красавиц за решетчатыми окнами, и под покрывалом на улице, услышали бы говор, шум, спор, ссору, дружбу, ласки, брань, и поняли бы, что все дело основано на тех же самых отношениях, выгодах и самолюбии, на каких оно основано и в XIX-м столетии; они поняли бы, что жизнь за ***22*** века также сложна и разнообразна, радостна и горька, что поле усеяно знакомыми цветами: ни краска, ни запах не переменились.

— Но мы не понимаем, что они говорят? сказали бы читатели. Прислушайтесь и поймете. Вот старуха Египтянка шепчет что-то этому молодому человеку, — она часто произносит слово *дщери, дщери,* Она говорит про *дочь* свою. — Вот раздаются слова: хэ братр х-адем -у хут! ***** —Э значат: эй, брат, идем в хату. Вы поймете, что значит речь, произносимая нежным голосом из окна: *ио хотео витан тао херта, че ту миннас?* Это значит: я хотела видеть твое сердце, что ты мнишь, или думаешь.

Таким образом читатели могут видеть, как легко было в древности изучать языки, — да и удивительно ли — океан, покрывавший некогда землю, иссяк, раздробился на тьму морей, озер и рек; тоже случилось и с первым языком —Океаном: он раздробился на тьму наречий, которые цветут и покрываются тиной; как стоячая вода, вместо древних слов, *Океанических гигантов,* теперь речи наполнились словами-*Инфузориями,* которые не имеют ни весу, ни протяжений, на пример....

*Хут значит вообще покров; от сей идеи Hutt шапка, покров головы; Hutte —хата, покров — обитель.

Но примеры можно найти во всех мелких стихотворениях и в Гомеопатической философии века, и во всех современных гениальных произведениях.... Лежит у меня на душе новая наука, великая наука! Есть механика ремесленная, есть механика небесная, должна быть и механика литературы. Теперь век малого учения и многого знания.... О, эта наука нам необходима! — она уже существует, действует уже на великое наше поколение, совокупилась уже с ним и плодит гениев; а мы этого как будто не примечаем! ...

Но я увлекся—возвращаюсь в Родос, для того только, чтоб сесть на корабль и отправиться к куче солоду, на котором строилась Александрия.

Должно заметить, что со мной поехали из Родоса послы на поклонение Александру,

— Ба, ба, ба! вскричал я, подъезжая к устью Нила, —когда ж это Александр успел выстроить Александрию? когда успели стены и *высокие* Александрии поседеть?

— Да это древний город Туна ***,** отвечал мне кормчий.

Вошли в пристань, я соскочил на берег.

— Где ж Александрия? спросил я у одного копченого человека.

— А вот 30 кораблей в гирле, и за гирлом, на возвышении стан переселенцев Македонских, оставленных здесь Искендером Юнани; они строят новую пристань и ограды, которые и называют *Александрией*.

* Неправильно называют его *Но* или *Нон;* Коптское название Александрии *Раагудз.*

Где Александр Филиппович? спросил я, заехав в Скендерию.

— Он поехал отсюда в степь к Амун-ра.

— А войско?

— Войско от Тира пошло сухим путем к Бабелю; а Александр Филиппович отправился под прикрытием двух полков *Драгун**.

— Догоним его?

И вот, в Туне я нанял двухколёсную колесницу до границы Вавилонской области. Лихой Эфиоп, в полукафтанье и шапке, похожей на шапку «сих огромных Сфинксов» сел на козлы, гикнул и гиппопотамы понеслись стрелой.

На колеснице я заметил тьму медных блях с изображениями и гиероглифами ****.**

— Откуда ты достал такую древнюю каруцу? спросил я у Ефиопа.

— О, это та самая, на которой ездил в поход Сезос-ра! отвечал мне Ефиоп. Она; мне досталась по наследству, от прапрадеда, который был у него кучером.

— О радость! вскричал я — продай мне ее!

— Ни за что! ни за зиале-скот! отвечал он мне. Узи-ра, будь мне в том свидетель!

— Ах ты Апис, или по-Русски сказать пес!

— Много чести! —отвечал Ефиоп, размахивая Арабским кнутом, или сокращенно арапником;

* *Драгонарии* — на шлеме их было изображение дракона.

* * Иеро-гриффель— священные письмена.

— А Анубиса ты знаешь? спросил я Ефиопа, желая испытать его познания в Мифологии.

— Знаю, отвечал он; это тоже что *пса,* одни у нас говорят *е-пса,* другие ену-пса.

— Чтож значит это *пса?*

— А значит эпио *Уси-ра,* главу стад; главу стад у нас изображали быком, а хранителя стад псом, т. е. пастырем; вот одни и называют его *Бос,* а другие пёс; а маркитанты островские еще хуже назвали... назвали *вус;* а Влахи прозвали быком, волом, да еще бесом, да туром; а все выходит, что, это всё один наш *Ра,* которого также перековеркали в руа, да в Рех.

— Ну, а Серапис что значит?

— А это-то и значит главу стад и пастырей, потому что Сер значит Царь, глава.

— По-Ирански?

— По-всячески.

— Ну, спасибо, что дельно растолковал мне Эфиопскую божницу; однакож подгоняй, любезный друг.

— А что, барин, заедем к Амун-ра в Фемуис?

— Нет, мимо, некогда.

— Э, барин, заедем; чай священный обед уж готов; закусим; да и в дорогу! Кто же во время безтенья ездит, или что-нибудь делает? то, час святой, божий; дух тьмы бывает изгнан в это время.

— Нет, любезный друг, я тороплюсь.

— Ну, не моя же вина будет: заплати мне за грех; я и то в долгу нести за три греха выкупу.

— А сколько за грех выкупу?

— Каков грех; я вот отнес трех белых баранов, да и прав; а за иной грех целым стадом не откупится; наш *мэфтму* такой строгий, того и гляди, что даст плетку да велит самому себя бить до крови; или еще хуже, заставит стоять у храма, да питаться милостынею до тех пор, покуда Изида не народит 12 ликов божиих. А за смертный грех прикажет лечь под колесницу Узира; а кому захочется, чтоб из его костей, она, — да будет благословенно её торжественное прикосновение к земле! — выдавила мозг? ...

— Да, это неприятно. Но подгоняй, любезный друг.

— Не бойтесь, мы к *тройной тени* приедем к границе.

И действительно к вечеру мы приехали в какое-то Халдейское местечко Бео-кадешь. Я расплатился с Эфиопом, нанял почтового верблюда и отправился прямо в Вавилон.

ГЛАВА X.

Не буду описывать пустынного пути чрез Мизраим и Халдею, чрез землю Иуды, выше Соленого озера, в котором погрязли Сава, Адама, Содом и Гумра, потом чрез пустыни *Годмати* * в пределах счастливой Гебрии, или Иберии.... Тут я вспомнил слезы Абулбега Ибн Салеха об Андалузии.

*

«Все, что цвело, увяло! смертный, не соблазняйся жизнию!

Судьба по предопределению разбивает броню, об которую раздробились мечи и копья!

Где могучие владыки Иемена? где их венцы, осыпанные драгоценными камнями?

Где власть *Джудада* над Ираном, где могущество племени Азазонов?

Где сокровища гордого Харуна?

Что сталось с Адмом, Джудадом и Куштином?

Они не отразили бедствия, и погибли!

Рок обратил лице свое к Дарабу — и он повержен; рок обратил лицо свое к Козрою — и его не защитил дворец.

Есть ли преграды Року? не прошло ли царство Солеймана?

Неотразимый удар поразил Андалузию, отозвался в Аравии—и горы Оххуд и Талан распались!

* Земля Божия.

Спросите, где Тадмор? где Ххадив? где Кинезрин, где Корду — обитель мозга? где мудрецы, сиявшие в ней?

Где Эмесса *? где Г-вадаль-кебирь (река великая), чистая, полноводная, усладительная?

Ты, беззаботный! счастие сопутствует тебе, ты заснул, а рок пробудился.

Ты радостен, не ведаешь горя, перед тобой красоты твоей родины; но есть-ли у того родина, кто изгнан из Э-мессы?

О, это бедствие предает забвению все прочия! ... вечность не сотрет его с памяти!

Всадники, на конях быстрых, пламенных! вы носящиеся по степи орлами, с всеразящим мечем!

Вы, вооруженные острым железом Индуиша, блистающим как пламенник посреди туч праха!

Вы, живущие мирно за водами, в славе и могуществе посреди обителей своих!

Вы еще ничего не знаете о сынах Андалузии; но вестники скачут уже поведать вам о их бедствиях!

Вчера были они Царями, сегодня рабы!

О, кто видел слезы в то время, когда продали их! —Печаль проникла бы в душу, ум бы помутился!

Аллах! для чего горы разделили детей с матерью, для чего души разделены с телом?»

* Эмесса — слово в слово: град жертвоприношений; название *Сивилла* — воля премудрости, соответствует ему.

*

Так плакал Абульбег Ибн Салэх! Марун * Иберии, или Европейской Аравии.

Прав ты, Абульбег Ибн Салех! Ты изгнан из отчизны своей; я люблю тебя Мавр, Кебир! потомок Кушитов, золотоносных воинов древнего мира, потомок коренного племени Аззов!

Великое племя! тебя поразили Титаны, и превратили алмазные дворцы твои в уголь! ... и на яхонте неба еще не потухли блистательные топазы!

О, видел я перлы, эти слезы, скатившиеся из очей твоих при переезде чрез море! много их, лежит на дне пучины! Градом слез твоих украшены наши девы, ... они не знают протекшего твоего величия… пусть не знают, пусть не видят и тени того мужества и красоты, которыми славен Мавр, гордый Мавр, праотец рыцарства и игр Торовых **.

*Человек, madr—муж; из этого слова образовалось слово Мавр.
**Tornoy —Spiel. — Torner — Tournoi.

ГЛАВА XI.

Вот подъезжаю я к Вавилону. Бабель! Столица Сим-раамы! — воскликнул я—где твое величие и красота, которыми ты славилась во время друга твоего и брата *Древнего Нина*, облаченная в громадные стены, увенчанная пятьюстами башен, в 30 сажен вышины? —Бабель! где теперь твой величественный Немрад*? ... и не воссоздастся Вавилон! и не воссоздается....

Дивное время! — Неизвестный народ, мореплаватель, Астроном, весь в пурпуре и злате, неизвестно откуда приближается к диким набережным нашего старого мира, и восклицает, как Коломб, открывший Америку: Ура! новая земля! — и находит на этой земле дикарей зверообразных, бессмысленных. Где ж старый мир, из которого пришли люди, воцарившиеся в этом новом мире? ...

Не переносится ли слово *старый мир* из полушария в полушарие? не гостит ли оно по тысячелетиям, то здесь, то там за Океаном? ... Не Мексиканская ли пирамида солнца есть тот *Сиспарис* **, град солнца, где погребены таинственные писания Ксизутра ***? ... Но будем ждать всего от времени.

И так я въезжаю в Вавилон. Он уже другой день во власти Александра.

*Naemrad — судилище.

** Sisparis — Огнь жизни, Божий огнь, или огонь премудрости.

** C’hasa thor— Царь Азов.

Бахаввал, правитель Вавилона, и Масса, военачальник, сдали город без сопротивления. Весь священный хор Скальдов, или Халдеев, встретил Александра, воспевая при звуках кимвалов, гимны в честь побед его; только седовласый Первосвященник Хаарун, нес из храма лик солнца к народу, и возмущал всех на восстание против Александра; но тщетно, войска Александра показались уже в городе; Хаарун вбежал в храм Сераписа, — храм окружили.

Во время ночи Александр велел извлечь его из храма и предать казни.

Дайте мне проститься с дочерью, дайте благословить Зенду! вопил он.

Желание старика исполнили.

Привели дочь его. Она упала в его объятие. Старик целовал ее в очи.

—Не плачь! — говорил он шепотом ей, —не плачь, я умру, и ты умрешь, и Александр умрет, только любовь и вражда не умирают… если они не отмщены. Не плачь Зенда, тебе заповедаю я примирить меня с Александром, чтоб ненависть моя к нему не перешла за гроб в светлый мир... Мщение дочери примирит прах мой с прахом Александра.... Вот тебе зерно смерти, а это мне… для тебя и для Александра довольно одного.... Красота твоя приведёт тебя к ложу его... приведёт!.., но ты раствори слюнями это зерно, и лобзай. Александра, дочь моя! лобзай! ... тебе не обречено умереть девой! ...

— Отец! — едва произнесла Зенда, готовая упасть без памяти.

— Бери, бери! идут! слышишь ли: для тебя нет отчаяния... ты не младенец, Зенда! не проливай слез, копи их в груди твоей… прощай!

помни завет отца!

И старик, проглотив зерно, сжал дочь свою крепко.

Их разлучили.

— Постойте! — сказал, старик глухим голосом, — дайте мне припасть к лику божью, дайте поцеловать землю, мать, отверзающую для всех лоно свое!

Старик сложил руки на груди, припал челом к земле перед изображением Ваала.... Прошло несколько мгновений — он не вставал.

— Приподнимите его! —сказал Ефестион, которому поручена была казнь.

Воины хотели исполнить приказание; но все члены старика были уже как гранитные; только пена клубилась из хладных уст.

Читатель! ты помнишь Зенду? Смотри как она выходит из храма: бледна, с склоненною головою, в каком-то онемении, не плачет, — ей запретил плакать отец. Она не чувствует, что покрывало не таит её красоты от взоров чужеземных.... До кого же не дойдет молва что Зенда прекрасна, что ей нет подобия в целом мире? ... Благо земное! чей ты удел? счастье, судьба! ... и вы ей не льстите? даже гонимый повсюду покой не избрал её сердце приютом! ... только любовь перед ней на коленях... милый младенец! он тянется на руки к ней; он мыслит, что мать свою встретил… встретил в глубокой печали… и плачет!

ГЛАВА XII.

Читатели очень много перелистали сих пор вполне Исторического, и, следовательно, скучного; но этому виною дела Александра. Этот Искендер Юнани, или Искендер-ель-Руат, или Искендер-бен Филукус, или Искендер-бен-Дараб, или Искендер бен Дракон, или Искендер-бен-Изид -Аммун, или Скендер-дуль-карнейн, столько наделал дел, что его нельзя было не назвать вторым *будхахом,* и не построить ему по крайне мере небольшой *Будханэ***,** и не приставить ему рог, не по новейшему, но по древнему обычаю. Представьте себе, что этот человек пришёл в Египет, построил Александрию, пришел в Вавилон, построил Александрию, пришёл в Арию, построил Александрию, пришёл в Арахазию, построил Александрию, пришёл к Оксидрагам, построил Александрию, подошёл к горе Пиропамизу, построил Александрию, пришёл в Бактриану, построил Александрию, пришел к Танаису — Сихуну, или Якс-арту, построил Александрию... я уже не считаю Ниссы, Букефалии и Дербента и стены Яджюджа и Маджюджа, иди Гога и Магога, и всех жертвенников в 50 локтей вышины; но нельзя не вычислить всего войска, которое он побил. На каждую страницу подробнейшей его Истории придется по одному побежденному народу и по крайней мере по 10,000 убитых, по 20,000 раненых, не говоря уже о взятых в плен, ибо с ними некуда было бы деться. Ужас! панический страх берет! Я не знаю, что в нем было человеческого, кроме тления? и что в сравнении с ним дела Геркулеса? ... и не одного, а всех трех, упоминаемых Диодором

Сицилийским; и не только трех, но всех шести, об которых говорит Цицерон; и не только шести, но всех сорока трех Геркулесов, про которых пишет Варрон? —Александр ни где не ставил nec plus ultra.

Во всех делах превзошёл он Геркулеса, в одном только может быть не превзошёл; но единственно потому, что ему не встретился другой *Феспиус,* у которого бы было 60 дочерей. Геркулес поднял гору Атлас на плечи, но в его время — это было легко сделать, в его время горы были еще молоды и не вросли в землю.

Но обратимся к делу.

Когда Александр покорил Гирканию, сделал расттаг в Ирканской столице Дария, Задрагарде; донесли ему, что едет Царина Шехер-Зенана, из страны Сиф-кона, лежащей за Танаисом. Подъехав к стану Александра перед городом, с 300 всадниц, она остановилась и послала сказать Александру, что Царина желает видеть его, и ожидает на то соизволения. Александр приказал просить ее, и надев Персидский багряный Кидар с белыми полосами, и белую царскую Мантию, встретил ее у крыльца.

Минизия, на гордом коне, сопровождаемая свитой, подскакала к крыльцу. «Это живая *Паллада* в полном вооружении, с обнаженною правой рукой и плечом!» думал Александр, когда стремянные снимали ее с седла.

— Ты, Александр Филиппович? сказала она, подавая ему стрелу с соломленным копьецом в знак мира и дружбы. —Ты тот, которого величают Царем Царей?

— Александр проводил ее в покои дворца, просил садиться....

Она села, бросила на подушки Кидонский лук и стрелы, сняла окрыленный шлем, сделанный на подобие короны, откинула на

плечи прекрасные белокурые локоны, которые скатились на лицо; румянец разгорелся на щеках её....

— Я приехала к тебе за делом...— сказала она, осматривая Александра с ног до головы, и как будто любуясь красотой его.

— Все, что вам угодно, Минизия, — отвечал Александр, — к вашим услугам!

— Я устала после 25 дневной езды, не могу громко говорить, сядь подле меня.

Александр сел, и она что-то сказала ему тихо, почти на ухо.

— С величайшим удовольствием! отвечал Александр, выслушав ее внимательно, —с величайшим удовольствием, всегда, когда вам угодно, хоть сей час же? ...

— Нет, хотя терять время не должно, но говорят, что торопливость во всяком случае вредна. Я устала с дороги, угости меня прежде отдыхом; да также я попрошу твоего распоряжения на счёт 305 жен, приехавших со мною.

— Всё будет исполнено по вашему желанию, Минизия; они будут угощены, удовольствованы вполне. Мои Македонцы не пожалеют крови своей.

— О, я уверена; но уверена и в том, что ни одна капля их крови не оросит неблагодарной почвы.

Александр подал руку Царине, и проводил ее в назначенные ей роскошные покои, где все дышало негой и прохладой от кипящих водобоев и благовонных цветов.

Когда Минизия вышла из бани, окутанная в белую, тончайшую ткань, и бросилась в пух… о это была истинная Царица воинственных *жен*! ... Какое вооружение, какая раскаленная

румяная сталь! ... Нет, не помог бы ни щит Ахиллеса, ни нагрудник Минервы, ни кремнистая палица Иракла, ни Греческая махира, ни секира Скифская.... Бросай Александр к ногам её меч свой, бросай броню *Афины* Илионской, и сам бросайся скорей в ноги победительницы; ей покровительствуют все злые и добрые духи Мифологии. Это не волоокая Юнона, которой изменял Юпитер, это не мраморная Венера, которая изменяла Вулкану, это светоносная Артемида, скинувшая свой пояс, сбросившая опушенный Хитон и ловчую обувь... Это дева, вооружённая всем земным соблазном! ...

Истинная причина приезда Минизии к Александру никому не известна, кроме Историков; заметно только было, что в первые три дня она недовольна была приемом Александра.

— Удивляюсь! говорила Минизия своей поверенной.

— Признаюсь, барышня, и я постигнуть этого не могу; да я не знаю, что за охота вам мучить себя напрасно? ... От него вы, кажется, ничего не добьетесь. Я бы вам советовала ехать лучше к Аланскому Царю Фензалу.

— Нет, мой друг, я еще испытаю счастья, отвечала Минизия.

— Как угодно, барышня, по мне и здесь хорошо.

— Ты счастлива, в твоих делах затруднений не может быть; ты как мотылёк имеешь право перелетать с цветка на цветок. Ступай, я останусь одна, я ожидаю к себе Александра.

— Желаю вам успеха.

Таким образом горевала, о чем-то Минизия. Прошло еще несколько дней, и казалось, что Минизия была довольнее; но её румянец немного потух, очи казались томными, как будто смыкаемые дремотой после бессонницы.

— Пора вставать, сударыня, сказала ей однажды поверенная, войдя к ней рано по утру.

— Постой Ориза! — сказала она, приклонив голову к груди и свесив снежные руки с ложа, — дай мне еще на мгновение забыться после сладкого сна… как блаженна нега пробуждения! ... Представь себе, Ориза, кто бы думал, что он был невинен, как дитя.... О если б ты видела, как свиреп молодой лев, когда он восчувствует свою силу! ...

И в словах Минизии была какая-то медовая сладость.

Минизия не успела кончить своей речи, ей доложили, что Александр ожидает ее в цветнике сада.

Накинув на себя роскошные покровы, она повязала на голову венец, и сопровождаемая своими девами, вышла к Александру. Он встретил ее, поцеловал её нежную руку, она поцеловала его в щеку... этот обычай очень давен.

— Как проводили вы ночь, Минизия?

Румянец пробежал по её щекам, улыбающийся, нежный взор мелькнул, но ресницы опустились на очи.

Между тем как подавали в Японских чащах Китайский чай, присланный в знак дружбы, в дар и во здравие Александру *Хяном* Ваном и Конгом Срединного Царства, — начался разговор.

— Я собираюсь ехать, Александр, я довольно гостила у тебя.

Твердосердый Александр не предложил ей остаться ещё несколько времени; он как будто не слыхал этих слов Минизии, и спросил ее:

— Скажите, Минизия, я еще до сих пор был так рассеян, что не спросил, где лежит ваше Царство?

— Я этого не умею сказать, — отвечала Минизия.

— На восток ли солнца от сюда, или на запад, на полдень или на полночь?

— Я не знаю, где восток и запад.

— Вы не поняли меня, Минизия; видите откуда солнце взошло здесь?

— Вижу, отвечала Минизия; здесь оно восходит за этой горой, а у нас восходит с разных сторон; если мы переносим шатры свои из места в место, то и солнце переменяет восход свой.

— А, так у вас нет постоянной столицы?

— А как же? — возможно ли воинам сидеть на одном месте? — и солнце ходит к небу, и Александр из одного края земного в другой край; что за неволя строить каменный град? его не возьмёшь с собою, когда нападут неприятели. Если б у Дария не было каменных шатров и золотых колесниц, ты не нашел бы где его столица, и не пленил бы его нежных жен.

— Правда твоя; но каким же образом, я слышал, что царство Амазонок Марфезии, Орифии, Пантезилеи и других, было при реке Фермодоне, а град их назывался Фэмасгард.

— Я и не слыхивала про них, мы владения своего никак не называем; Тураны же прозывают стан наш Конг-сарай, а иные Хан-серай, а Персы называют Сехер-Зенан, т. е. город жен. Руссы, соседи наши, говорили нам, что давно, давно, наш женский народ жил в какой-то земле, называемой Афтиод, или Африкэ.

— А, в Эфиопии, или в Африке, сказал Александр.

— Может быть.

Но я желал бы знать, каким образом составилось ваше женское царство?

У нас есть книга, писанная *Сифой,* о начале мира; в ней сказано, что Вел прежде всего создал прекрасных существ—жен, Греки называют это существо *Гина,* а иные народы *гений;* эти жены, гины, или гении, были крылаты, вечно юны, прелестны и предназначалось им быть воинством его, для изгнания мрака из пределов неба.

«Они гуляли в Араи и наслаждались игрою света, который переливался по семи струнам радуги, издавая дивные звуки. Ничто их не заботило; одна только была у них обязанность: смахивать крылами падающий на юную природу сумрак; но бессилие духа ночи изобрело хитрость: он увился прахом около одного гения:

— Поди сюда, Пери, т. е. Пернатая, сказал он, поди сюда, чистый мой пламень! мне жаль тебя, я вижу, ты носишься по раю, ищешь наслаждения, и не находить его; и не найдешь, покуда не соединишься со мною: мое наслаждение в тебе, твое во мне, ты не веришь?.. не верь Пери, тоскуй Пери! но не задумывайся; о чем тебе думать, у тебя все есть, очи твои видят свет, слух твой наслаждается игрой звуков; только одного ты не знаешь: *любви;* за то ты вечно летаешь. Но за чтож, добрая Пери, гонишь ты меня из области света? что я тебе сделал? Ты осветить меня можешь, но я затмить тебя не могу; изгнанник, страдалец, у меня одно благо— покой; но и покою вы мне не даете, и сами не ведаете этого блага.... Бедная, ты не ведаешь покоя, не испытала его!.. не бойся, опустись на радужных крылах твоих, прикоснись к земле...

— Что говорит он мне? чего я не ведаю? — думала Пери, и, плененная соблазном мрачного духа, Пери спустилась на землю. Как птица хотела снова вспорхнуть; но вся она была уже опутана

цветами; дух ночи обхватил ее, сжал в объятиях, и, радужные, прозрачные как хрусталь крылья Пери рассылались, мрак обдал очи, ей казалось, что в ней и во всей природе настало безмолвие.

Печальная восстала она от бесчувствия, хотела лететь — не могла: душа её заключена уже была в оковы тела, под сердцем что-то билось. Она заплакала, обратила очи к горнему небу, и молила снять с нее тяжкия оковы, молила утешить волнение чувств.

Однажды, во время тяжкого сна, она разбужена была какими-то неслыханными еще звуками; проснулась, и видит подле себя младенца; жалко стало ей его, взяла она его на руки, прижала к груди, и он умолк, впившись устами в перси её. «Это утешение послано мне Небом!» думала она, и воспитала Младенца. Это был первый сын земли. Вскоре стал он Царем своей матери, и от них то произошли люди: мужи и жены. В наказание за преступление первой жены Пери, все жены стали рабынями мужей.

Вот что сказано в книгах наших о сотворении мира; а как жены отделились от мужей, я тебе сей же час расскажу.

Есть где-то красное море. К берегам этого моря приехал на большой рыбе один земной бог, и стал он учить людей, как строить жертвенник Небесному Богу. Много людей собралось, и стали они сносить землю и насыпать высокую гору, а на той горе построили каменный кладень. И зажег земной бог на нем огонь, и велел покланяться этому огню и хранить его, и мясо зверей жарить на нем, и есть жареное, а не сырое. Он говорил, что от сырого родятся болезни на теле, огневики. И дал он людям, которые строили жертвенник, красные полости укрывать тело, дал оружие и учил Закону, который называл *Сага,* а всех учёных *Сагерами.* С тех пор

и прозвалось это *племя Саками,* или *Сакерами.* * Когда же пришли новые народы Титаны Эрэбы и разорили *Бабель,* и велели покланяться иным Богам, тогда Саки пошли за горы. Но они хотели покорить снова свою землю на берегах красного моря. Весь народ, от мала до велика, поднялся, и остались только жены с младенцами. Желание их исполнилось, они возвратили свою землю, в которой уже жил; заморский народ, и было много у него прекрасных жен. Саки избили всех мужей, а жен взяли, и стали с ними жить. Когда узнали *Коны*, что, мужья им изменили, то в отмщение истребили всех младенцев мужеского пола, и поклялись не принимать в свою землю мужей, разве только в рабы; но и рабам выкалывали глаза. Этот обычай и до сих пор у нас ведётся.»

— Да какая же польза от слепых рабов? — спросил Александр.

—Все работы, для которых мужчинам нужны глаза, мы сами исполняем, а их заставляем доить молоко, носить тяжести, нянчить детей. Этим то мудрым постановлением и держится наше царство; и ошибаются те, которые думают, что наши жены нуждаются в своих соседях.

Сверх того, в наших преданиях сказано, что настанет время, когда в целом мире жены сперва возьмут верх над мужами, а потом, пройдет время наказания, и оба пола соединятся снова в один.

Так рассказывала Минизия Александру на Скифском языке, который он изрядно понимал, ибо в то время все языки: еще не так далеки были друг от друга, и стоило только *присесть*, чтоб изучить какое угодно наречие первого земного языка.

* Не от этого ли и Sacer?

Кончив разговор, Минизия приказала воинственным женам своим сбираться в дорогу и седлать ей коня.

Вскоре все было готово; она простилась с Александром, поблагодарила за угощение и сказала на Лаконическом языке: «если дочь— моя, сын — твой — прощай!»

Быстро пустилась Минизия, сопровождаемая 305 жен, по извилистому пути в гору, и исчезла, как сновидение из глаз Задрагарда, закатилась солнцем за гору.... Но я еще вижу ее....

Вот конь со всадницей моей,
По степи вьюгою несется;
Пыл так и пышет из ноздрей,
Вихрь под стопами так и вьется,
Земная твердь под ним дрожит.
Вся даль на встречу ей бежит;
Она Сирийская богиня,
И стрелы сыплет из очей;
В руках ея стальной *Арей,*
Тевтонов грозная святыня;
Она прекрасна, но, по мне,
Не езди баба на коне:
Для женщин женское есть бремя,
Их дело мирно процветать,
И человеческое племя,
Не истреблять, а размножать.

Как ни владел Александр сам собою, но, долго задумчиво смотрел на извивающийся в гору путь, по которому скрылась Минизия.

Китайский шут, бывший при нем, заметил это.

— О, Государь, —сказал он, ты могущ и силен, повели всем Стихотворцам подвластных тебе царств собраться во дворец твой....

—Для чего? спросил Александр.

— Да сочинят они тебе стихи на разлуку розы с соловьем, — и назови ты это место: Цан-бе-ли, т. е. деревня горестного расставания.

— Правда твоя, сказал рассеянно Александр.

— Однакож Зенда лучше ее! — продолжал он про себя; и велел призвать к себе Зенду.

— Зенда! —сказал он, вошедшей под белым покровом сирийской розе, — утихла ли скорбь твоя?

— Жива моя память, живо и сердце мое! ... отвечала дева. .

— Я люблю тебя, Зенда!

— Благодарю Изида за добрые твои чувства ко мне; но не презирай моих горьких воспоминаний....

— Зенда! ... будь Царицей земного шара! ... сбрось эту одежду печали, надень пурпур; только один раз ты должна исполнить волю мою, а потом владей и мною и миром! ...

— Я рабыня твоя… и, как рабыня, молю дозволить деве, жриц Изида, помолиться на гробе отца… призвать на себя его благословение.... В храме солнца приняла я священную одежду, только в храме и могу снять её...

—: Храм Изида повсюду; дух отца твоего носится над тобою; помолись ему, Зенда, сбрось белую одежду; я своими руками облеку тебя в пурпур.

— Нет, нет, Скендер, в Вавилоне! — произнесла Зенда трепетным голосом, и закрыла лицо руками, и плакала.

— Не плачь, Зенда, не плачь, сказал Александр, отнимая её руки от лица, я исполню волю твою, исполню! ...

Смоченное слезами покрывало… прильнуло к щекам… к устам... стало прозрачно… глаза! нет слов! ...

Зенда вышла; Александр не сводит очей с того места, где она стояла.

Но вдруг очи его загорелись.

—Индия, Индия! — вскричал он — и в Вавилон! ...

И ряды воинов снова строятся под знаменами. Александр садится на жеребца черного, как ночь, которого весь восток называет, Хэтль, —идёт покорять Индию. Но на дороге к Арахазии узнал он от Правителя области *Дивела*, что Парфы, Аланы и Руссы, соединенными силами сделали набег на Абхазию, переправились чрез Албанское море на судах, разграбили всю страну, взяли в плен прелестную *Нушабэ,* и грозят пленом всей Армении и Румунии Азийской. Александр вспыхнул. О, я разгромлю Парфов, и Руссов! вскричал он, —прокачу их головы шарами по земле, как Нил выступлю из берегов и утучню их землю кровью, пережгу в прах камни их жилищ! ... Скажи всем народам, что я иду искоренять плевела, что я для блага людей иду извлечь сахар из тростника, злато из недр земли, и мой трон будет до тех пор на хребте коня, покуда не изведу злодеев и насильников! Иди Дивел!

И Дивел, облаготворенный милостию Александра, облобызал прах, обратившийся в амбру от слов его.

Александр поднялся как ветр. Войско его взвилось прахом, понеслось на полночь. Вот перешагнули они воды, вступили в степи: Хева-резма, разлились по степи *Кифчака* черным морем.

Велика была рать Александра, говорит восток устами своих мудрецов, коим Небо ниспослало *Калям***,** чтоб писать *Китабы***.** В

войске его было 200 слонов, облеченных в латы, были у него и Хинские стрелки; их стрелы так были остры, что раздваивали волос человеческий; а вся рать была похожа на огнедышащую гору, и земля стонала под её тяжестью.

Гиндал, предводитель Руссов, заметив, что небо помрачается над его замлею, собрал всех своих воинов и сказал им:

«—Смотрите, там вдали идет рать гурий, в длинных подолах; за ними везут серьги и поручни и драгоценные камни, украшение жен. Их брони из жемчуга и рубинов; их одежда и кони облиты золотом; лен, шелк и пух служат им коврами успокоения; — чувствуете ли в воздухе запах амбры и роз? это ветр принес с их умащенных локонов, разлитых по плечам....

— Смотрите, они гадают по книгам и по полёту птиц, и по внутренностям животных: идти ли, им в битву или нет? — Пойдемте, друзья, бросьте горсть игл, этим женам! пойдемте, друзья, заставим их прясть посреди поля на себя оковы!

— Пойдем, пойдем, Гиндал! вскричали Руссы; с тобою, из скал, пораженных нашими стрелами, потечет кровь!»

Руссы бросились на передовых воинов Александра, поразили их, но Александр устоял; семь дней сражался он с Руссами, но наконец победил их, освободил *Нушабэ* из плена, взял в добычу тьму верблюдов и драгоценных мехов, и, облобызав прах земли в благодарность Богу, отправился побеждать на берега *Ганга*.

Уже мы проходили под стопами златой Сура-лай *, где стоит великий престол *Оума,* украшенный девятью драгоценными камнями, где возвышается *Падма* ****,** увенчанная треугольником, из которого исходит *лингам****, трилиственное древо жизни, тримурти....

— Понимаешь? спросил меня Александр.

— Понимаю, отвечал я, —это Символ Будхаизма, или Башизма, или Бахизма. Кроме того...

Но слова мои были прерваны прибытием Курьера из Македонии; между письмами к Александру, было письмо и ко мне.

Я развернул его, и — не могу утаить от читателя:

* Сура-лайя — обитель солнца; Сумеру — тоже — вершина Гималая.

** Минарет.

*** Лик Лина, и Луны — означ: рождение, полноту и ущерб её.

Ко мне писали:

Жду тебя, не дождусь,
Красный день, друг милый!
Изведусь, истомлюсь,
Без тебя, друг нежный!

Когда сокол стрелой,
Пролетит друг милый,
А я плачу; не мой,
То не мой друг нежный!

Где ж ты, солнышко — свет,
Где запал, друг милый;
Или Божий завет
Позабыл друг нежный?

Нет, я Богу молюсь,
За тебя, друг милый,
Не забудешь — дождусь,
Я тебя, друг нежный!

— Прощайте, Александр Филиппович!

— Что это значит? куда? — вскричал Александр.

— Никак не могу долее оставаться с вами, как мне ни приятна древность, как ни желал бы я посмотреть на Индию, как ни желал бы сопутствовать одному из величайших мечей мира, но не могу… надо хоть на время побывать дома… вот прочтите.

Александр взял письмо, прочитал и…

— Ну, нечего делать, прощай.

Поклонясь востоку солнца и колыбели человечества, я распахнул крылья и мысль моя рассталась с Александром, любимым сыном Амун-ра.

КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА МАКЕДОНСКОГО.

Приложения

В. Г. Белинский

Предки Калимероса.

Александр Филиппович Македонский...

И снова в путь.
"Странник", ч. IV.

Кому не известен талант г. Вельтмана? Кто не странствовал с его "Странником" по всем странам мира, древнего и нового, словом, везде, куда только влекла его прихотливая и причудливая фантазия автора? Кто не жил с ним в баснословных временах нашей Руси, столь полной сказочными чудесами, столь богатой сильными, могучими богатырями, красными девицами, седыми кудесниками, всею нечистою силою, начиная от дедушки Кощея Бессмертного до лохматого домового и обольстительной русалки старого Днепра? Кто не помнит Ивы Олельковича, с его "нетути" и кривыми ногами, кто не помнит Мильцы и Младеня? А Святослав, вражий питомец, его пестун - и кто перечтет все эти фантастические полуобразы, эти пестрые картины русского сказочного мира?.. Да, все это носит на себе печать истинного, неподдельного таланта, которого, правда, никогда не становится на что-нибудь целое, полное и стройное, но который тем не менее превосходен в своем неоконченном, отрывчатом, прыгучем, так сказать, характере. Сверх того, талант г. Вельтмана самобытен и оригинален в высочайшей степени; он никому не подражает, и ему никто не может подражать. Он создал себе какой-то особенный, ни для кого не доступный мир; его взгляд и его слог тоже принадлежат одному ему. Более всего нам нравится его взгляд на древнюю Русь: этот взгляд чисто сказочный и самый верный. Кто бы стал поэтизировать древнюю Русь в форме

вальтерскоттовского романа, а не в форме полуфантастической, полушутливой сказки - у того вышел бы не роман, а какая-то пародия на роман, что-то бледное, безжизненное, насильственное и натянутое. За примерами ходить недалеко. В свое время мы поговорим об этом поподробнее. Да, мы твердо убеждены, что древняя Русь (то есть до времен усиления Москвы) годится только на сказки, оперы, фантазии и фантасмагории. Г-н Вельтман хорошо это понял, и потому его романы читаются с удовольствием. Они *народны,* в том смысле, что дружны с духом народных сказок, покрыты колоритом славянской древности, которая дышит в дошедших до нас памятниках. Он понял древнюю Русь своим поэтическим духом и, не давая нам видеть ее так, как она была, дает нам *чуять* ее в каком-то призраке, неуловимом, но характеристическом, неясном, но понятном. Одно это может служить неопровержимым доказательством неподдельности таланта г. Вельтмана. В романе или повести, где представляется жизнь действительная, талант иногда можно заменить знанием жизни и людей, верным списком с существующих характеров, хорошим слогом, умными заметками о жизни, воспоминаниями собственной жизни. Конечно, и такой роман все-таки не будет художественным созданием, но он может занять на некоторое время общее внимание, может прожить хотя короткое время. Но в созданиях фантастических, сказочных - без таланта плохо. Как ни натягивайтесь, а всё будете или смешны, или скучны. Чем вымысел нелепее, тем он неудачнее, если сделан, а не создан. Гримаса должна быть к лицу, если она мила; у фантазии есть свои гримасы.

Г-н Вельтман начал свое поприще плохими поэмами в стихах, но известность приобрел своим "Странником", этою милою болтовнёю в стихах и прозе, о том и о сем, а чаще ни о чем. В "Страннике" выразился весь характер его таланта, причудливый, своенравный, который то взгрустнет, то рассмеется, у которого грусть похожа на смех, смех на грусть, который отличается удивительною способностию соединять между собою самые несоединимые идеи, сближать самые разнородные образы, от кофе

переходить к индийской пагоде, от жида-фактора к Наполеону, от перочинного ножичка к Байрону, из настоящего перелетать в прошедшее и изо всего этого лепить какую-то мозаическую картину, в которой все соединяется очень естественно, ничто друг с другом не ссорится, словом, все принимает на себя какой-то общий характер. "Странник" - это калейдоскопическая игра ума, шалость таланта; это не художественное произведение, а дело и шутка пополам; вы и посмеетесь, и вздохнете, а иногда и освежитесь более или менее сильным впечатлением творчества. Как бы то ни было, по крайней мере вы не утомитесь, не соскучитесь от этой книги, прочтете ее от начала до конца, без всякого усилия: а это, согласитесь, большое достоинство. Много ли книг, которые можно читать - *без скуки, добровольно?..*

"Кощей Бессмертный" есть лучшее произведение г. Вельтмана. Так как он следовал непосредственно за "Странником", то и подавал блестящие надежды на талант г. Вельтмана. В самом деле, ничего нет основательнее, как ожидать после хорошего произведения того или другого автора еще лучшее, после этого еще лучшее. Постепенная зрелость в последующих произведениях есть самый верный пробный камень силы таланта. Талант должен идти в гору, если он хочет творить не для современников, а для потомства; в противном случае он есть явление, может быть, прекрасное, но мимолетное, мгновенное, падучая звезда, воздушный метеор. Все последовавшие за "Кощеем" романы г. Вельтмана были ознаменованы талантом и достоинством, но все они были ниже лучшего его произведения "Кощея Бессмертного". В его "Мартыне Задеке» заметен какой-то намек на мысль глубокую и прекрасную, но эта мысль выражена так загадочно, все создание, по обыкновению, изложено так отрывочно, что, право, все это начинало походить на злоупотребление таланта, на какой-то *фокус-покус* фантазии. Г-н Вельтман играет на свой талант, и публика не без основания боится, чтоб он не проигрался...

"Александр Филиппович Македонский" есть продолжение "Странника". Автор начинает так:

Хоть вы златницами меня обсыпьте и обвесьте,
Как идолу молитесь мне,
Но с тем, чтоб я сидел на месте
И видел божий мир лишь в книгах да во сне...
Не соглашусь!
Но если человек самой судьбою скован,
И счастье не везет... душа его на дне,
И он, как говорят по-польски, замурован,
Но видит божий мир и в книгах и во сне...
Что ж делать!

В самом деле, это не совсем приятно; но г. Вельтман этим нисколько не затруднился: он сел на гиппогрифа и поехал в древность; вправо от него носились мифы, как инфузории в капле воды; влево, по горам, тянулся *Гуристан* азов, финикиян, скифов, цельтов, киммериан, хазар, печенегов!..

Счастливый путь г. Вельтману. Мы не в силах следовать за ним в его продолжительном путешествии в такую даль; мы не можем и пересказать всех диковинок, каких он там насмотрелся. Пусть читатели сами все узнают из его книги.

Однако ж нам хотелось бы дать какое-нибудь понятие о его новом произведении: оно стоит, чтобы о нем поговорить побольше, но мы все-таки боимся, что не сумеем хорошенько сделать этого. Однако ж хоть как-нибудь...

Гиппогриф мой взвевал пыль преданий; не останавливаясь, проехал я Хиера-Залу Белистана; взглянул на бюст Александра Великого... Необыкновенное сходство с Наполеоном!

В Тире г. Вельтман увидел Пифию; она взглянула на него молча, сладостно - и скрылась за занавесом.

Читали ль вы ответ пророчицы в глазах?
Все нервы в вас, как струны, загрохочут,
Когда светильники любви не в небесах,

А на земле блаженство вам пророчут!
О звездный свет от голубых очей!
О кудри, свитые из утренних лучей!
И бурею любви колеблемое лоно,
И эти лебеди Меандра - рамена!..
Тс! Пифия нисходит уже с трона,
В объятья... да!.. в объятья сна!

Неправда ли, что Пифия прекрасна, что в нее можно влюбиться? Г-н Вельтман так и сделал - и сделал хорошо. Ему оставалось только похитить ее; но как похитить Пифию?.. Да, это хоть кого так поставило бы в тупик, но г. Вельтман недолго думал; он сказал самому себе:

Но я влюблен, влюблен я страстно;
А страсть есть то же, что и власть:
Ей все возможно, все подвластно,
Страсть может Пифию украсть.

Я так и сделал. Ошибаются историки, которые похищение юной Пифии приписывают фессалийцу Ификрату.

Невозможно пересказать всех приключений г. Вельтмана. Он познакомился с Филиппом Аминтовичем, отцом Александра Филипповича Македонского; с его супругою Олимпиею, или Василисою (не помню ее отчества, а справиться не имею времени), с Аристотелем Никомаховичем, воспитателем Александра Македонского. Дочь Олимпии, Фессалину, взял на воспитание сам г. Вельтман. Он видел, как рос Александр, сопровождал его в походах, был с ним в Вавилоне и уже в этом городе, получив *из* дому нежную записочку в стихах, расстался с всемирным завоевателем и возвратился к нам, в Москву.

Похитив Пифию, г. Вельтман пустился в путь, но принужден был оставить ее у пелазгов, которые жили на перепутии двух дорог, из которых одна вела в *Латыны,* а другая в *Словены.* Перебравшись

чрез Карпатский хребет, он очутился в садах *Одубешти* и пил там превосходное вино, которое подкрепило его силы после путешествия в областях Эреба; но, желая возвратиться на родину, он отправился на станцию, чтоб взять почтовых лошадей. "Ди Граве Кай", - вскричал он по-молдавански. "Пожалуйте подорожную", - отвечал ему "капитан-де-почт" по-русски. Нос, глаза, усы, одежда и трубка в зубах доказывали, что этот "капитан-де-почт" был или молдаван, или грек, или по крайней мере римлянин. Г-н Вельтман рассердился на него за требование подорожной, махнул рукою - и *скуфия* полетела с головы "капитан-де-почт".

- Вот тебе и подорожная!

- Как вы смеете драться? - вскричал он, потеряв равновесие и папуши. - Я благородный, я Калимерос!

- Будь ты хоть *Кали-еспера-сас,* мне все равно.

- Нет, я не *Кали-еспера-сас,* а Калимерос! Вот извольте посмотреть сами.

И "капитан-де-почт" достал из кованного сундука почтовый лист бумаги, на котором было написано: "Get enfant est ne d'une des plus illustres tiges; qu'il soit nommee Alexandre Kalimeros" {"Этот ребенок принадлежит к одному из самых знаменитых родов - да зовется он Александром Калимеросом" *(франц.). - Ред.*}.

"Что это значит? - думал я, рассматривая черты "капитана-де-почт"; - как он похож на бюст Александра Великого, который я видел в сирийском храме, а бюст Александра Великого похож... о, это должно исследовать!"

- Не нужно лошадей! - вскричал я. - Я отправляюсь в глубокую древность исследовать, действительно ли ты Калимерос!

- Заплатите прежде за бесчестье! - вскричал "капитан-де-почт", догоняя меня... Но я уже был за тридевять земель в тридесятом царстве.

"И это потомок великого человека! - думал я, пробираясь в Македонию; - о, справедлива немецкая пословица, что счастье *глюк,* а несчастье *унглюк!"*

Итак - грек, "капитан-де-почт", носил фамилию *Калимерос* и был похож лицом на бюст Александра Великого, виденный г. Вельтманом в сирийском храме, - ergo {следовательно *(лат.).* - *Ред.*}, и Александр Великий должен был прозываться Калимеросом. Потом: известно, что Наполеон происходит от одной греческой фамилии, переселившейся в Италию по падении византийской империи, что эта фамилия носила имя Калимеросов и что греческое "Калимерос" было переведено на италиянский слово в слово чрез - "Buona-parte", что значит *добрая участь; ergo,* Наполеон есть потомок Александра Македонского. Какая чудная генеалогия! По крайней мере чудная в том отношении, что доставляет нам неожиданное удовольствие познакомиться с Наполеоном еще прежде знакомства с его пращуром Александром Филипповичем...

Сначала роман г. Вельтмана удивил нас немного; мы думали: как можно тратить свое время на такие, конечно, очень милые, но вместе с тем и бесплодные вещицы? Это тем страннее, что талант г. Вельтмана годился бы на что-нибудь подельнее и посущественнее... Что это такое? сказка не сказка, роман не роман, а если и роман, то совсем не исторический, а разве *этимологический,* потому что все действующие лица помешаны на этимологическом производстве слов; неужели г. Вельтман захотел быть изобретателем особенного рода романов - *этимологических!..*

Но после мы поняли все: это не роман, а тонкая, злая сатира на исторических мистиков и отчаянных этимологистов. Вот доказательство: г. Вельтман доказывает, разумеется, шутя, что Омир происходит от слова "по миру", потому что творец Илиады был слепой старик и ходил по миру!.. У греков г. Вельтман нашел и варенины, и кадки, и бочонки, и все, что вы можете найти в московском Охотном ряду... Очевидно, что это шутка!..

Но эта шутка написана мило, остро, увлекательно, очаровательно; читая ее, и не видишь, как перевертываются листы, и только с досадою замечаешь, что близок конец. Итак, читатель,

который хочет только позабавиться и имеет для этого свободное время, может смело взяться за новый роман г. Вельтмана.

Библиография

ПРЕДКИ КАЛИМЕРОСА. АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ МАКЕДОНСКИЙ . Москва. В типографии Н. Степанова. 1836. Две части: I - 272; II - 198. (8).

ПРЕДКИ КАЛИМЕРОСА.

АЛЕКСАНДРЪ ФИЛИПОВИЧЬ

МАКЕДОНСКІЙ.

И снова въ путь.

Гр. Ч. Странника.

I.

МОСКВА.

въ типографіи Н. Степанова.

1836.

Биография

ВЕЛЬТМАН, АЛЕКСАНДР ФОМИЧ

(1800–1870)

Русский писатель, историк, фольклорист. Родился 8 (20) июля 1800 в Петербурге, сын шведского дворянина, в 1786 принявшего российское подданство. Учился в Благородном университетском пансионе, в 1816 окончил пансион братьев Терликовых, в 1817 – Московское училище колонновожатых. В 1818–1830 служил в Бессарабии военным топографом. В Кишиневе сблизился с В.Ф.Раевским и А.С.Пушкиным (высоко ценившим юмористические стихи Вельтмана, высмеивающие кишиневское общество, – Воспоминания о Бессарабии Вельтмана, частично опубл. в периодике 1837 и 1893; Вельтман изобразил Пушкина в рассказе Илья Ларин, 1847, и повести Не дом, а игрушечка!, б.г.). Был свидетелем греческого восстания 1821; получил орден за храбрость, проявленную в русско-турецкой войне 1928–1829. Увлекся изучением археологии, этнографией и историей края, опубликовал многочисленные научные и научно-популярные работы (Начертание древней истории Бессарабии, 1828; О господине Новгороде Великом, 1835; Аттила и Русь IV и V в., 1858; Первобытное верование и буддизм, 1864, и др.). С 1831, выйдя в отставку в чине полковника, жил в Москве. По протекции М.Н.Загоскина стал помощником директора, с 1852 – директором Оружейной палаты. С 1854 – член-корреспондент Академии наук.

Оправдывая характеристику современника, филолога и этнографа И.И.Срезневского («добр, прост, окружен книгами, беспрерывно работает, чем и живет»), Вельтман издал за 40 лет литературной работы огромное количество произведений. В их числе романтические поэмы Беглец (1825), Муромские леса (1831; Что затуманилась, зоренька ясная из нее стала народной песней), драмы Ратибор Холмоградский (1841), Колумб (1842), Волшебная ночь (1844, по мотивам Сна в летнюю ночь У.Шекспира), роман Странник (ч. 1–

3, 1831–1832) – одно из лучших творений Вельтмана, где писатель, иронически обыгрывая приемы известных литературных путешествий (Л.Стерна, Ксавье де Местра и др.), совмещает подлинность фактографии с комической условностью, а реальные описания – с воображаемым, по географической карте, путешествием («Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию...») и, переходя в калейдоскопической непоследовательности от прозы к стихам и обратно, дает редкий образец «романтически-лирического повествования» (Ю.Манн). Интерес к славянской старине, сплав исторических и мифологических элементов национального сознания, при явной идеализации патриархального бытия, отразились в романах Кащей Бессмертный (1833), Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного солнца Владимира (1835), в повести Райна, королева Болгарская (1843), а также в разворачивающемся на фоне Отечественной войны 1812 романе Лунатик (1834). Размышления о прошлом и будущем человеческой цивилизации явились основным импульсом к созданию «экспериментальных» фантастических романов MMMСДXLVIII год. Рукопись Мартына-Задека (1933) и Предки Каломероса. Александр Филиппович Македонский (1836), в которых доминирует мысль о вечном повторении, круговороте общественных структур, человеческих пороков и заблуждений, нравственных и умственных исканий. Критики усматривали поверхностную сатиру на Наполеона в романе Вельтмана Генерал Каломерос, в романах же Виргиния, или Поездка в Россию (1837), Новый Емеля, или Превращение (1845),повестях Эротида (1835), Аленушка (1836), Ольга (1837) и др. – апологию «простодушного», невольно разоблачающего фальшь и лицемерие «цивилизованного» общества (стойкая традиция европейской литературы). Наивному и чистому «простаку» Вельтман противопоставляет расчетливого прагматика, цепкого и хваткого «делового» человека

(повесть Карьера, 1842) из того буржуазно-«накопительного», чиновничье-бюрократического мира, который был решительно чужд сентиментально-славянофильскому духу Вельтмана и который писатель обличал в манере как иронически-фантастической, полусказочной (роман Сердце и думка, 1838), так и реалистической (повести Неистовый Роланд, др. назв. Провинциальные актеры, 1835; Приезжий из уезда, или Суматоха в столице, 1841; романическая эпопея Приключения, почерпнутые из моря житейского, кн. 1–4, 1846–1864, в которой особенно выделяется первый роман, Саломея). Приключения – самое известное и масштабное произведение Вельтмана, где выведено более ста представителей разных сословий, демонстрирующих с позиций превосходства «старинных нравов перед нынешними» (В.Г.Белинский) вырождение аристократии, моральное разложение купечества, алчность и цинизм промышленников, деградацию мещанства. Характерный для художественного мира Вельтмана сплав бытовой конкретности в описании антуража и отдельных образов с условностью сюжета, приводящей к мистификациям и недоразумениям, проявился в романах Чудодей (1856), герои которого случайно «поменялись» судьбами, Воспитанница Сара (1862) и отчасти Счастье-несчастье (1863). «Экспериментальные» произведения Вельтмана, полные загадочных, фантастических и сказочно-потусторонних персонажей, авантюрных приключений, анекдотических неурядиц, насыщенные каламбурами, эпатирующие гротеском и многокрасочной стилизацией, вызывавшие и признание («оригинальный игривый талант»), и критику («археологический мистицизм»), в силу переизбыточности, неправдоподобности, утомительной многословности его повествования не стали классикой отечественной словесности. Однако, во многом опередив свое время, они оказали влияние на Ф.М. Достоевского, Н.С.Лескова, П.И.Мельникова-Печерского и далее на И.Ильфа,

Е.Петрова, М.А.Булгакова, Вс.В.Иванова, Е.Л.Шварца. Заслуживает упоминания и литературно-просветительская деятельность Вельтмана, в т.ч. как составителя несколько раз переизданной книги Начальное чтение для образующегося юношества (1837), автора вызвавшего интерес Пушкина стихотворного перевода Слова о полку Игореве под назв. Песнь ополчению Игоря... (1833), переводчика фрагментов древнеиндийского эпоса Махабхарата и средневекового германского героического эпоса Песнь о Нибелунгах. Энциклопедическая образованность, ум, такт и терпимость писателя способствовали тому, что в 1830–1860-е годы дом Вельтмана был одним из известных в Москве литературных центров, где собирались люди самых разных профессий, политических, философских и эстетических направлений и взглядов, от убежденных славянофилов до радикальных «западников» (М.П.Погодин, В.И.Даль, В.Г.Белинский, Ф.И.Буслаев, А.И.Герцен, Ф.Н.Глинка, Н.В.Гоголь, Г.П Данилевский, Ф.А.Кони, М.С.Щепкин, В.Ф.Одоевский, А.Н.Островский и др.). С 1850 активное участие в литературной жизни Вельтмана принимала известная в свое время беллетристка (исторические и семейно-бытовые повести и романы) и просветительница (Азбука и чтение для первого возраста, 1862) Елена Ивановна Вельтман (ум. 1868), вторая жена писателя.

Умер Вельтман в Москве 11 (23) января 1870.

Энциклопедия Кругосвет

Оглавление

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

XXVII

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ФАНТАСТИКА

LEO